ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11

1966

За нашу Советскую Родину!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

11

НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА—1966

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К. ЧЕРЕМУХИН — Великая победа под Москвой 3
И. СОЛОВЬЕВ, Т. ФЕДОРОВА — К истории возникновения большевистских организаций на Балтийском флоте 10
Л. ГОЛЬМАН — Военно-исторические вопросы в письмах К. Маркса и Ф. Энгельса 20
Н. СВЕТЛИШИН — От солдата до маршала 31
ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 41

ВОСПОМИНАНИЯ

К. РОКОССОВСКИЙ — На волоколамском направлении 46
Ф. ГОЛИКОВ — Резервная армия вступает в сражение южнее Москвы . . . 56
Н. КРЫЛОВ — Слово о защитниках Одессы 69

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. КУЛИЕВ — Азербайджанская советская историография Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 78
К. ДОМОРАД — Так ли должны писаться военные мемуары? 82
Г. КУПРИЯНОВ — О некоторых неточностях в очерках по истории Карелии . . 93

СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

А. КОЛЕСНИК, А. СИНИЦЫН — Трудящиеся Москвы на защите родного города 96
В. ПЕТРАШ — Е. А. Беренс 102
Книги по истории войн и военного искусства 106
ХРОНИКА, ФАКТЫ, НАХОДКИ 111
ЛЕТОПИСЬ БОЕВОЙ СЛАВЫ 114

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

А. ХАРИТОНОВ — Легендарная ледовая трасса 120
Ф. САМСОНОВ — Маршал артиллерии М. Н. Чистяков 124
И. ПЕРЕСЫПКИН — Генерал-лейтенант войск связи Н. А. Борзов 126

Великая победа под Москвой

(К 25-летию Московской битвы)

Кандидат исторических наук
полковник К. ЧЕРЕМУХИН

ПОБЕДА советских войск под Москвой в декабре 1941 года вошла славной страницей в военную историю советского народа — народа-героя. Разгром немецко-фашистских полчищ, рвавшихся к Москве, явился первой крупной победой Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне и первым тяжелым поражением вермахта в ходе второй мировой войны. Величие этой первой победы определяется прежде всего тем, что она была одержана в невероятно трудной обстановке, при отсутствии численного превосходства в силах над врагом.

Переход Красной Армии в начале декабря 1941 года в решительное наступление под Москвой и разгром немецко-фашистских войск у стен столицы знаменовали собой завершение целого этапа многотрудной, бескомпромиссной борьбы советских людей с коварным врагом, олицетворявшим темные силы германского милитаризма. То был этап тернистого пути суровых испытаний, с честью выдержанных советским народом.

Битва под Москвой явилась поворотным пунктом в ходе войны, важнейшей вехой на пути к полной победе над фашистской Германией. В ожесточенных оборонительных и наступательных сражениях на подступах к Москве советские воины окончательно и бесповоротно похоронили планы гитлеровского «блицкрига». И это произошло тогда, когда противник уже считал, что победа над Советским Союзом близка.

Гитлеровское военное и политическое руководство было уверено, что захват немецкими войсками центрально-промышленных районов СССР и столицы страны окажет решающее влияние на достижение конечных целей войны по плану «Барбаросса». Исходя из этого, в «генеральное» наступление на Москву враг бросил очень мощную группировку, насчитывавшую в своем составе почти 80 дивизий, т. е. около половины людей, орудий и минометов и три четверти всех танков, имевшихся в то время у него на советско-германском фронте. Удары сухопутных войск поддерживала одна треть наличных сил немецкой авиации. Сокрушающий характер, который должно было носить наступление на Москву, нашел свое выражение в самом его наименовании: операция «Тайфун».

Однако уже оборонительный период битвы под Москвой, продолжавшийся свыше двух месяцев — с начала октября до 5 декабря 1941 года, показал беспочвенность расчетов гитлеровских стратегов. Правда, на первых порах противник достиг серьезного успеха. В течение месяца он продвинулся на 230—250 км, захватил Калинин, Волоколамск, вышел на реку Нара и к Туле. Но советские войска, сражавшиеся на западных подступах к Москве, несмотря на то что в первых числах октября оказались в исключительно тяжелом положении, смогли преодолеть кризис и, получив усиление за счет резервов Ставки ВГК и других фронтов, сна-

чала затормозили наступление противника, а затем и остановили его. Вместо быстрого разгрома советских войск на центральном направлении и безостановочного продвижения на Москву враг в результате сопротивления советских войск вынужден был в конце октября временно прекратить наступление. Чтобы его возобновить, противнику пришлось затратить на подготовку полмесяца. Эта двухнедельная пауза дала советскому командованию возможность дополнительно усилить войска на московском направлении и создать прочную оборону на ближних подступах к столице. Приближение зимы подстегивало гитлеровцев, и они стремились во что бы то ни стало и как можно быстрее прорваться к Москве.

Второе наступление враг начал 15 ноября. Его ударные группировки, нацеленные в обход Москвы с севера и юга, включали почти все танковые и моторизованные дивизии группы армий «Центр». Это наступление было предпринято в условиях, когда противник практически не имел резервов. Однако он не терял надежд на победу. И когда главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Браухич 18 ноября выразил свое недовольство тем, что наступление развивается медленно и шансов на быстрое приближение к Москве остается все меньше, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Бок сохранял твердую уверенность в успехе. Он заявил начальнику генерального штаба генерал-полковнику Гальдеру, что «противник тоже не имеет резервов в глубине своего фронта и в этом отношении наверняка находится в еще более худшем положении, чем мы». И на сей раз гитлеровское командование в оценке наших сил и возможностей допустило просчет, оказавшийся для него роковым.

Невзирая на потери, враг рвался вперед, и нашим войскам, сражавшимся уже на ближних подступах к столице, было чрезвычайно трудно. Непосредственно за ними, в опасной близости, находилась Москва. Отступать было некуда. Требовалась исключительная самоотверженность и упорство в борьбе, чтобы не допустить прорыва противника. И советские воины стояли насмерть. Их героизм носил массовый характер. В это время у нас в тылу готовились крупные резервы, но требовалось время, чтобы завершить их подготовку и подвести к Москве. Своей самоотверженной борьбой, ценой многих жизней войска, оборонявшие столицу, выиграли это время.

В конце ноября—начале декабря на ближних подступах к Москве возникла очень сложная и своеобразная обстановка. Севернее и северо-западнее столицы противник подошел к каналу Москва — Волга, а с юга — к Кашире. В ответ на это опасное продвижение войска Западного фронта активизировали свои действия. С 27 ноября они начали наносить контрудары по наиболее угрожаемым вражеским группировкам, вышедшим в районы Яхромы и Каширы. Передовые части 1-й ударной армии, выдвигавшейся из резерва Ставки, разгромили противника, переправившегося на восточный берег канала, а переброшенный из-под Серпухова 2-й кавалерийский корпус, усиленный танковой дивизией, нанес удар по фашистским войскам в районе Каширы и отбросил их к Мордвесу. Эти первые пока еще местные успехи предвещали изменение характера дальнейшей борьбы за столицу.

Командование группы армий «Центр» не уловило начала изменения обстановки. Оно рассматривало контрудары войск Западного фронта на севере как сильные «сковывающие атаки», а на юге как намерение их «удержать рубеж Оки западнее Тулы». 2 декабря противник овладевает Крюково, 3 декабря — населенными пунктами Белый Раст и Красная Поляна, находившимися в 25 км от Москвы. На центральном участке Западного фронта шла напряженная борьба с вражеской группиров-

кой противника, наступавшей от Наро-Фоминска на Апрелевку. Это были кризисные дни. Вражеские войска, подбадриваемые близостью цели, ожесточенно рвались вперед, не считаясь с потерями. Но силы советских войск, героически отстаивавших столицу своей Родины, постепенно нарастали. В конце ноября Западный фронт получил в свое распоряжение 1-ю ударную, 20-ю и 10-ю армии. В эти же дни остальные армии правого крыла фронта получили усиление в виде отдельных соединений и частей.

Но решительный перелом в обстановке наступил лишь 4—5 декабря. К этому времени противник выдохся окончательно и наступление его начало затухать. Если еще 3 декабря Гальдер в переговорах с Боком указывал на опасность перехода к обороне, то 4 декабря он вынужден был заявить: «Если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов на то, что в ходе наступления северо-западнее Москвы противнику могут быть нанесены большие потери, ему предоставляется право прекратить наступательные действия». В оперативной сводке штаба этой группы армий за 5 декабря 1941 года указывалось, что большая часть введенных в сражение соединений в связи с продолжительным и беспрерывным их использованием в трудных боевых условиях, а также плохим снабжением истощена и частично более не боеспособна; в большинстве случаев войска стали настолько малоподвижными, что «нельзя больше говорить о применении их в качестве моторизованных». С 5 декабря командование группы армий «Центр» начало выводить некоторые соединения из боя в свой резерв. Наступило время для перехода в контрнаступление советских войск. Благоприятные условия для этого определялись тем, что противник не перешел еще к обороне, не создал резервов, не имел оборонительных рубежей, еще не «настроился» на оборонительные действия. Кроме того, в своем стремлении осуществить глубокий охват войск Западного фронта ударные группировки противника сами оказались охваченными с флангов. Переходу в контрнаступление способствовала также обстановка на флангах советско-германского фронта. С середины ноября советские войска вели контрнаступление на тихвинском и ростовском направлениях. При этом войска Южного фронта разгромили 1-ю танковую армию Клейста под Ростовом и отбросили противника за реку Миус. Обозначились первые успехи и под Тихвином. Следовательно, немецко-фашистское командование было лишено возможности оказать помощь группе армий «Центр» силами других групп армий.

Этот благоприятный момент советское командование определило правильно, и 6 декабря по вражеским войскам был нанесен первый удар, ознаменовавший собой переход войск Западного фронта в контрнаступление. Удары Западного фронта слились с ударами Калининского фронта, перешедшего в наступление на один день раньше, и правого крыла Юго-Западного фронта, начавшего наступление 6 декабря. Оборонительный период битвы под Москвой закончился. Планы противника по захвату столицы СССР были сорваны. Все надежды, связанные с ее овладением, рухнули.

Отличительной особенностью, своеобразием контрнаступления советских войск под Москвой было то, что оно выросло из обороны, явилось результатом перерастания армейских контрударов в решительное наступление. Общий замысел контрнаступления складывался постепенно в ходе ожесточенной борьбы в конце ноября, в условиях кризисной обстановки. Замысел контрнаступления оформился как результат соображений, разработанных фронтами.

Военный совет Западного фронта, получив в свое распоряжение 1-ю ударную, 20-ю и 10-ю армии, 30 ноября по указанию Ставки пред-

ставил свои предложения по плану контрнаступления. В них излагались ближайшие задачи фронта, выражавшие собой идею одновременного разгрома угрожавших Москве северной и южной ударных группировок противника. Глубина ближайших задач составляла на севере до 60 км, на юге — до 100 км. Армии центра Западного фронта должны были наступательными действиями с ограниченными целями сковать противника и не позволять ему перебрасывать силы на фланги. План контрнаступления Ставка утвердила без изменения.

1 декабря Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву на наступление Калининскому фронту. Ближайшей его задачей являлось: «...выходом на тылы клинской группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта».

Начало наступления было назначено на 4 декабря, а затем для увязки с контрнаступлением Западного фронта перенесено на 5 декабря.

В эти же дни по указанию Ставки Военный совет Юго-Западного фронта готовил наступательную операцию на елецком направлении. Войска его правого крыла получили задачу: «С целью восстановления положения на правом крыле Юго-Западного фронта, создания угрозы выхода на тылы подвижной группы Гудериана и содействия ее разгрому силами Западного фронта на подступах к Москве, правому крылу Юго-Западного фронта с утра 6.12 перейти в наступление, имея ближайшей задачей уничтожение ливенско-елецкой группировки противника».

Оборонительное сражение и подготовка к разгрому врага под Москвой проходили в исключительно тяжелой обстановке. Без преувеличения можно сказать, что в ноябре 1941 года наша страна находилась в наиболее тяжелом за всю войну положении. Враг был почти у стен столицы, на севере он блокировал Ленинград и овладел Тихвином, на юге шли напряженные бои у Ростова и под Севастополем. Все фронты просили у Ставки резервов, вооружения, снарядов, а всего этого имелось очень мало, так как мобилизационные запасы были исчерпаны, а промышленность давала армии только 50—60 проц. плановых заданий. Октябрь и ноябрь 1941 года были месяцами самого низкого уровня выпуска военной продукции. Эвакуированные заводы монтировались в новых районах и не давали еще продукции. Это вызвало чрезвычайные трудности в обеспечении фронтов и новых формирований вооружением, боевой техникой и боеприпасами. Коммунистической партии и Советскому правительству пришлось проявить огромные организаторские усилия в деле налаживания производства всего необходимого для фронта, мобилизации наших советских людей на увеличение выпуска военной продукции для удовлетворения потребностей действующей армии, создания новых резервов. В этих условиях Центральный Комитет ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны особое внимание обращали на правильность и своевременность распределения готовой военной продукции. Строго соблюдалась первоочередность снабжения войск, действовавших на особо ответственных участках фронта. Принимались энергичные меры по быстрейшему налаживанию производства военной продукции в прифронтовых районах, особенно в самой Москве. Перед партийными, советскими и хозяйственными организациями Москвы и Московской области ЦК партии поставил задачу наладить обеспечение всем необходимым войск Западного фронта. Это была задача исключительной трудности, так как из Москвы было эвакуировано 800 крупных предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, вывезено две трети всех станков. Но московская партийная организация, трудящиеся Москвы с честью справились с заданиями партии. В трудных условиях нехватки заводского оборудования, топлива, электроэнергии, сырья, материалов москвичи наладили производство реактивных уста-

новок М-8 и М-13, минометов, некоторых видов артиллерийских орудий, почти всех видов стрелкового оружия. В период обороны московские предприятия и мастерские отремонтировали и отправили на фронт 263 орудия, 1700 пулеметов, 15 тыс. винтовок, восстановили и передали Западному фронту и Московской зоне обороны 2 тыс. грузовых автомашин.

В это трудное время и армия и труженики тыла напрягали все силы для обеспечения победы над врагом. Они жили, работали и воевали с одной мыслью: «Под Москвой должен начаться разгром врага». Партийные организации стали штабами по проведению в жизнь лозунга «Все для фронта, все для победы».

Защитникам Москвы помогали также другие города и районы нашей страны. Яркой страницей в историю войны вошли героизм и самоотверженность трудящихся Тулы. Участвуя в боях за родной город, они изготовляли стрелковое оружие и минометы, ремонтировали танки, автомашины, строили бронепоезда. С Поволжья и Урала, из Сибири и Средней Азии шли к Москве эшелоны с маршевыми пополнениями, вооружением, обмундированием, боеприпасами, горючим для авиации и танков.

К началу контрнаступления под Москвой в составе войск западного стратегического направления, после поступления в их состав резервов Ставки, было сосредоточено 41 проц. всех общевойсковых соединений сухопутных войск, около одной трети орудий и минометов и до 40 проц. танков от общего состава действующей армии, что, однако, не обеспечивало превосходства в силах и средствах над противником. На всем западном стратегическом направлении при равенстве в живой силе и почти двойном превосходстве над противником в самолетах советские войска имели почти вдвое меньше артиллерийских средств и на одну треть меньше танков. Примерно такая же картина наблюдалась и в полосе Западного фронта. Не было у нас численного превосходства и на направлениях, где наносили главные удары войска Западного фронта. Некоторый перевес в силах создавался на узких участках в полосах наступления армий — на направлениях их главных ударов за счет ослабления соседних участков. В таких условиях большая нагрузка легла на авиацию. Однако имевшихся на всем стратегическом направлении 1200 самолетов для решения всех задач было далеко не достаточно. Сложившееся в начале контрнаступления соотношение сил довольно ярко характеризует сложность условий его проведения и наряду с другими обстоятельствами во многом объясняет возникавшие трудности в ходе операций.

С первого дня контрнаступления разгорелись ожесточенные бои. Войска противника, выполняя категорические требования своего командования, упорной обороной стремились удержать за собой достигнутые рубежи. Но советские воины сломили сопротивление фашистских войск и погнали их на запад. Войска правого крыла Западного фронта за пять дней наступления продвинулись на 40 км. 12 декабря они освободили Солнечногорск, а 15 декабря — Клин. Таким образом, непосредственная угроза Москве была снята. Войска Калининского фронта 16 декабря освободили Калинин. На левом крыле Западного фронта удар 10-й армии 6 декабря явился полной неожиданностью для врага. Дивизии 2-й немецкой танковой армии вынуждены были поспешно отходить на юго-запад и запад, неся огромные потери в людях и боевой технике. Армии правого крыла Юго-Западного фронта в течение 10 дней нанесли поражение противнику в районе Ефремов, Елец, Ливны.

Итак, вместо захвата Москвы и центрального промышленного района Советского Союза гитлеровские войска вынуждены были отступать. Немецко-фашистскому командованию пришлось срочно пересмот-

реть план ведения войны. 8 декабря 1941 года Гитлер подписал директиву № 39 на переход германских вооруженных сил к обороне на всем советско-германском фронте. Однако одно дело было принять решение на переход к обороне, а другое — провести его в жизнь. Удары советских войск обрушились на врага, когда он не успел еще перейти к обороне, не имел подготовленных рубежей и не создал оборонительной группировки. Гитлеру и его окружению было ясно, что начавшийся отход немецких армий может перерасти в бегство, которое приведет к большим потерям, деморализует войска и «непобедимая» доселе немецко-фашистская армия потеряет свой престиж. Перед их глазами стояли тень Наполеона и картины зимнего отступления французских войск в 1812 году. Гитлер потребовал от всего офицерского состава заставить войска «с фанатичным упорством оборонять занимаемые позиции, не обращать внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл». 16 декабря по этому вопросу он издал специальную директиву.

Непрекращающиеся удары советских войск вынуждали немецкие армии, вопреки воле их командования и суровым требованиям Гитлера, оставлять в ходе боев один рубеж за другим. Немецких генералов начало лихорадить. 20 декабря генерал Гудериан летит в Восточную Пруссию, и в ставке «Волчье логово» происходит 5-часовой разговор с Гитлером. Гудериан просит отвести войска, имея в виду и свою разгромленную 2-ю танковую армию. В ответ Гитлер восклицает: «Только не отступление!». Он требует, чтобы войска закапывались в землю и удерживали основные пути сообщения и центры снабжения как крепости. Гудериан пытается возражать: «Мой фюрер, в России земля промерзла на 1,5 метра и ни один солдат не сможет окопаться». В конце разговора Гитлер приказал Гудериану, чтобы его солдаты в создавшихся условиях ценою любых жертв держались и не отступали.

Причины всех бед Гитлер видел в отсутствии твердости в руководстве войсками со стороны командующих. Поэтому во второй половине декабря 1941 года он произвел целую серию замен в рядах высшего командного состава. Командующий группой армий «Центр» Бок был сменен генерал-фельдмаршалом Клюге. Снят был и главнокомандующий сухопутными войсками Браухич, и на его место встал сам Гитлер. 25 декабря за «самовольный» отвод войск был отстранен от командования 2-й танковой армией Гудериан. Но все это не могло предотвратить поражения немецко-фашистских войск зимой 1941/42 года.

Контрнаступление советских войск продолжалось до конца декабря 1941 года. В ходе его немецко-фашистские захватчики потерпели тяжелое поражение: 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии были разбиты, остальные дивизии группы армий «Центр» понесли большие потери. Общий урон противника, включая раненых и больных, составил не менее 300 тыс. человек. Он потерял тысячи орудий, пулеметов, автоматов, автомашин, сотни танков и самолетов. Поля Подмосковья были загромождены оставленным противником вооружением. Враг был отброшен от Москвы на 100—200 км.

Решающими факторами в нашей победе под Москвой явились не морозы, не снег и не численное превосходство наших войск, как это продолжают утверждать, сознательно искажая реальную действительность, битые гитлеровские генералы, а высокий моральный дух советских воинов, чувство ответственности за судьбу своей Родины, беззаветная преданность социалистическому Отечеству и Коммунистической партии, непрерывно возраставший уровень советского военного искусства. Величие нашей победы как раз и состоит в том, что она была одержана в исключительно трудных условиях, без какого-либо численного превосходства над противником.

Победа под Москвой была достигнута совместными усилиями всех видов вооруженных сил при решающем значении сухопутных войск. Важную роль в защите Москвы сыграли войска ПВО страны. Несмотря на близость фронта, наша столица благодаря надежному прикрытию с воздуха оказалась единственной из столиц воюющих европейских государств, не потерпевшей существенного ущерба от воздушных налетов.

Первая крупная победа в Великой Отечественной войне имела неоценимые положительные последствия для советских людей, для всех Вооруженных Сил. Весь народ, все наши воины убедились, что их усилия и жертвы не пропали даром. Она укрепила уверенность в полной и окончательной победе над фашистской Германией, еще выше подняла моральный дух советских людей — воинов и тружеников тыла. Отцы и матери, братья и сестры погибших в первые месяцы войны сознавали, что их утрата не оказалась напрасной, что их сыновья и дочери, братья и сестры незримо участвовали в долгожданной победе над фашистскими извергами, вложили все, что могли, в подготовку этой победы.

Родина по достоинству оценила выдающиеся заслуги войск и москвичей в обороне нашей столицы. Указом Президиума Верховного Совета Москве присвоено высокое звание — город-герой, а все участники боев под Москвой награждены медалью «За оборону Москвы».

Победа под Москвой имела большое международное значение. Она окончательно развеяла миф о «непобедимости» германской армии, укрепила уверенность порабощенных народов Европы в неизбежности избавления их от фашистского ига. Под ее влиянием активизировалось движение Сопротивления в оккупированных Германией странах.

Чем больше мы отдаляемся от событий декабря 1941 года, тем ярче раскрывается величие нашей победы под Москвой. Она была первой из ряда выдающихся побед Советской Армии, положившей начало разгрому гитлеровского вермахта. И хотя битва под Москвой не привела еще к коренному перелому в ходе войны, она резко изменила ее характер. Захват Советской Армией стратегической инициативы на довольно длительное время и полное крушение «блицкрига» свидетельствовали о том, что война пошла совсем не по тому пути, который наметил гитлеровский генеральный штаб, — она приобрела затяжной характер, губительный для фашистской Германии. Вынудив врага перейти к обороне, Советский Союз выиграл время для дальнейшего наращивания своей мощи, что в последующем обеспечило достижение коренного перелома в ходе войны и, в конечном счете, победу над фашистской Германией.

К истории возникновения большевистских организаций на Балтийском флоте

Кандидат военно-морских наук
капитан 1 ранга запаса И. СОЛОВЬЕВ,
старший научный сотрудник ЦГАВМФ Т. ФЕДОРОВА

БАЛТИЙСКИЙ флот сыграл выдающуюся роль в победе Великой Октябрьской социалистической революции. Благодаря огромной работе, проведенной большевиками, матросы Балтийского флота явились надежной ударной силой революции.

В. И. Ленин писал 29 сентября 1917 года членам ЦК, Петроградского и Московского комитетов партии и Советов: «Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем... ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота...

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира» [1]. В другом письме, адресованном председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге, Ленин указывал: «Кажется, единственное, что мы можем *вполне* иметь в своих руках и что́ играет *серьезную* военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот... *Все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского» [2].

Эта безусловная уверенность В. И. Ленина в высоких революционных качествах балтийских моряков была основана на тщательном изучении состояния флота в предреволюционный период. В ударную силу пролетарской революции Балтийский флот превратился в результате длительной подготовительной работы большевиков на протяжении всей первой мировой войны. Этот процесс с различной степенью подробности освещается во многих работах историков и воспоминаниях участников революционного движения [3]. Но не все еще вопросы этой важной темы нашли в них должное отражение, а в описании и оценке отдельных событий во многих работах встречаются неточности и ошибки.

В настоящей статье мы коснемся тех вопросов революционной работы на Балтийском флоте на протяжении первой мировой войны, в которые требуется внести ясность.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 281—282.

[2] Там же, стр. 265.

[3] Залежский В. Борьба за Балтфлот. М.—Л., «Молодая гвардия», 1925; Дыбенко П. Е. Мятежники. М., «Красная новь», 1923; Ахун М. И. и Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. М., изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1929; Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. М.—Л., изд. АН СССР, 1948; Темкин Я. Большевики в борьбе за демократический мир (1914 г.— март 1917 г.). Госполитиздат, 1957; Капшуков С. Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914—1918 гг.). М., Воениздат, 1957; Иванов Д. Это было на Балтике. Львов, 1965; Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм. М., Воениздат, 1966 и др.

Прежде всего о настроениях матросских масс, вызванных началом войны, и изменении их под влиянием военных событий и большевистской пропаганды.

Подъем революционного движения на флоте, наметившийся в 1914 году, о чем 9 июля министр внутренних дел Маклаков сообщал морскому министру Григоровичу [4], с началом первой мировой войны затормозился. Такое явление наблюдалось не только на Балтийском флоте, но, как отмечал В. И. Ленин в работе «Социализм и война», было характерно для всей страны [5]. Это объясняется тем, что с введением военного положения самодержавие приняло жесткие меры по пресечению деятельности революционных организаций, которые были ослаблены и призывом их участников в армию и на флот. Значительная часть населения поддалась буржуазно-шовинистической пропаганде, развернутой всем аппаратом светской и духовной власти, буржуазными и соглашательскими партиями. В тех условиях только верная делу рабочего класса ленинская партия большевиков выступила с разъяснением империалистического характера и целей войны, призывая трудящихся к революционному выходу из нее.

Но империалистическая война не могла надолго затормозить революционное движение. Она привела к резкому обострению классовых противоречий и ускорила созревание революционной ситуации.

На Балтийском флоте война вначале также вызвала национал-шовинистические настроения среди личного состава. Приказ командующего флотом адмирала Эссена о начале военных действий на кораблях и в частях матросы встречали криками «ура». Поэтому для настроений матросских масс в первые месяцы войны характерно стремление идти в бой, недовольство неудачами на фронте и пассивностью флота, особенно больших кораблей (линкоров и крейсеров), которые почти не выходили за пределы центральной минно-артиллерийской позиции. Уже в сентябре 1914 года молодой офицер мичман С. Бутковский писал из Кронштадта своему брату лейтенанту в Севастополь: «Скажу по правде, у нас во флоте стоит сильное недовольство, глухой ропот на наше бездействие... Настроение больше чем унылое» [6]. В неудачах и бездеятельности флота матросы обвиняли свое командование, особенно лиц, имевших немецкие фамилии, а таких на Балтийском флоте было очень много. Их подозревали если не в прямой измене, то, во всяком случае, в сочувствии Германии. На отношение матросов к командному составу сильно влияло поведение самих офицеров. Многие офицеры обращались с матросами заносчиво и грубо. Сохранялось, хотя официально и было запрещено, рукоприкладство.

На формирование настроений матросских масс большое влияние оказали пришедшие на флот по мобилизации и особенно призванные из запаса участники революционных событий 1905—1907 и 1910—1912 годов, опытные, закаленные в революционной борьбе большевики. Этому способствовало и появление среди матросов нелегальной революционной литературы и листовок. В апреле 1915 года три листовки революционного содержания были обнаружены в 1-м Балтийском флотском экипаже [7]. Одна из них — «Товарищи рабочие и солдаты!», напечатанная в типографии Петербургского комитета РСДРП(б), призывала к прекращению империалистической войны и свержению царизма.

Командование и жандармерия принимали меры по борьбе с революционными настроениями матросов. Усиливался полицейский надзор.

---

[4] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 292, ч. 57, л. 4.
[5] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 332.
[6] ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 2, д. 1480, л. 65.
[7] ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 36, лл. 233—238.

По распоряжению командующего флотом политически неблагонадежные матросы списывались с боевых кораблей в экипажи и формируемые сухопутные части для отправки на фронт. Уже весной 1915 года комендант Кронштадтской крепости генерал-лейтенант Маниковский докладывал главнокомандующему 6-й армией, что в Кронштадте все карцеры, следственная тюрьма, блокшив «Волхов», превращенный в плавучую тюрьму, переполнены неблагонадежными матросами [8]. Но репрессии не могли остановить роста революционного движения.

Летом 1915 года обстановка на Балтийском флоте под влиянием поражений на фронте и ухудшения положения в стране еще больше обострилась. Недовольство войной, военной службой, неприязнь к офицерскому составу постепенно перерастали в недовольство существующими порядками и государственным строем. Настроения матросских масс приобретали подлинно революционный характер. В агентурной сводке кронштадтского жандармского управления за 19 августа 1915 года сообщалось, что «недовольство это зачастую переходит в глухое брожение, которое, если не принять предупредительных мер, легко может перейти в открытые беспорядки» [9].

Революционные настроения во флоте создавали благоприятные условия для развертывания партийной работы и роста большевистских партийных организаций. Под руководством пришедших на флот из запаса опытных большевиков оживляется работа уже существовавших на флоте небольших партийных групп, создаются новые, хорошо законспирированные партийные ячейки. К осени 1915 года партийные группы и ячейки были созданы на многих кораблях и в береговых частях. Наиболее сильные большевистские партийные организации в это время были на линейных кораблях «Император Павел I», «Петропавловск», «Цесаревич» и крейсерах «Адмирал Макаров», «Аврора» и «Диана». Однако партийные организации кораблей и частей существовали еще разрозненно, не имели связи между собой, с большевистскими организациями рабочих и руководящими органами партии.

Поскольку вопрос о партийных связях очень важный, а в существующей литературе он освещен недостаточно ясно, его следует рассмотреть несколько подробнее. Весной 1915 года Военная организация Петербургского комитета РСДРП (б) установила связи с моряками Кронштадта и Гельсингфорса, с артиллеристами Ораниенбаума, фортов и береговых батарей. Но вскоре сама Военная организация ПК РСДРП(б) была разгромлена, а ее члены арестованы. Поэтому связи моряков с ПК РСДРП(б), не успев окрепнуть, были нарушены.

Участник революционного подполья Ф. С. Кузнецов-Ломакин вспоминает, что «хотя мы сочувствовали большевикам, но ради партийных связей готовы были обратиться хотя бы к эсерам, чтобы ухватиться за какую-нибудь нить с остальным миром» [10]. В это время поддерживал связи с отдельными партийными работниками Петрограда матрос 1-го Балтийского флотского экипажа С. Г. Лысенков. В марте—апреле 1915 года в сводках Кронштадтского жандармского управления отмечалось, что Лысенков выделяется среди подпольщиков на Балтийском флоте. Начальник Кронштадтского жандармского управления полковник Тржецяк доносил о связях Лысенкова с членами петроградского партийного центра [11]. С. Г. Лысенков был членом партии эсеров, но получал из Петрограда и распространял как эсеровские, так и большевистские

---

[8] ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 36, лл. 231—232.
[9] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 288-БФ, т. 2, л. 159.
[10] «Красная летопись», 1926, № 3, стр. 18.
[11] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 292, ч. 57, л. 4.

листовки. Он был связан с большевиком И. Г. Дудиным, служившим электриком в петроградской военно-исправительной тюрьме морского ведомства [12]. Кронштадтская охранка внимательно следила за Лысенковым. 1 мая Тржецяк поставил вопрос об удалении его из 1-го Балтийского флотского экипажа «в целях пресечения революционной пропаганды» [13]. По требованию жандармов командование решило отправить Лысенкова в город Або, где формировалась сухопутная часть из неблагонадежных моряков. Однако 4 мая 1915 года он бежал, уехал в Москву и целиком отдался революционной деятельности. Перед побегом Лысенков передал партийные связи матросу того же экипажа С. Г. Пелихову, тоже эсеру, который, как и его предшественник, имел связи с большевиками. Желая убрать его, командование направило Пелихова в 1-й отдельный морской батальон на фронт, но он тоже бежал и прибыл в Петроград. Живя здесь на нелегальном положении, Пелихов до ареста 15 октября 1915 года вел революционную работу в Кронштадте [14].

Связь через Лысенкова и Пелихова была, конечно, ненадежной и не могла удовлетворить растущие потребности большевистских организаций флота, а с арестом Пелихова вообще прервалась. Партийные организации кораблей и частей, находившихся в Гельсингфорсе, и до этого не имели связи не только с руководящими органами партии, но и между собой [15]. Один из старых балтийских большевиков-подпольщиков Н. А. Ховрин, служивший на «Императоре Павле I», в своих воспоминаниях пишет: «К осени 1915 года наша подпольная организация была уже довольно многочисленной. Нас беспокоило отсутствие связи с другими кораблями и базами» [16]. Поэтому все острее вставал вопрос об объединении разрозненных ячеек в единый партийный коллектив и организации надежной связи с руководством большевистской партии в целях сплочения революционных сил флота и предотвращения стихийных выступлений матросов отдельных кораблей. Такие выступления на почве недовольства пищей и другими условиями службы уже имели место на линейном корабле «Император Павел I» и крейсере «Россия» [17].

Серьезным толчком к объединению партийных организаций кораблей и частей послужило выступление матросов на линейном корабле «Гангут» 19 октября 1915 года. Это выступление в литературе иногда расценивается как восстание. Авторы ряда работ утверждают, что оно было подготовлено и проходило под руководством большевистской организации корабля, а в подавлении его участвовали офицеры и матросы с других кораблей. Более того, нередко говорится, будто в целях подавления восстания «Гангут» был 20 октября окружен миноносцами и подводными лодками, которые имели приказ о потоплении корабля в случае необходимости. Эта версия впервые появилась в воспоминаниях П. Е. Дыбенко [18], который служил в то время на линейном корабле «Император Павел I» [19]. Другие авторы с небольшими отступлениями повторяют эту версию [20].

---

[12] ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 7681, лл. 3—8.

[13] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 292, ч. 57, л. 4.

[14] Позже Лысенков и Пелихов вступили в партию большевиков.

[15] В некоторых работах ошибочно указывается, будто уже летом 1915 года партийные организации получали руководящие указания из какого-то нелегального центра.

[16] Ховрин Н. А. Указ. соч., стр. 11.

[17] ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 45404, лл. 14—18.

[18] Дыбенко П. Е. Указ. соч., стр. 14.

[19] ЦГАВМФ, ф. 989, оп. 1, д. 60, л. 387. Послужной список.

[20] См. названные выше книги С. Ф. Найды, Я. Темкина, С. Г. Капшукова, Д. Иванова и др. Ошибочная трактовка выступления матросов линейного корабля «Гангут» вошла даже в учебник «История КПСС», 2-е изд. М., Госполитиздат, 1962, стр. 188.

Что же на самом деле произошло 19 октября 1915 года на линейном корабле «Гангут»?

Как и на многих других кораблях Балтийского флота, на «Гангуте» давно наблюдалось недовольство ходом войны, порядками в бригадах линейных кораблей, своими офицерами. На этой почве анархистско-эсеровские элементы, довольно многочисленные в то время на больших кораблях, толкали матросов на неподготовленные, бунтарские выступления. Большевики были против таких действий и разъясняли всю их бессмысленность и пагубность. Они стояли за серьезную подготовку и организованные действия всех революционных сил флота совместно с пролетариатом Петрограда. Этой точки зрения придерживалась и большевистская организация «Гангута» накануне событий 19 октября.

14 и 17 октября на «Гангуте» были обнаружены какие-то листовки, призывавшие поддержать выступление матросов 2-й бригады линейных кораблей. По-видимому, они исходили от тех же анархистско-эсеровских элементов. О появлении на корабле этих листовок показали на следствии матрос Безруков, фельдфебель Понурин, боцман Комиссаров и унтер-офицер Хандриков[21]. Однако сами листовки следствию не были предъявлены и куда исчезли — неизвестно. Сведений о том, что матросы «Гангута» на них как-то реагировали, нет. Во всяком случае, волнения 19 октября на «Гангуте» с ними не были связаны и произошли совершенно стихийно.

19 октября на «Гангуте» производилась погрузка угля, приемка нефти и воды. Все работы закончились без каких-либо эксцессов. Обычно в дни погрузки угля команде давали усиленное питание, а в этот раз на ужин подали лишь надоевшую матросам гречневую кашу, что и послужило поводом к началу волнений. События развертывались в такой последовательности[22]. После сигнала «Команде ужинать» у камбуза собралось около 40 человек бачковых и других матросов. Узнав, что на ужин каша, они возмутились. Раздались крики: «Не брать кашу!» К дежурному по камбузу унтер-офицеру Солодянкину подошел матрос В. Лютов и заявил: «Иди докладывай, что команда не ест каши». Бачковые разошлись, почти никто кашу не взял. Старший офицер старший лейтенант барон Фитингоф доложил об этом командиру корабля капитану 1 ранга флигель-адъютанту Кедрову. Тот приказал ничего на ужин команде больше не выдавать, а кашу выбросить за борт. Очевидно, Кедров не придал серьезного значения случившемуся, так как в 19.00 сам съехал на берег и разрешил увольнение офицерам. В 20.00 команда была собрана на молитву, по окончании которой Фитингоф распорядился: «Разойтись, койки брать» — и вышел. Тут же послышались крики: «Давай ужин!» Фитингоф возвратился, пригрозил и снова удалился. Команда приказание «брать койки» не выполнила. Матросы собирались большими группами на верхней палубе и в нижних помещениях, шумели, кричали: «Давайте ужин!», «Долой немцев!», «Да здравствует Россия!». Этими действиями никто не руководил. Пожалуй, самым опасным был момент, когда большая группа матросов направилась к кают-компании, около которой находились пирамиды с винтовками. Офицеры пытались успокоить команду уговорами и угрозами, но до открытых столкновений дело не дошло. Вахтенный начальник лейтенант Королев в разгар волнений вызвал наверх караул, который по его приказанию зарядил винтовки четырьмя патронами и занял место у левого трапа. Около 23.00 на корабль возвратился командир и приказал сыграть большой сбор. Команда была выстроена во фронт. Кедров обратился к ней с речью,

---

[21] ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 107, л. 52.
[22] Там же, лл. 41—48. Заключение следственной комиссии.

призывая прекратить «беспорядки». В этот момент на корабль прибыл начальник эскадры Кербер. Вот что записал в свой дневник об этом визите начальник разведки штаба командующего флотом И. И. Ренгартен: «Приезжает (после беспорядков) на «Гангут» Кербер: вбежав на трап, дает в морду фалрепному, орет что-то непонятное и гневное команде, стоящей во фронте, и уезжает»[23]. Командир корабля Кедров вынужден был приказать выдать команде чай и консервы. После этого матросы разошлись по своим кубрикам, и волнения прекратились. Вахтенный начальник, сдавая вахту, сделал в журнале запись: «Сего числа после раздачи коек команда начала выражать свое неудовольствие данной ей на ужин кашей. Из толпы раздавались недисциплинированные возгласы. Усилиями офицеров означенный беспорядок вскоре был прекращен»[24].

20 октября «Гангут» продолжал стоять на внутреннем Свеаборгском рейде. На нем проводились обычные работы и занятия в соответствии с корабельным распорядком. Эскадренных миноносцев и подводных лодок, о которых писал П. Е. Дыбенко, не было[25].

Для расследования волнений на «Гангуте» была создана следственная комиссия в составе контр-адмирала Небольсина (председатель), капитана 1 ранга Бутакова, капитанов 2 ранга Зеленого и Руднева и полковника Мартьянова, которая 21 октября прибыла на корабль. По указанию комиссии 22 октября 95 человек из команды «Гангута» были арестованы и под конвоем взвода матросов с крейсера «Рюрик» на катерах свезены в Свеаборгскую крепость. При отправке конвоиров часть команды «Рюрика» собралась на палубе и криками пыталась воспрепятствовать этому[26], за что 28 человек впоследствии были арестованы и преданы суду[27].

Следственная комиссия пришла к заключению: «Обращаясь к вопросу о причинах возникновения 19 октября беспорядка на лин. кор. «Гангут», комиссия считает, что расследование дела не установило, чтобы беспорядок был результатом выполнения выступления, задуманного какой-нибудь организацией»[28].

Изучение документов показывает, что на линейном корабле «Гангут» 19 октября 1915 года не было восстания, а имели место стихийные, неподготовленные и неорганизованные волнения матросов, которыми, по существу, никто не руководил.

Определение волнений на «Гангуте» как восстания впервые встречается в обвинительном заключении прокурора и затем в документах кронштадтского военно-морского суда. Такая квалификация действий гангутцев была необходима прокурору и судьям, чтобы иметь формальное основание для жестокой расправы с революционными матросами. Вопреки заключению следственной комиссии и первоначальному мнению командования они утверждают, что подсудимые матросы будто бы предварительно сговорились между собой добиваться увольнения с корабля старшего офицера барона Фитингофа и для приведения этого замысла в исполнение призывали команду к открытому неповиновению[29]. На этом

---

[23] ЦГАВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 199, л. 242.

[24] Там же, ф. 870, оп. 1, д. 57069, л. 31.

[25] На рейде стояли на прежних местах, как и 19 октября, броненосный крейсер «Рюрик» под флагом командующего флотом, линейные корабли «Петропавловск», «Полтава», «Андрей Первозванный», «Император Павел I», крейсер «Аврора» и минный заградитель «Амур». (ЦГАВМФ, ф. 736, оп. 2, д. 379, Сведения о нахождении судов на рейдах, в гаванях портов, у постов и якорных стоянок Балтийского моря, лл. 211—221).

[26] ЦГАОР, ф. 102, оп. 246, д. 288-БФ, т. 1, стр. 9—11; ЦГАВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 199, л. 241.

[27] ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 8141, лл. 90—90а.

[28] Там же, ф. 716, оп. 2, д. 107, л. 46. Заключение следственной комиссии.

[29] Там же, л. 56.

основании кронштадтский военно-морской суд из 34 матросов, преданных суду приказом командующего флотом № 1271 от 28 ноября 1915 года[30], 2 матросов приговорил к смертной казни[31] и 24 — к каторжным работам на сроки от 4 до 15 лет[32]. Многие матросы без суда были списаны с корабля в сухопутные части и в Архангельский дисциплинарный полуэкипаж. В их числе оказались известные революционеры В. Ф. Полухин и К. И. Пронский.

Суровая расправа над гангутцами показала бесполезность и пагубность разрозненных выступлений, необходимость объединения и организации революционных сил. Большевики флота после гангутских событий усилили поиски контактов между партийными организациями кораблей и с руководящими органами партии. Н. А. Ховрин в книге «Балтийцы идут на штурм» справедливо говорит: «События на «Гангуте» убедительно показали, что разрозненные выступления не только бесцельны, но даже опасны для общего дела, потому что позволяют властям расправляться с недовольными поодиночке. Это подстегнуло нас. С новой энергией мы начали искать контакты с другими большевистскими организациями»[33]. Таких связей искали партийные организации кораблей, базировавшихся на Гельсингфорс, Кронштадт и другие базы. В конце 1915 года в результате энергичных мер постепенно начали налаживаться контакты между партийными организациями кораблей.

Раньше других установили связь между собой большевики кораблей и частей, находившихся в Кронштадте. Представители партийных организаций образовали там своеобразный руководящий коллектив, в который входили И. Д. Сладков, Т. И. Ульянцев, Ф. С. Кузнецов-Ломакин. Царская охранка внимательно следила за обстановкой на флоте, особенно после волнений на «Гангуте». Начальник петроградского охранного отделения 3 декабря доносил в департамент полиции: «За последнее время агентурой вверенного мне отделения отмечено существование военной организации Российской социал-демократической рабочей партии среди нижних чинов Балтийского флота в следующем виде. На каждом корабле функционируют социал-демократические ячейки, избирающие свой коллектив, коллектив каждого корабля имеет своего представителя в руководящем коллективе»[34]. В донесении речь идет только о кораблях, базировавшихся на Кронштадт, так как далее указывается, что «в настоящее время одной из забот руководящего военного коллектива является установление связей с судами, стоящими в Гельсингфорсе»[35].

Связь с кораблями, стоявшими в Гельсингфорсе, удалось установить через партийную организацию линейного корабля «Император Павел I», который 26 ноября пришел в Кронштадт для ремонта[36]. Здесь состоялись встречи между представителями партийной организации линейного корабля «Император Павел I» и руководящего коллектива. В один из последних дней ноября на линейный корабль «Император Павел I» под видом родственника Н. А. Ховрина прибыл И. Д. Сладков. «Основная цель визита Сладкова на наш корабль — пишет Н. А. Ховрин, — состояла в том, чтобы договориться о способах связи в дальнейшем, когда «Павел»

---

[30] ЦГАВМФ, научно-справочная библиотека, коллекция приказов.
[31] Смертная казнь при конфирмации приговора была заменена каторгой.
[32] ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 107, л. 59. Приговор кронштадтского военно-морского суда.
[33] Ховрин Н. А. Указ. соч., стр. 13.
[34] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 293, ч. 57, л. 7.
[35] Там же, л. 8.
[36] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 56954, л. 59.

вернется в Гельсингфорс»[37]. Сладков и Ховрин во время встречи выработали своеобразный шифр для связи партийных коллективов на судах между собой и переписки по партийным делам и дали условные названия кораблям. Им было известно 28 партийных организаций[38].

Одновременно через матроса 1-го Балтийского флотского экипажа Н. И. Писарева морякам удалось наконец установить связь с комитетом РСДРП(б) Выборгского района Петрограда[39]. В ответ на просьбу матросов-большевиков ПК РСДРП(б) выделил из состава комитета Выборгского района К. Орлова (И. Н. Егорова) и поручил ему в качестве представителя Петербургского комитета установить связь с партийной организацией Балтийского флота и руководить ее работой. С этого времени, то есть с конца 1915 года, организации РСДРП(б) на кораблях и в частях Балтийского флота работали уже под непосредственным руководством ПК РСДРП(б). При разработке структуры партийной организации на флоте руководящий коллектив пользовался «Программой центральной группы связей»[40], выработанной, очевидно, ЦК РСДРП (б). После того как связь была установлена, в руководящий коллектив, по-видимому, вошли и представители партийных организаций кораблей, базировавшихся на Гельсингфорс. Наиболее видными членами руководящего коллектива являлись И. Д. Сладков, Т. И. Ульянцев, Ф. С. Кузнецов-Ломакин и Н. А. Ховрин.

Руководящий коллектив проводил большую работу среди матросов кораблей, стоявших в Кронштадте, и в береговых командах, а также начал распространять свое влияние на корабли, базировавшиеся на Гельсингфорс, однако деятельность его продолжалась недолго. 28 декабря 1915 года были арестованы И. Д. Сладков и С. С. Ерохин, 29 января 1916 года— Н. А. Ховрин, 24 февраля — Н. И. Писарев, 26 февраля — Т. И. Ульянцев, Ф. С. Кузнецов-Ломакин, В. М. Марусев и другие. Таким образом, окончательно оформиться в организационном отношении коллектив не успел и определенного названия в то время не получил.

В документах, воспоминаниях участников и в исторической литературе, изданной до 1948 года, встречаются различные названия этой организации: в документах — руководящий коллектив, сообщество[41]; Ф. С. Кузнецов-Ломакин, один из членов этой организации, называет ее инициативной группой, центральной инициативной группой[42]; видный партийный работник, член ПК РСДРП(б) В. Н. Залежский — главным коллективом[43]. Однако все эти названия не являлись официальным названием существовавшей организации.

В 1948 году в работе С. Ф. Найды «Революционное движение в царском флоте» появился новый термин — «Главный судовой коллектив РСДРП(б)» (стр. 502) как официальное название организации, руководившей подпольной работой на кораблях Балтийского флота в 1915 году. Это название с тех пор вошло в литературу, хотя, как нам кажется, правильнее было бы назвать организацию так, как назвал ее в 20-х годах Ф. С. Кузнецов-Ломакин — «Центральная инициативная группа» или «Руководящий судовой коллектив», как его назвал С. П. Князев в предисловии к книге И. П. Флеровского «Кронштадт в 1917 г.»[44]. Такое назва-

---

[37] Ховрин Н. А. Указ. соч., стр. 15.

[38] ЦГАВМФ, ф. р-315, д. 81, лл. 13—14; ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 293, ч. 57, лл. 31—32.

[39] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 288-БФ, т. 2, л. 26.

[40] Там же, д. 293, ч. 57, лл. 33—34.

[41] ЦГАОР, ф. 102, оп. 245, д. 293, ч. 57, л. 7; ЦГАВМФ, ф. р-402, оп. 2, д. 164, лл. 125—131

[42] См. «Красная летопись», 1926, № 3, стр. 20.

[43] См. Залежский В. Н. Указ. соч., стр. 4—8.

[44] Флеровский И. П. Кронштадт в 1917 г. Лениздат, 1957, стр. 3.

ние более соответствовало бы действительности и отражало начальную стадию создания организации. Главным коллективом ее назвать нельзя еще и потому, что она охватывала партийные организации судов учебных отрядов, стоявших в Кронштадте. Основные же силы флота находились в Гельсингфорсе, Ревеле, Моонзунде и других базах, партийные организации которых еще почти не были охвачены влиянием этой группы, или коллектива.

Интересно отметить, что, хотя моряки, за исключением И. Д. Сладкова и Т. И. Ульянцева, были по суду оправданы, все они в декабре 1916 года были списаны в Оршу в Отдельную морскую бригаду особого назначения [45], куда обычно отправляли осужденных матросов.

Заканчивая краткое изложение вопроса о возникновении и деятельности организации РСДРП(б) на Балтийском флоте в 1914—1915 гг., следует оговориться, что еще не все здесь достаточно выяснено. Необходимо дальнейшее выявление и глубокое исследование источников и более подробный анализ положения дел.

В июле 1916 года возник Главный коллектив Кронштадтской военной организации. (Его не следует смешивать с руководящим судовым коллективом, который возглавляли И. Д. Сладков и Т. И. Ульянцев). Руководил им мастеровой Кронштадтского артиллерийского склада Н. И. Ильин. В организацию входили солдаты Кронштадтского крепостного гарнизона и матросы береговых частей Балтийского флота, расположенных в Кронштадте. Некоторые из матросов (Зимин, Марченков, Гребенщиков), очевидно, входили и в большевистскую организацию, созданную на кораблях, а затем составили ядро Главного коллектива Кронштадтской военной организации. От Петербургского комитета РСДРП(б) организацией руководил П. П. Австриец (псевдоним — Карл Рейнгольд Эглит). С арестом Эглита 21 июля 1916 года связь с ПК временно порвалась, но организация продолжала работать. В ночь на 9 сентября руководители Главного коллектива были арестованы, но царская охранка не нашла достаточных оснований для их осуждения. Арестованных освободили. Тем не менее Марченков и Гребенщиков вместе с матросами, судившимися по делу о революционной организации на судах Балтийского флота, были отправлены в Оршу [46].

Хотя руководители Главного коллектива Кронштадтской военной организации были арестованы, сам коллектив продолжал существовать. Как на судах флота, так и в береговых частях Кронштадтского гарнизона большевики проводили большую пропагандистскую работу, подготавливая солдатские и матросские массы к решительной борьбе с самодержавием. Имея богатый опыт подпольной работы, подготовленные идейно к революции, матросы Балтийского флота под руководством большевиков приняли активное участие в Февральской, а затем и в Октябрьской социалистической революциях. Огромная заслуга в этом принадлежит подпольным большевистским организациям, созданным на судах и в береговых частях Балтийского флота в 1915 и в 1916 гг.

После Февральской революции большевизация матросской массы ускорилась. Несмотря на арест в сентябре 1916 года некоторых членов Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП(б), в Кронштадте осталась хорошо законспирированная группа большевиков. 4 марта 1917 года при активнейшем участии освобожденных Февральской революцией из тюрем Т. И. Ульянцева, И. Д. Сладкова и других там был создан легальный комитет РСДРП(б). Большую помощь в организации его оказала группа партийных работников, направленная в Кронштадт Петербургским комитетом РСДРП (б). Председателем ко-

[45] ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46114, лл. 539, 608.
[46] Там же, л. 539.

митета стал С. Г. Рошаль, а затем Ф. Ф. Раскольников. Кронштадтский комитет послал в Гельсингфорс для организации партийной работы Б. А. Жемчужина, С. Г. Пелихова, Е. Ф. Зинченко и других. При их активном участии произошло объединение большевистских организаций кораблей «Республика», «Петропавловск», «Россия», «Диана» и других, в результате чего 27 марта возник Свеаборгский матросский коллектив РСДРП(б), а затем, 4 апреля, Гельсингфорсский комитет РСДРП(б). К маю 1917 года в Гельсингфорсе уже насчитывалось 39 партийных коллективов с 4692 членами партии (к концу мая в связи с уходом из Гельсингфорса некоторых частей и кораблей количество членов партии уменьшилось и не превышало 3 тысяч, в числе которых было более 1200 матросов [47]). Центральный Комитет партии и ПК оказывали всемерную помощь большевикам Балтийского флота, направляя в его базы опытных партийных работников. Большевики завоевали руководящие позиции в выборном демократическом органе флота Центробалте, который сыграл огромную роль в подготовке и победе Октябрьского вооруженного восстания. Ярким показателем большевизации матросской массы явились результаты выборов кандидатов в депутаты Учредительного собрания от Балтийского флота: кандидатами были избраны В. И. Ленин и руководитель Центробалта П. Е. Дыбенко.

Балтийский флот был готов к революции. Обращаясь к большевикам — участникам съезда Советов Северной области, В. И. Ленин писал 8 октября 1917 года: «...на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии... Дело в восстании, которое **может** и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель» [48]. В обращении Совета Народных Комиссаров 30 октября 1917 года отмечалось, что «Балтийский флот, верный делу революции, пришел на поддержку восставшего народа» [49]. Балтийский флот вправе гордиться этой высокой оценкой своей роли в Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[47] См. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., изд. АН СССР, 1957, стр. 338.

[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 386, 390.

[49] ЦГАВМФ, ф. р-58, оп. 2, д. 417, л. 11/об.

Военно-исторические вопросы в письмах К. Маркса и Ф. Энгельса

Кандидат исторических наук Л. ГОЛЬМАН

ВЫХОДОМ из печати 39-го тома завершилось второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Выпуск этого издания является крупным событием в идейной жизни партии и народа. Осуществлена наиболее полная публикация литературного наследства великих основоположников научного коммунизма. Издание содержит свыше 400 произведений и более 600 писем, не вошедших в первое издание Сочинений Маркса и Энгельса, не считая новых документов, помещенных в приложениях к томам.

В издании приведено немало нового материала, характеризующего развитие основ марксистской военной и военно-исторической науки и показывающего роль в этом первого военного теоретика пролетариата — Фридриха Энгельса. В предыдущих наших статьях мы рассказывали о военно-исторических проблемах в первых двадцати двух томах[1]. Эти проблемы обстоятельно затрагивались и в письмах Маркса и Энгельса. Их эпистолярное наследство представлено в новом издании с небывалой полнотой. Ему посвящено 13 томов (с 27 по 39), вместо 9 в первом издании.

Как новые, так и уже известные ранее письма Маркса и Энгельса содержат чрезвычайно важный материал для ознакомления с военными и военно-историческими взглядами их авторов. Они дают представление о формировании этих взглядов, раскрывают обстоятельства, при которых создавались многочисленные произведения Энгельса, содержат характеристику многих военных событий и деятелей, военной литературы, дополняют его работы на военные темы. Нередко высказанные в них суждения в более определенной и заостренной форме выражают классовую точку зрения автора, поскольку в статьях, часто предназначавшихся для буржуазной печати, он далеко не обо всем мог говорить с полной прямотой и откровенностью. В ряде случаев только письма донесли до нас те или другие высказывания по военным вопросам.

Письма содержат высказывания военно-исторического характера не только Энгельса — признанного военного теоретика рабочего класса, но и Маркса. В печати по военным вопросам Маркс выступал крайне редко, и то всякий раз посоветовавшись предварительно с Энгельсом или используя его материал. Но в письмах к близким ему людям, и особенно к Энгельсу, он, не стесняясь, высказывал свое мнение, основанное, как правило, на весьма широком знании военно-исторической литературы, на свойственном ему чрезвычайно глубоком восприятии общественных явлений, в том числе в военной сфере. Письма в большей мере, чем дру-

---

[1] См. Гольман Л. И. Военно-исторические вопросы во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (в статье рассмотрены первые четырнадцать томов); его же. Военно-исторические вопросы в 15—22 томах второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. «Военно-исторический журнал», 1960, № 4 и 1963, № 11.

гая часть литературного наследства основоположников марксизма, отражают участие Маркса в создании материалистического учения о войне и армии, и не только в выработке общетеоретических методологических основ этого учения, но и в исследовании его отдельных конкретных теоретических и исторических аспектов.

В письмах к Энгельсу Маркс нередко отзывается о прочитанных им военных трудах, о тех или иных военно-исторических событиях. Так, 30 ноября и 2 декабря 1854 года он подробно характеризует книгу американского военного историка Р. С. Рипли о войне США против Мексики в 1846—1848 годах. Он отмечает сходные черты в манере освещения истории войн у Рипли и у известного английского военного историка У. Ф. Нейпира, чью книгу о войне против наполеоновского господства в Испании и Португалии в 1808—1813 годах Маркс также хорошо знал. Невысоко оценивает Маркс военные способности американских командующих З. Тейлора и У. Скотта, ставя гораздо выше их мексиканского генерала Санта-Анна. Захватнический, колонизаторский характер войны со стороны США он подчеркивает сравнением ее с завоеванием Мексики в начале XVI века испанскими конкистадорами во главе с Кортесом (Маркс изучил историю этого завоевания по книге испанца Солиса и другим материалам) [2].

В письме от 17 октября 1854 года Маркс касается ряда эпизодов Семилетней войны (1756—1763 годов). Он вскрывает здесь связь между политикой, дипломатией и военной стратегией, проявлявшейся иной раз во внешне довольно парадоксальной форме. Маркс, например, показывает, что на заключительном этапе этой общеевропейской войны английские министры, действовавшие в интересах узкой буржуазно-аристократической олигархии, заинтересованной в тот момент в выходе из нее Англии, «снюхивались с врагами даже во время кампании и по вопросам, касающимся кампании». За спиной у своих союзников они вели тайные переговоры с французским кабинетом по поводу того, чтобы ими субсидируемое союзное войско, частично состоявшее из англичан, «было *побито* французами» (т. 28, стр. 334—335).

Большой интерес представляют суждения Маркса о современных ему войнах. Насколько точно подметил он, например, главную суть противоречий между европейскими державами на Ближнем Востоке и Балканах, которые привели к Крымской войне 1853—1855 годов, видно из его высказываний в письме к Энгельсу от 10 марта 1853 года. В чрезвычайно сжатой форме говорит он о причинах, повлекших за собой позднее военное столкновение: «Посягательства России в отношении Турции. Аппетиты Австрии. Амбиция Франции. Интересы Англии. Торговое и военное значение этого яблока раздора» (т а м ж е, стр. 190). В противовес своим многим западноевропейским современникам и последующим историкам, стремившимся свалить ответственность за военный конфликт только на царскую Россию, Маркс, таким образом, считал, что наряду с завоевательной политикой царизма в развязывании войны сыграли первостепенную роль такие факторы, как амбициозные притязания на господство в районе Ближнего Востока и Балкан Французской империи Наполеона III, стремившегося к гегемонии в Европе, торговое и военное соперничество Англии с Россией в этом районе и т. д.

Наглядное представление о способности Маркса улавливать подоплеку назревавших военных событий, их связь с внутренней и внешней обстановкой, определять их вероятный ход дает письмо Маркса Ф. Лассалю от 4 февраля 1859 года. В нем четко показана расстановка сил в тогда еще только готовившейся, причем в глубокой тайне, Итальянской

---

[2] См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 28, стр. 346—350 (в дальнейшем ссылки даются в тексте).

войне (бонапартистская Франция вместе с Пьемонтом против Австрии), предсказаны позиции других европейских держав — Англии, России, Пруссии, объяснены причины их вероятного нейтралитета (т. 29, стр. 471—472). Начавшаяся в апреле 1859 года война протекала так, как и предвидел Маркс, открыто обнаружив отмеченный им авантюризм политики заправил Второй империи, пытавшихся посредством войн и захватов укрепить бонапартистский режим и демагогически маскировавших свои цели показной поддержкой борьбы итальянцев против господства Австрии в Северной Италии.

Впервые публикуемое письмо Маркса своему дяде Лиону Филипсу от 6 мая 1861 года показывает, что еще в самом начале Гражданской войны в США (военные действия начались в апреле 1861 года) Маркс был убежден в победе Севера над южными плантаторами-рабовладельцами, хотя и предвидел, что на первых стадиях южные мятежники сумеют использовать свои временные военные преимущества (наличие регулярной армии и т. д.). Он писал, что «в начале борьбы чаша весов склонится в пользу Юга», но в конечном счете «победу одержит, разумеется, Север, потому что в случае нужды он может сделать ход с последней карты — революции рабов» (т. 30, стр. 493—494).

В 1862 году между Марксом и Энгельсом возникла своеобразная дискуссия по поводу хода американской войны, отраженная только в переписке и показывающая, что их общая точка зрения складывалась иногда и в спорах. Маркс и Энгельс страстно желали победы северян, отлично сознавая освободительный характер войны против рабовладельческого Юга. Они понимали, что Север обладает гораздо большими промышленными и людскими ресурсами, что правительство президента Линкольна, стоявшее во главе северных штатов, пользуется поддержкой всех прогрессивных сил Америки. Однако от них не мог укрыться тот факт, что руководство армии Севера долгое время находилось в руках сторонников компромисса с южными рабовладельцами и что это препятствовало применению революционных методов ведения войны и стремлению народных масс покончить решительным ударом с оплотом контрреволюции и рассизма на Юге. «Способ, которым Север ведет войну, именно таков, какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, где так долго и суверенно царил обман», — писал Маркс (т а м ж е, стр. 235).

Наблюдая эту картину медлительности, безынициативности, постоянных просчетов генералов северной армии, Энгельс писал Марксу 30 июля 1862 года, что все это было бы поправимо, «если бы войну повели, наконец, по-революционному. Но этого-то как раз и нет. Поражения не подхлестывают янки, а расслабляют их». Точно определив причину неудач северян, Энгельс сделал чересчур пессимистический прогноз о последующем ходе войны, повторив его и в письме Марксу от 5 ноября 1862 года (т а м ж е, стр. 208—209, 241). В письмах от 7 августа, 10 сентября 1862 года и ряде других Маркс выразил уверенность в другом исходе войны. «По моему мнению, — писал он, — все это скоро примет иной оборот. Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отстранив от руководства деятелей из пограничных рабовладельческих штатов. Один только полк, составленный из негров, окажет поразительное действие на нервы южан» (т а м ж е, стр. 222). В последующих своих письмах Энгельс целиком согласился с мнением Маркса по данному вопросу.

Впервые публикуемое в издании письмо к П. Лафаргу от 2 июня 1869 года свидетельствует, что Маркс подходил к оценке вероятных военных событий как подлинный диалектик, учитывающий взаимосвязь военных и политических условий и разные возможности, заложенные в той

или другой ситуации. За год до начала франко-прусской войны он указывал, что если режим бонапартистской империи падет и Пруссия выступит против революционной Франции, то в движение придут все противодействующие бисмарковской политике силы, в том числе и в самой Германии. Однако, если нападающей стороной окажется французский бонапартизм, Пруссия будет выглядеть как защитник национальных германских интересов и «может стать опасным противником» (т. 32, стр. 508).

В ходе самой войны Маркс весьма точно определил момент, когда после Седанской катастрофы 2 сентября 1870 года и падения Второй империи война превратилась со стороны Германии из оборонительной в захватническую. Маркс и Энгельс считали необходимым поддержать борьбу Французской республики против агрессии прусских милитаристов. В то же время они всячески разоблачали капитулянтскую политику буржуазных заправил Третьей республики — будущих палачей Парижской Коммуны, — готовивших из боязни роста революционных настроений в рядах пролетариата постыдный сговор с внешним врагом. Интересно в этом отношении письмо Маркса Лафаргу от 4 февраля 1871 года по поводу соглашения о перемирии и капитуляции Парижа, подписанного Фавром и Бисмарком 28 января этого года. Маркс заклеймил это соглашение как национальную измену, но отнюдь не считал, что военные шансы Франции, несмотря на поражения и вражескую оккупацию, безнадежны. Он писал, что если Франция «использует перемирие, чтобы восстановить свои силы, если она поймет наконец, что для ведения революционной войны требуются революционные меры и революционная энергия, то она еще может быть спасена» (т. 33, стр. 155). Таково было и мнение Энгельса, выраженное в «Заметках о войне». Капитулянтские круги французской буржуазии избрали однако другой путь: за позорным перемирием последовал позорный Франкфуртский мир, лишивший Францию Эльзаса и Лотарингии и взваливший на нее бремя военных контрибуций.

Во время героической Парижской Коммуны (март—май 1871 года) Маркс давал не только политические, но и военные советы коммунарам. Он, например, советовал им укрепить северную сторону столицы, против которой были расположены оккупационные прусские войска, предпринять наступление на Версаль и т. д. (там же, стр. 172, 191).

При всем значении вклада, который внес Маркс в разработку военно-исторических проблем, ведущая роль в этой области, бесспорно, принадлежала Энгельсу. И лучшим свидетельством тому являются письма самого Маркса. Они полны восторженных отзывов о военных и военно-исторических работах Энгельса. «Прежде всего прими мои поздравления по поводу твоей блестящей и основательной критической статьи, — писал он, например, своему другу 10 октября 1854 года, получив от него для пересылки в «New-York Daily Tribune» очередную корреспонденцию о Крымской войне (статью «Сражение на Альме»). «Статья великолепна», — отзывался он о работе Энгельса «Кампания в Крыму» 10 ноября 1854 года (т. 28, стр. 331, 343). «Твоя «Армия» великолепна, — писал он 25 сентября 1857 года по прочтении одной из главных военных статей, написанных для «Новой американской энциклопедии»... — История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений» (т. 29, стр. 154). Правда, Маркс сделал и ряд критических замечаний к статье.

О военной эрудиции Энгельса и его дарованиях как военного писателя Маркс нередко писал другим лицам. Так, ведя переговоры с Лассалем об издании военно-политической брошюры Энгельса «По и Рейн», он заверял его в письме от 25 февраля 1859 года: «После своего участия в

баденской кампании Энгельс сделал изучение военных вопросов своей специальностью. К тому же, как ты знаешь, пишет он чрезвычайно убедительно» (там же, стр. 475).

Документом большой человеческой силы, характеризующим дружеские чувства Маркса к Энгельсу и его уважение к нему как к ученому, как к знатоку военного дела, является письмо к нему Маркса от 7 июля 1866 года, где он предлагал Энгельсу написать раздел о развитии военной промышленности для своего «Капитала» (первый том Маркс тогда начинал готовить к печати). «Ты понимаешь, какой большой радостью было бы для меня, если бы и в моем главном труде (до сих пор я писал только небольшие вещи) ты фигурировал непосредственно в качестве соавтора, а не только цитировался!» (т. 31, стр. 197).

Мнение Маркса о военных знаниях Энгельса целиком разделял и В. И. Ленин. Это явствует не только из его известных отзывов об Энгельсе как военном теоретике, но и из составленного им конспекта переписки Маркса и Энгельса. В нем Ленин отметил ряд писем, содержащих обмен взглядов между основоположниками марксизма по военным вопросам, а также отзывы Маркса о работах Энгельса. Любопытны и собственные замечания Ленина, подчеркивающие то, что он считал наиболее важным в творчестве Маркса и Энгельса. Так, против упомянутого письма Маркса от 25 сентября 1857 года с оценкой статьи Энгельса «Армия» Ленин сделал следующие пометки: **«Армия и экономический строй»**. «Связь истории армии с производственными отношениями»[3].

Письма самого Энгельса являются весьма важным элементом его военного творчества. Чрезвычайно много дают они для уяснения истории его военных занятий. В письме Энгельса из Швейцарии жене Маркса Женни от 25 июля 1849 года говорится о непосредственном участии Энгельса в боевых действиях в рядах повстанческой баденско-пфальцской армии летом 1849 года. В качестве адъютанта командующего крупным отрядом А. Виллиха Энгельс вынес на своих плечах вместе с другими всю тяжесть кампании, протекавшей в крайне неблагоприятных условиях для повстанцев (значительный перевес вражеских сил, состоявших из хорошо обученных регулярных прусских и других войск). Он участвовал в четырех крупных сражениях, с отрядом Виллиха прикрывал отступление на швейцарскую территорию разбитых повстанческих войск (т. 27, стр. 443). Общий ход этих военных действий он позднее описал в своих очерках «Германская кампания за имперскую конституцию».

Личное участие в боях для Энгельса было серьезной школой военного опыта. Свои наблюдения он использовал в теоретических работах, обобщив, в частности, уроки повстанческих действий в серии статей «Революция и контрреволюция в Германии», в которых был выдвинут знаменитый тезис о восстании как искусстве.

В ноябре 1849 года Энгельс переехал из Швейцарии в Лондон, а затем — через год — в Манчестер, где поступил на службу в торговую фирму. В свободное от конторской работы время он занялся систематическим изучением военных наук. До этого времени Энгельс уже выступал как военный писатель, освещавший военную сторону революционных событий (февральской революции 1848 года во Франции, июньского восстания пролетариата Парижа, революционно-освободительных войн в Венгрии и Италии) на страницах пролетарской печати. Но для дальнейшей углубленной разработки военных проблем он счел свои знания недостаточными.

---

[3] Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., Политиздат, 1959, стр. 28; см. также стр. 281—283, 292—293, 297—301 и 370—371.

С переездом в Манчестер начался новый этап в изучении им военного дела, основанном на глубоком и всестороннем освоении военных дисциплин и истории военного искусства. Причиной, побудившей Энгельса к этому, было сознание важности овладения военной наукой для руководства грядущими революционными боями пролетариата.

В письме от 19 июня 1851 года к своему другу И. Вейдемейеру, бывшему военному, позднее участнику Гражданской войны в США, Энгельс сам наметил обширнейшую программу своих военных занятий. «Так, например, — писал он, — нужно знание элементарной тактики, теории фортификации в более или менее историческом разрезе, охватывающей различные системы, начиная с системы Вобана и кончая современными системами отдельных фортов, знакомство с полевыми укреплениями и иными вопросами, относящимися к военно-инженерному делу, как, например, различные виды мостов и т. п.; далее—всеобщая история военной науки и тех ее изменений, которые были вызваны развитием и усовершенствованием оружия и методов его применения. Затем необходимо основательное знакомство с артиллерией... Особенно мне хотелось бы получить всевозможную информацию об организации армий, о снабжении, о лазаретах и о необходимом для любой армии снаряжении» (там же, стр. 484).

Усилия Энгельса принесли свои результаты. Уже в 1854 году, предлагая английской газете «Daily News» свои услуги в качестве военного корреспондента, он мог с полным основанием заявить, что «не напрасно» работал в течение ряда лет над изучением «всех отраслей военной науки». Успехом в занятиях военным делом Энгельс был во многом обязан своим филологическим способностям, позволявшим ему пользоваться литературой на многих языках. В письме от 30 марта 1854 года он сообщает о своем знакомстве с «большинством европейских языков, включая русский, сербский и немножко румынский» (т. 28, стр. 509). Предложение Энгельса не было принято редакцией упомянутой буржуазной газеты. Однако свои знания он сумел использовать при написании военных корреспонденций и статей для других органов печати («New-York Daily Tribune», «Neue Oder Zeitung», лондонская «Das Volk», венская «Die Presse», манчестерский «Volunteer Journal», «Allgemein Militär-Zeitung» и др.). И в дальнейшем он продолжал совершенствовать эти знания, тщательно следя за выходящей военной литературой.

К изучению военного дела Энгельс подходил сугубо творчески. Он не просто усваивал данные, накопленные военной наукой, но и стремился осмыслить их с новых методологических позиций, в свете диалектического и исторического материализма. Именно поэтому его военные занятия нередко сопровождались написанием самостоятельных обобщающих работ, вроде рукописи «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 году». В ряде писем Энгельс также стремился применить свои знания к оценке складывавшейся военной ситуации, разобраться в возможном обороте военных событий. В письмах Вейдемейеру от 23 января и 27 февраля 1852 года он, например, тщательно взвесил шансы французской интервенции на Британские острова в связи с бонапартистским государственным переворотом (на эту тему он написал также и специальную статью «Англия»). Его вывод звучал весьма трезво, как показала и судьба последующих — вплоть до XX века — планов вторжения в Англию. Энгельс считал, что военное завоевание ее является делом исключительно рискованным, требующим (в тогдашних условиях) не менее 400 тыс. десантных войск. Но даже в случае успеха десанта, закрепиться в стране вторгшемуся противнику будет чрезвычайно трудно ввиду наличия мощного английского флота. Ему

придется действовать «в условиях, когда коммуникации с Францией будут прерваны, что *наверняка* произойдет» (там же, стр. 404).

Творческий характер занятий Энгельса проявился и в его критическом отношении к буржуазной военной и военно-исторической литературе. Отражением этого в переписке являются его отзывы о различных военных писателях и историках — Клаузевице, Бюлове, Мюфлинге, Нейпире, Жомини, Хофштеттере, Виллизене, Техове, Рюстове и многих других. Из писем видно, что Энгельс отнюдь не нигилистически относился к военному наследию своих предшественников и некоторых современников, но в то же время остро подмечал слабые стороны многих авторов — идеализм, неспособность уяснить материальные основы развития военного искусства, доктринерский, оторванный от реальной жизни подход к нему и т. д. Он весьма высоко оценивал Клаузевица как военного теоретика и Нейпира как военного историка. О книге первого «О войне» он писал Марксу 7 января 1858 года, что манера автора философствовать «странная, но по существу очень хорошо» (т. 29, стр. 207). В то же время к весьма основательной работе В. Рюстова «История пехоты» Энгельс считал необходимым «относиться несколько критически (там же. стр. 380). Весьма поучительны критические замечания Энгельса—в письме Марксу от 7 мая 1852 года — по поводу книги прусского генерала, военного теоретика и историка В. Виллизена «Теория большой войны в применении к русско-польской кампании 1831 года». Методологические пороки автора — по мировоззрению идеалиста-гегельянца — Энгельс усматривает прежде всего в подмене анализа реального военного опыта умозрительным выведением принципов военного искусства из неких априорных истин и догматическое абсолютизирование этих принципов. Осуждая такой разрыв между теорией и практикой, Энгельс иронически замечает, что «крупнейшие успехи Наполеона достигались каждый раз с полным презрением к виллизеновским основным правилам...» (т. 28, стр. 57).

С принципиально иных позиций, чем буржуазная военно-историческая наука, подходил Энгельс и к оценке роли полководцев. В противовес идеалистическому раздуванию их роли, он стремился в полководческом искусстве того или другого военачальника выявить отражение исторических особенностей эпохи, состояния военного дела, общих и национальных черт той или иной армии. Весьма интересна с этой точки зрения характеристика, которую он дает в письме Марксу от 11 апреля 1851 года английскому полководцу Веллингтону, участнику борьбы против Наполеона. «Такой генерал, как он, — писал Энгельс, — как бы создан для английской армии, где каждый солдат, каждый младший лейтенант является маленьким Веллингтоном в своей собственной сфере» (т. 27, стр. 213).

Переписка позволяет познакомиться и с некоторыми неосуществленными творческими замыслами Энгельса в области военной истории. Из нее явствует, например, что у него было твердое намерение написать книгу о национально-освободительных войнах в Венгрии и Италии в 1848—1849 годах. Он тщательно работал над собиранием материала, используя официальные военные сводки, прессу, мемуары участников событий — венгерского главнокомандующего Гёргея, генерала Клапки, бывшего члена революционного правительства Семере и др. «Серьезно штудирую теперь венгерскую кампанию и рассчитываю к октябрю изучить все источники», — писал он Марксу 10 июня 1854 года (т. 28, стр. 309). Другие обязанности и дела помешали, однако, Энгельсу реализовать этот план. Однако накопленный материал он использовал в своих других военных работах (статья «Армии Европы», написанная в 1855, статья «Буда» для «Новой американской энциклопедии», в которой раз-

бираются некоторые военные действия во время венгерской кампании, брошюра «По и Рейн», где дан анализ военных событий в Северной Италии в 1848—1849 годах).

Уже этот пример показывает, что источником для разработки военной теории для Энгельса был прежде всего опыт непосредственных военных событий, свидетелем которых он был. Именно этот опыт, сопоставляя его с уроками прежних войн, почерпнутыми из военно-исторической литературы, Энгельс освещал и обобщал в своих военных произведениях и в значительной мере в своих письмах. Основательный разбор военного положения английских вооруженных сил в Индии в связи с грандиозным национальным восстанием 1857 года содержится, например, в письме Марксу от 24 сентября 1857 года. Маркс использовал его в своих статьях об индийском восстании (т. 29, стр. 150—153, сравни т. 19, стр. 309—318). Много ценных мыслей высказано Энгельсом в его письмах о Гражданской войне в США. Особенно важны те из них, которые писались после прекращения (с 1863 года) печатания военных корреспонденций Энгельса на данную тему в связи с разрывом с газетами «New-York Daily Tribune» и «Die Presse».

Письма Энгельса Марксу от 4 и 9 июля 1866 года содержат анализ причин успехов прусской армии в австро-прусской войне. Большое значение придавал он в этой связи техническому превосходству пруссаков, которые располагали более совершенным, чем у австрийцев, игольчатым ружьем. Свою роль, отмечал Энгельс, сыграли и более прогрессивный принцип комплектования и организации прусской армии (всеобщая воинская обязанность вместо рекрутских наборов), и национальное воодушевление (в войне решался вопрос об объединении Германии, хотя и под эгидой контрреволюционной Пруссии), и более высокий уровень военного руководства у пруссаков, чем у австрийцев. «Бенедек со своим глубоким «планом» оказывается на поверку не только ослом, но и колпаком, — писал Энгельс о неспособности австрийского командующего воспользоваться промахами противника.—Как великолепно мог он, обладая такими силами, захватить этих молодцов в горах!» (т. 31 стр. 194).

Особенно ярко развернулся военный талант Энгельса во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. В серии написанных им статей «Заметки о войне» он удивительно точно освещал ход военных действий, буквально по горячим следам событий, часто заранее предугадывая их развитие. Их оценке посвящены и некоторые его письма, которые дополняют многие документы 1-го Интернационала, в частности воззвания его Генерального Совета о войне, написанные Марксом при участии Энгельса. Образцом сочетания ясного понимания характера войны с умением определять вытекающие из этого тактические задачи рабочего класса является письмо Энгельса Марксу от 15 августа 1870 года. Исходя из того, что на первом этапе Германия была втянута Наполеоном III в войну за «национальное существование», Энгельс рекомендовал немецким рабочим и революционной социал-демократии присоединиться к национальному движению, строго отделяя при этом национально-германские от династическо-прусских интересов, противодействовать аннексии Эльзас-Лотарингии, добиваться почетного мира с Францией, как только к власти там придет республиканское правительство, постоянно подчеркивать интернациональное единство с французским пролетариатом (т. 33, стр. 33—34).

Как в этом, так и в другом письме Марксу—от 4 сентября 1870 года, написанном под свежим впечатлением капитуляции французских войск и сдачи в плен самого Наполеона III под Седаном 2 сентября, Энгельс отмечает, что причины поражения французской армии коренились в прогнившем бонапартистском режиме. «Все разваливается, распродано,

расхищено», — пишет он. В то же время Энгельс возмущается стремлением прусской военщины и германских шовинистов продолжить войну, уже утратившую всякий смысл с точки зрения национальных интересов Германии, их захватническими притязаниями на Эльзас и Лотарингию, прикрываемыми псевдовоенно-оборонительными соображениями. Энгельс считал,что, несмотря на тяжесть военного положения Франции, «революционному правительству, если оно *скоро* появится, не следует отчаиваться». С огорчением констатирует он, однако, что после падения империи к власти пришли контрреволюционные и капитулянтские буржуазные деятели. «Такой сволочной компании еще свет не видывал», — писал он по поводу состава так называемого правительства национальной обороны (там же, стр. 35, 43 и 44).

Большое значение имеют содержащиеся в переписке Энгельса оценки военных событий последней четверти XIX века, тем более, что в эти годы он уже не выступал в печати с военными обзорами и в своих произведениях («Анти-Дюринге», написанном в 1877—1878 годах, в серии статей 1893 года «Может ли Европа разоружиться?» и др.) касался военно-исторических проблем преимущественно в общетеоретическом плане. Письма являются поэтому часто единственным источником для уяснения конкретного отношения Энгельса к тому или иному военному конфликту тех лет. В них он откликался на колониальные войны того времени — восстание в Судане в 1881 году против господства англичан и последующие военные действия, военное вторжение Англии в Египет в 1882 году, колониальные захваты европейских держав в других районах Африки и т. д., а также на сербо-черногорско-турецкую (1876), русско-турецкую (1877—1878), сербо-болгарскую (1885), японо-китайскую (1894—1895) войны. К этому периоду относится много новых писем Энгельса, впервые публикуемых на русском языке (некоторые из них вообще не были напечатаны). В них, как и в ранее опубликованных письмах, отражено то внимание, которое уделял Энгельс в эти годы военным событиям, а также бурному развитию военной техники, росту вооружения, обострению международной обстановки и т. д. Он писал о «революции в вооружении и, следовательно, в тактике», о невозможности в связи с этим предвидеть, «каков будет исход войны, когда вступит в действие столько неизвестных элементов и все предварительные расчеты строятся на воображаемых величинах» (т. 39, стр. 325).

Из письма Полю Лафаргу от 19 марта 1888 года, например, видно, что Энгельс неоднократно возвращался к изучению истории русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В письме он отмечает и сильные, и слабые стороны царской армии: храбрость и необычайную выносливость ее солдат, но в то же время их забитость, покорность начальству, привычку действовать в основном лишь в сомкнутом строю (т. 37, стр. 34). Еще раньше, в письме к нему же от 25—26 октября 1886 года, Энгельс обстоятельно разбирает дипломатическую и военную историю произошедшей в 1885 году войны между Сербией и Болгарией (т. 36, стр. 472—473).

Характеристика военной интервенции англичан в Египет и их действий против Судана проникнута ненавистью к колониализму, последовательным противником которого был великий пролетарский революционер. Энгельс с гневом писал (письмо Э. Бернштейну от 22 октября 1886 года) о бомбардировке английскими колонизаторами, по приказу «миролюбивого» Гладстона, Александрии. Политику Англии по отношению к Турции он считал столь же разбойничьей, как и политику русского царизма (там же, стр. 464). Соревнование европейских держав в колониальных захватах в экваториальной и тропической Африке вызывало глубокие опасения и возмущение Энгельса. «Что же там натворят португальцы и французы, не говоря уж о наших прусских насильниках и

палачах, когда они возьмутся за это дело!» — писал он осенью 1884 года (там же, стр. 179).

Последней крупной войной при жизни Энгельса была агрессивная война Японии против Китая. Он откликнулся на нее в нескольких своих письмах, в том числе во впервые публикуемом письме Лауре Лафарг, написанном во второй половине сентября 1894 года. Для такого опытного военного наблюдателя, как Энгельс, был очевиден перевес сил вставшей на путь капиталистических преобразований Японии над отсталой феодальной Китайской империей. Ясно увидел он и далеко идущие последствия этой войны: разрушение старой феодальной системы, убыстрение процессов проникновения европейского капитала на китайские рынки, массовое разорение и эмиграцию мелких ремесленников и крестьян. Энгельс уловил и связь между военным кризисом на Дальнем Востоке и общими тенденциями мирового капиталистического развития, пророчески предсказав, что его последствия будут способствовать обострению общих противоречий капитализма (т. 39, стр. 250) [4].

Письма Энгельса наряду с его произведениями показывают его как страстного борца против милитаризма, гонки вооружений, угрозы войны. В своей переписке с пролетарскими деятелями разных стран (А. Бебелем, П. Лафаргом, Ф. А. Зорге и др.) он постоянно обсуждал меры противодействия воинственной политике господствующих классов, проекты такого преобразования вооруженных сил (замена постоянной армии народно-милиционной системой, сокращение сроков военной службы и т. д.), которые в тех конкретных условиях затруднили бы агрессивным правящим кругам развязывание захватнической войны (т. 36, стр. 574; т. 38, стр. 149—150 и др.).

В своих письмах Энгельс с тревогой отмечал рост военной опасности, образование военных блоков — Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии, Италии, с одной стороны, Франко-русского союза, с другой. Он постоянно предупреждал о том, что война будет мировой, что и такая держава, как Англия, не останется нейтральной в будущей схватке (т. 38, стр. 175). С исключительной прозорливостью предвидел Энгельс огромные масштабы будущей войны, ее небывалые разрушительные последствия. Он был глубоко убежден, что в сложившихся условиях рабочий класс и прогрессивные силы кровно заинтересованы в мире. «Я надеюсь, что мир будет сохранен, — высказывался он в письме румынскому социалисту Иоану Нэдежде от 4 января 1888 года; — в подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одной из сражающихся сторон — наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы *все* они были разбиты, если это только возможно» (т. 37, стр. 5).

Весьма опасным для дела мира Энгельс считал разжигаемую господствующими классами военную истерию, распространение шовинистической идеологии, пропаганду реваншизма. В Сочинениях опубликованы новые письма, показывающие, как относился Энгельс к реваншизму, в частности к реваншистской агитации претендента на роль диктатора Франции монархиста Буланже. В период буланжистского кризиса во Франции в конце 80-х годов Энгельс неустанно разъяснял французским социалистам необходимость разоблачения демагогии этого реакционного генерала и его сторонников, спекулирующих псевдопатриотическими лозунгами (война за возвращение Эльзаса и Лотарингии и т. п.), развенчания его реваншистских идей как проявления шовинистической и милитаристской идеологии.

Разнузданная реваншистская агитация Буланже создала угрозу национальным интересам Германии, хотя сама правящая клика этой стра-

[4] См. также письмо Энгельса Ф. А. Зорге 10 ноября 1894. (Там же, стр. 259).

ны вносила немалый вклад в обострение международных отношений. В этой конкретной исторической обстановке Энгельс считал долгом немецких социал-демократов в случае военного кризиса принять участие в оборонительной войне против буланжистской Франции и ее союзника—русского царизма, добиваясь ведения ее революционными методами (см. т. 38, стр. 137). Энгельс, подчеркивал В. И. Ленин, имел в виду «своеобразный вариант **национальной** войны»[5]. Целиком одобряя эту точку зрения, Ленин в то же время считал грубым нарушением историзма распространение ее на ситуацию, сложившуюся к началу мировой войны 1914—1918 годов. Он рассматривал как искажение марксизма всякую попытку отождествить международную обстановку доимпериалистической и империалистической эпох и на этом основании сблизить позицию великого интернационалиста Энгельса в 1891 году с шовинистической позицией правых германских социал-демократов в 1914 году[6].

Предвидя огромные бедствия, которые принесет народным массам будущая война, всемерно стремясь добиться ее предотвращения, Энгельс в то же время считал, что господствующим классам не удастся, как они на то надеются, посредством войны задержать на длительный срок крушение капитализма. Война будет ужасна, писал он в упомянутом письме Нэдежде, «но что бы ни случилось, все в конечном счете послужило бы на пользу социалистическому движению и приблизило бы приход к власти рабочего класса» (т. 37, стр. 5). Энгельс выражал горячую уверенность, что назревавшая в России народная революция против царизма изменит всю международную обстановку в пользу миролюбивых сил. Он писал, что «революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и положила бы начало всемирной социальной революции» (там же, стр. 5—6).

Во всех своих письмах и произведениях Фридрих Энгельс, соратник великого Маркса, выступает как самоотверженный защитник интересов рабочего класса и трудящихся, как пламенный революционер, отдающий все свои силы и знания, в том числе свой широкий и разносторонний военный опыт, делу борьбы за социализм.

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 330.
[6] Там же, стр. 347—348.

От солдата до маршала

(К 70-летию Г. К. ЖУКОВА)

Полковник Н. СВЕТЛИЩИН

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ партия воспитала и выдвинула целую плеяду замечательных полководцев», — говорил товарищ Л. И. Брежнев в своем докладе 8 мая 1965 года на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Среди имен выдающихся военачальников, олицетворяющих собой советскую школу военного искусства, там было названо имя Георгия Константиновича Жукова. Выйдя из самой толщи русского народа, Г. К. Жуков прошел сложный и многотрудный путь от рядового солдата до Маршала Советского Союза[1]. Своими заслугами и достижениями Г. К. Жуков обязан прежде всего нашей партии, которая увидела его незаурядные военные способности, заботливо его растила и выдвинула на руководящие посты в Советских Вооруженных Силах.

Начав службу в Красной Армии рядовым красноармейцем, Г. К. Жуков прошел все ступени командной лестницы от командира взвода до командующего войсками округа. В канун Великой Отечественной войны он занимал пост начальника Генерального штаба. В годы войны ему довелось командовать войсками ряда фронтов, быть главнокомандующим войсками Западного направления. С 23 июня 1941 года, когда была создана Ставка Главного Командования Красной Армии, и до конца войны Г. К. Жуков являлся ее членом. В качестве члена Ставки он координировал действия фронтов в важнейших стратегических операциях. С августа 1942 года он — первый заместитель Верховного Главнокомандующего. Большие военные заслуги Г. К. Жукова перед народом и партией получили всеобщее признание и высокую оценку. Он награжден многими орденами нашей страны и иностранных государств[2].

В послевоенный период Г. К. Жуков занимал ряд высоких постов в Советских Вооруженных Силах — главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии, главнокомандующего сухопутными войсками, командующего войсками Одесского и Уральского военных округов, заместителя министра, а с февраля 1955 года до октября 1957 года — Министра обороны СССР. С марта 1958 года он в отставке.

Жизненный путь Г. К. Жукова не был прямым и гладким. Он обозначен и крупными успехами, и отдельными неудачами. Были на этом пути и серьезные ошибки,

---

[1] Г. К. Жуков родился 2 декабря 1896 года в деревне Стрелково, Угодско-Заводского района, Калужской области, в семье крестьянина Константина Андреевича Жукова. Семья Жукова жила в бедности: отец сапожничал, мать — Устинья Артемьевна — батрачила. Семи лет он поступил в трехклассную церковно-приходскую школу села Величково и окончил ее с похвальной грамотой. Но дальше учиться не пришлось — надо было помогать родителям. Молодого Георгия отдали в семью московского скорняка Пилихина обучаться ремеслу. Несмотря на исключительно тяжелые условия жизни и обучения в мастерской, Жуков продолжал упорно учиться, главным образом ночами и в праздничные дни. В 1913 году он успешно сдал экзамен за полный курс городского училища. Когда грянула первая мировая война, Жуков, как и миллионы других его сверстников, был призван в армию. Его зачислили рядовым в 10-й драгунский Новгородский полк. За неоднократно проявленную в боях с немцами храбрость он был награжден двумя георгиевскими крестами, двумя медалями и произведен в унтер-офицеры.

[2] Г. К. Жуков награжден: четырьмя орденами Ленина, четырьмя медалями «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Победы, двумя орденами Суворова I степени и тринадцатью медалями СССР, а также восемнадцатью орденами и медалями зарубежных государств — Англии, Италии, Китайской Народной Республики, Монгольской Народной Республики, Польши, США, Франции, Чехословакии и Югославии.

которые отмечены октябрьским Пленумом ЦК КПСС 1957 года в постановлении «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте».

В настоящей статье мы остановимся на основных вехах военного пути Г. К. Жукова и на некоторых характерных чертах его военного искусства как полководца советской школы.

В Красную Армию Г. К. Жуков пришел добровольцем в августе 1918 года. В следующем году он стал членом партии большевиков. Рядовым красноармейцем, помощником командира взвода, командиром взвода и командиром эскадрона он участвует в боях против уральских белоказаков, Деникина и Врангеля, банд Антонова и Зверева. В 1919 году под Царицыном был ранен, а у станицы Степной контужен.

При Советской власти перед Г. К. Жуковым открылись широкие возможности для творческого развития его способностей. В январе 1920 года он был направлен в Рязань на курсы командиров кавалерии. После окончания учебы Жуков командует сначала взводом, потом эскадроном, а с июля 1923 года по май 1930 года — кавалерийским полком. Службу в войсках он сочетает с упорной учебой. В 1925 году закончил годичные курсы усовершенствования комсостава кавалерии, а в 1929 году — академические курсы по подготовке высшего командного состава [3].

Высокие командирские качества, упорная и кропотливая работа Г. К. Жукова над повышением своего образования, забота о боевой и политической подготовке частей не остаются не замеченными. Он довольно быстро продвигается по службе. В мае 1930 года Жуков назначается командиром кавалерийской бригады. О стиле работы и его командирских качествах красноречиво говорят служебные аттестации. Вот как аттестовал за 1928 год командира 39-го кавалерийского полка Г. К. Жукова комдив Д. Ф. Сердич [4]: «Энергичный и решительный командир. Благодаря работе тов. Жукова, направленной на воспитание и учебно-боевую выучку, полк стал на должную высоту во всех отношениях... Как командир полка и единоначальник подготовлен отлично. Подлежит выдвижению на должность комбрига во внеочередном порядке» [5].

На должности командира бригады Г. К. Жуков также заслужил высокую оценку: «Командир сильной воли и решительности. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. В военном отношении подготовлен хорошо. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактико-стрелкового дела, а также роста бригады в целом» [6]. В выводах по аттестации за 1930 год командир 7-й кавалерийской дивизии К. К. Рокоссовский подчеркивал, что командир 2-й кавалерийской бригады Г. К. Жуков достоин выдвижения на должность командира механизированного соединения.

30-е годы для Г. К. Жукова были периодом становления как крупного военачальника. В феврале 1931 года он был выдвинут на должность помощника инспектора кавалерии Красной Армии, а в марте 1933 года назначен командиром 4-й кавалерийской дивизии. В июле 1937 года он уже командует 3-м кавалерийским корпусом. Руководимые им соединения отличались высокими показателями в боевой и политической подготовке. За большие успехи в этом деле Г. К. Жуков в 1936 году был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина. Вспоминая тот период времени, Георгий Константинович рассказывал мне, что участие в оперативных играх и командно-штабных учениях, часто проводившихся в Белорусском военном округе

---

[3] В некоторых трудах буржуазных историков утверждается, что Г. К. Жуков якобы учился в 20-е годы в военной академии рейхсвера в Берлине и прошел «школу Секта», где был посвящен в «таинства» немецкого военного искусства. Но это выдумка. Жуков впервые в жизни побывал в Берлине лишь в мае 1945 года, когда советские войска водрузили там знамена Победы и он по поручению Правительства Союза ССР принимал безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии.

[4] Д. Ф. Сердич (1896—1937) — герой гражданской войны, командир полка 1-й Конной армии. Подробнее о нем см. «Военно-исторический журнал», 1966, № 8, стр. 127—128.

[5] Личное дело Г. К. Жукова.

[6] Там же.

под руководством выдающихся советских военачальников А. И. Егорова и И. П. Уборевича, очень способствовало расширению его оперативного кругозора, формированию военно-теоретических взглядов и командирских качеств. Г. К. Жуков подчеркивает, что командиры соединений, и он в их числе, многому научились у И. П. Уборевича в области военного искусства. Особенно плодотворно проходили в те годы организуемые им учебные сборы командиров. Они совмещались с показом новой техники, с оперативными играми и докладами на различные теоретические и военно-исторические темы.

В июле 1938 года Г. К. Жуков выдвинут на должность заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. А когда японские империалисты спровоцировали военный конфликт на границах МНР в районе реки Халхин-Гол, комкор[7] Жуков был направлен туда командующим 1-й армейской группой советско-монгольских войск.

Перед войсками 1-й армейской группы стояла ответственная и сложная задача — разгромить, не переходя государственной границы МНР, вторгшиеся на ее территорию соединения 6-й японской армии. После тщательной оценки обстановки Жуков принял решение — нанести мощные сходящиеся удары по обоим флангам противника с тем, чтобы окружить и уничтожить его основные силы между рекой Халхин-Гол и государственной границей. Получившие задачу выйти в тыл врага и замкнуть кольцо окружения Северная и Южная группы были созданы главным образом из танковых и кавалерийских соединений. В Центральную группу, которая должна была фронтальными атаками сковать противника, вошли стрелковые части. В резерве командующего армейской группой также находились подвижные части: мотобронеевая и авиадесантная бригады. Готовя операцию, советско-монгольские войска по указанию командующего широко применяли маскировку и дезинформацию противника.

20 августа наши войска перешли в наступление по всему фронту. Атаке пехоты и танков предшествовали массированные удары советской авиации и мощная артиллерийская подготовка. 23 августа оборона 6-й японской армии была прорвана, а основная часть ее сил окружена. В последующие два дня японское командование предприняло ряд попыток разорвать кольцо окружения. Но все они были отражены. К 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских захватчиков. За образцовое выполнение боевого задания и проявленное геройство 70 участников боев у реки Халхин-Гол, в том числе Г. К. Жуков, были удостоены звания Героя Советского Союза.

В этой первой крупной боевой операции, проведенной Г. К. Жуковым, проявились его полководческие способности — умение организовать и в короткий срок осуществить полный разгром сильного противника. Советское правительство по достоинству оценило деятельность Жукова. В июне 1940 года Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР ему было присвоено внеочередное воинское звание генерала армии. Вскоре его назначили командовать войсками Киевского Особого военного округа, одного из самых крупных в нашей стране.

В январе 1941 года генерал армии Жуков получил назначение на пост начальника Генерального штаба Красной Армии. Это была совершенно иная сфера деятельности. Но с присущей ему энергией Г. К. Жуков приступает к работе в Генеральном штабе. Чтобы руководить таким большим и сложным организмом, требовался значительный опыт в решении крупных стратегических вопросов, проблем строительства и боевой подготовки вооруженных сил в целом. Однако времени на приобретение такого опыта не было. В Европе и на Дальнем Востоке уже бушевала война. В той сложной обстановке руководством Народного комиссариата обороны, в том числе и Г. К. Жуковым, были допущены просчеты, связанные главным образом с развертыванием войск и приведением их в боевую готовность.

Вспоминая о событиях, предшествовавших началу Великой Отечественной войны, Георгий Константинович говорит: я не снимаю и с себя ответственности за то, что,

---

[7] Воинское звание комкор было присвоено Г. К. Жукову постановлением Совнаркома СССР от 31 июля 1939 года.

Г. К. Жуков
1916 год

может быть, недостаточно убедительно обосновывал перед Сталиным необходимость приведения нашей армии в боевую готовность. Возможно, я был для него недостаточно авторитетен.

* * *

В годы Отечественной войны наиболее полно развернулись военный талант и полководческое искусство Г. К. Жукова. Этому во многом содействовали его личные качества — ясный и трезвый ум, блестящая память, позволявшая удерживать в голове мельчайшие подробности оперативно-стратегической обстановки, умение опереться в своих решениях и действиях на коллектив, прислушаться к разумным советам и вместе с тем заставить подчиненных работать с полной отдачей сил и знаний. Очень метко характеризует в своих воспоминаниях эти личные качества Г. К. Жукова Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян: «Из всех молниеносно выросших в предвоенные годы крупных военачальников он был, безусловно, самой яркой и одаренной личностью. В период нашей совместной учебы в Ленинграде из всех нас он выделялся не только поистине железным упорством в достижении поставленной цели, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях он частенько удивлял какой-нибудь неожиданностью. Его решения всегда вызывали наибольшие споры, и он обычно с редкой логичностью умел их отстаивать. Хорошо зная его способности, я не удивлялся его поразительной, даже для тех лет, военной карьере. В отличие от некоторых военачальников предвоенного времени Г. К. Жуков обладал не только военным дарованием, без которого в годы военных испытаний не может получиться полководец, но и жестким характером, беспощадностью к недобросовестным людям... И еще одна черта характера Жукова мне бросалась в глаза. Если он чего-нибудь добивался, то крайне не любил идти к цели, как говорится, «медленным шагом, робким зигзагом». В таких случаях он шел напрямую» [8].

Г. К. Жуков отличается способностью правильно понимать сложную стратегическую обстановку и сделать верный прогноз развития событий. Об этом можно судить по оценке им положения, возникшего на советско-германском фронте в середине августа 1941 года, когда гитлеровское командование предприняло маневр силами правого крыла группы армий «Центр» для удара в тыл нашему Юго-Западному фронту. В своем докладе Верховному Главнокомандованию 18 августа Жуков (в то время командующий войсками Резервного фронта) сообщал следующее: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего главный удар на Москву и удар на Донбасс» [9]. Этот прогноз, как известно, полностью подтвердился последующим ходом событий.

Можно привести и другой пример. Весной 1943 года очень важно было своевременно вскрыть замысел гитлеровского командования и план его действий на лето

---

[8] Цитируется по рукописи воспоминаний И. Х. Баграмяна, подготовляемой к печати.
[9] Архив МО, оп. 178510, д. 29, л. 1.

Г. К. Жуков
1966 год

Прибыв по заданию Ставки в район Курского выступа и тщательно изучив совместно с командованием Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов положение советских войск и данные о противнике, Г. К. Жуков 8 апреля 1943 года представил доклад Верховному Главнокомандующему. В нем на основе анализа возможностей, имевшихся у немецко-фашистского командования, был сделан вывод о том, что противник не сумеет создать к весне больших резервов, чтобы вновь предпринять наступление на широком фронте с целью глубокого обхода Москвы. Касаясь предполагаемого замысла гитлеровского командования, Г. К. Жуков докладывал: «Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока... Надо ожидать,— писал он далее,— что противник в этом году основную ставку при наступлении будет делать на танковые дивизии и авиацию, так как его пехота значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году». В этих условиях Г. К. Жуков считал нецелесообразным переход наших войск в наступление с целью упреждения противника. «Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку» [10].

Чтобы наша оборона была способна противостоять массированным атакам танков, Г. К. Жуков предложил немедленно собрать с пассивных участков и перебросить на угрожаемые направления возможно большее количество частей противотанковой артиллерии, все полки самоходной артиллерии, сосредоточить как можно больше самолетов и «...массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки врага, чем и сорвать план наступления противника» [11].

Выводы Г. К. Жукова в отношении намерений и характера действий противника были учтены советским командованием и использованы при создании в районе Курского выступа такой мощной обороны, преодоление которой оказалось не по силам немецко-фашистской армии.

Одной из важных предпосылок глубокой и правильной оценки Г. К. Жуковым оперативно-стратегической обстановки было то, что он, прежде чем принять какое-либо важное решение, учитывал мнение командующих, заслушивал соображения штабов и очень часто соглашался с выработанными ими предложениями, внося в них, когда это было нужно, необходимые коррективы.

Рассказывая о событиях осени 1941 года на Западном фронте, Г. К. Жуков отметил ту большую роль, которую сыграл в управлении войсками хорошо сколочен-

[10] Архив МО, оп. 1691, д. 233, л. 287.
[11] Там же, л. 286.

ный и четко работавший штаб во главе с генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским. Очень большую помощь ему оказывали командующий ВВС фронта С. А. Худяков, начальник артиллерии И. П. Камера. Столь же тепло отзывается он и о других своих боевых помощниках в тот период — начальнике политуправления В. Е. Макарове, начальнике войск связи Н. Д. Псурцеве, начальнике инженерных войск М. П. Воробьеве, начальнике оперативного управления штаба Г. К. Маландине и сменившем его В. С. Голушкевиче.

Вспоминая то время, когда он был командующим войсками 1-го Белорусского фронта, Г. К. Жуков в одной из бесед со мной опять-таки подчеркнул мысль о том, что в одиночку ни один руководитель не сможет добиться успеха, он всегда должен использовать опыт, знания и советы своих помощников. С глубоким уважением отзывается Георгий Константинович о штабе 1-го Белорусского фронта. «Этот штаб, подобранный и воспитанный К. К. Рокоссовским, был очень слаженным и деятельным. Мною как должное был воспринят ранее установившийся здесь порядок и стиль работы. Как и мой предшественник, я по вечерам заходил в кабинет начальника штаба генерала М. С. Малинина, где уже были собраны ведущие штабные работники, командующие родами войск и начальники служб. После обмена мнениями принималось решение. Коллективный мозговой центр фронта всегда работал творчески, четко и слаженно до конца войны. Особенно большую помощь мне в работе оказывали член Военного совета К. Ф. Телегин, начальник оперативного управления И. В. Бойков, командующий артиллерией В. И. Казаков, командующий воздушной армией С. И. Руденко, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Г. Н. Орел, начальник разведки Н. М. Трусов и начальник тыла Н. А. Антипенко».

Но на войне ни один военачальник не может быть застрахован от возможных ошибок. Поэтому и в боевой практике Г. К. Жукова случались просчеты. Так, при планировании операции по разгрому ржевско-вяземской группировки гитлеровцев, протекавшей в феврале — марте 1942 года, Г. К. Жуков как главнокомандующий Западным направлением и его штаб недооценили силу возможного сопротивления противника и его способности быстро маневрировать резервами по внутренним линиям на ржевско-вяземском плацдарме. Не было учтено и то, что наши войска не имели надлежащего превосходства над противником в силах и испытывали недостаток в боеприпасах, а в составе фронтов и армий отсутствовали крупные бронетанковые и механизированные соединения, которые могли бы быстро развить первоначальный успех и осуществить маневр на окружение. В результате Ржевско-Вяземская операция оказалась незавершенной.

Был допущен также просчет и при подготовке Берлинской операции. Командование 1-го Белорусского фронта недоучло прочность вражеской обороны на Зееловских высотах, вследствие чего в первый день наступления войска на этом направлении не выполнили задачу. Для завершения прорыва обороны пришлось преждевременно вводить в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии.

Однако Г. К. Жукову в ходе войны в большинстве случаев удавалось находить верные решения. Руководимые им войска добивались успеха в сложной и критической обстановке. Он умел пойти при необходимости на оправданный риск. Вот один из характерных примеров. На Западном фронте во второй половине ноября 1941 года, когда немецко-фашистское командование предприняло последнюю попытку овладеть Москвой, танковым соединениям врага удалось в конце ноября севернее Москвы выйти на ближние подступы к столице в районе Красной Поляны и Крюково. Одновременно на южном крыле Западного фронта 2-я немецкая танковая армия развивала успех на Каширу и Коломну, в обход Тулы с востока. В этой крайне опасной для Москвы обстановке Г. К. Жуков, как командующий Западным фронтом, организовал контрудары, введя в сражение фронтовые резервы и подходившие резервы Ставки. По его приказу прибывавшие из резерва Ставки 1-я ударная и 20-я армии нанесли контрудар севернее Москвы, 16-я и 5-я армии контратаковали противника на крюковском, истринском и звенигородском направлениях, а 1-й гвардейский кавкорпус, усиленный 112-й танковой дивизией и 9-й танковой бригадой, нанес контрудар по врагу из района Каширы. Последующий ход событий показал правильность такого решения. Своевре-

менным вводом резервов командованию фронта удалось не только остановить дальнейшее продвижение противника, но и потеснить его на отдельных участках на запад.

Будучи ярким представителем школы советского военного искусства, Г. К. Жуков творчески применял один из важнейших его принципов — решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов для глубокого прорыва и рассечения вражеской обороны с целью разгрома основных группировок противника. Так, при проведении Висло-Одерской операции он, учтя, что противник равномерно растянул свои войска по фронту, принял решение нанести три удара — два с плацдарма на западном берегу Вислы в районе городов Магнушево и Пулавы и третий — севернее Варшавы. Успех операции зависел от быстрого прорыва тактической зоны обороны противника и последующего стремительного развития успеха в глубине. На участках прорыва, составлявших 13 проц. общей ширины полосы, было сосредоточено 54 проц. стрелковых дивизий, 53 проц. артиллерии и минометов, 91,3 проц. танков и самоходных артиллерийских установок [12]. Благодаря такой концентрации сил и средств на участках прорыва удалось создать высокие оперативные плотности: до 240—250 артиллерийских стволов и до 100 танков и самоходных установок на 1 км фронта. Искусное сосредоточение на плацдармах больших масс артиллерии, пехоты и крупных объединений и соединений бронетанковых войск, а также использование на этих направлениях главных сил воздушной армии фронта обеспечили быстрый прорыв вражеской обороны на Висле, расчленение ее сил на изолированные части, выход наших войск на глубокие тылы варшавской группировки противника и последующее наступление к Одеру в очень высоких темпах.

Для достижения решительных целей в операциях и повышения темпов их проведения Г. К. Жуков искусно использовал бронетанковые и механизированные войска. Например, к началу Висло-Одерской операции 1-й Белорусский фронт имел в своем составе две танковые армии (1-ю и 2-ю гвардейские), два отдельных танковых корпуса и пять отдельных танковых бригад. По решению Г. К. Жукова танковые армии, являвшиеся одним из основных факторов развития наступления в стремительных темпах, были введены в сражение на второй (1-я гвардейская) и третий день операции (2-я гвардейская), то есть лишь после полного прорыва обороны противника. Это позволило сохранить силы подвижных групп для длительных и напряженных действий в оперативной глубине обороны. Танковые же корпуса и отдельные танковые бригады использовались в этой поучительной операции в качестве армейских подвижных групп и танков непосредственной поддержки пехоты (НПП). После прорыва тактической зоны противника танковые части, поддерживавшие пехоту, изымались из подчинения командиров стрелковых дивизий и объединялись в нештатные армейские подвижные отряды для преследования врага. Эти отряды выполняли функцию связующего звена между танковыми и общевойсковыми армиями.

Благодаря правильному использованию бронетанковых войск в Висло-Одерской операции были достигнуты необычайно высокие темпы наступления. После прорыва вражеской обороны наступление развивалось танковыми армиями со средним темпом до 45 км, а в отдельные дни до 70 км в сутки и в отрыве от общевойсковых армий до 100 километров.

Одной из наиболее отличительных черт Г. К. Жукова является его несгибаемая воля, хладнокровие в самых критических ситуациях, требовательность и твердость при проведении в жизнь принятых решений. Это особенно ярко проявилось в трудные периоды сражений. Когда в начале октября 1941 года противнику удалось прорвать наш фронт на западном направлении, Москва оказалась под непосредственной угрозой удара немецко-фашистских армий. Назначенный в это время командующим Западным фронтом, Г. К. Жуков энергичными и решительными мерами содействовал восстановлению управления войсками, созданию организованного фронта обороны на подступах к столице. Несмотря на то что под Москвой создалось очень сложное и опасное положение, действия Г. К. Жукова были проникнуты спокойствием и уверенностью, трезвостью и рассудительностью.

---

[12] «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 75.

Г. К. Жуков постоянно изучал опыт боевых действий наших войск и военное искусство противника. Это позволяло ему быстро реагировать на новые приемы борьбы, применявшиеся противником, и своевременно принимать контрмеры. Так, первая неделя наступления советских войск под Москвой показала, что наши командиры весьма робко применяют маневр, а чаще прибегают к лобовым атакам, что вело к вытеснению, а не уничтожению противника. По этому поводу командующий войсками Западного фронта 13 декабря издает приказ, которым категорически запрещались лобовые атаки укрепленных узлов противника и требовалось головным эшелонам, не задерживаясь, обходить их, возлагая уничтожение этих узлов на последующие эшелоны. От командиров всех степеней приказ требовал — преследование вести стремительно, не допуская отрыва от противника. Соседям оказывать друг другу помощь на стыках, а при окружении и уничтожении противника не «отгораживаться формальным начертанием разгранлинии» [13].

Г. К. Жуков — решительный противник шаблона. В ходе зимней кампании 1942/43 года и в частных наступательных операциях весной 1943 года в методике подготовки и проведения атаки нашей пехотой, особенно в ее артиллерийской поддержке, выработался некоторый схематизм. Вследствие этого противник, зная по опыту, что последний огневой налет обычно заканчивается ударом «катюш», вылезал из укрытий и встречал атакующих организованным огнем [14]. При планировании Орловской операции в июле 1943 года Г. К. Жуков как представитель Ставки дал указание командованию Западного и Брянского фронтов применить новый, непривычный для врага метод артиллерийской подготовки и ведения атаки. Сущность его заключалась в следующем. Накануне дня наступления наша артиллерия в течение четырех часов производила разрушение выявленных дзотов и блиндажей. Одновременно осуществлялась пристрелка целей вновь развернутой артиллерии. В конце периода разрушения был дан короткий огневой налет, после которого перешли в наступление усиленные батальоны от каждой дивизии первого эшелона. Эти батальоны имели задачу точно установить передний край обороны противника и вскрыть его систему огня.

В день наступления (12 июля 1943 года) на рассвете наша артиллерия произвела пятиминутный массированный огневой налет, а затем начала артиллерийскую подготовку, в ходе которой «катюши» кроме залпового огня применяли методическую стрельбу. Движение танков, а затем и пехоты с исходного положения началось за 20 минут до конца артподготовки. Оно не задерживалось до самого броска в атаку. Это лишило противника возможности определить момент начала атаки и выйти из укрытий для встречи огнем нашей пехоты. В итоге наши атакующие части внезапно ворвались в траншеи врага, овладели ими, захватив много пленных [15].

Представленный Верховному Главнокомандующему доклад Г. К. Жукова с обобщением опыта этой операции был положен в основу директивы от 16 июля 1943 года командующим артиллерией фронтов, в которой давались рекомендации по устранению укоренившегося шаблона в методах артиллерийского наступления [16].

Характерной особенностью Г. К. Жукова как полководца является также и то, что он очень тонко чувствовал развитие оперативно-стратегической обстановки в ходе сражения. Это позволяло ему своевременно вносить коррективы в планы своих действий. Так, незадолго до начала Берлинской операции Г. К. Жуков внес существенную поправку в ее замысел. Она заключалась в том, что 1-я гвардейская танковая армия получила задачу наступать не в обход Берлина с севера, как это намечалось ранее, а на юго-восточную окраину Берлина с целью отсечь от него основные силы 9-й немецкой армии и тем самым облегчить взятие фашистской столицы. Такое решение командующего 1-м Белорусским фронтом было, безусловно, правильным, так как очень важно было не допустить в ходе сражения отхода в район Берлина крупных сил гитлеровцев, действовавших юго-восточнее города. Невыполнение этой задачи могло привести к длительным боям за Берлин, а следовательно, к затяжке всей опе-

---

[13] Архив МО, ф. 326, оп. 5057, д. 2, л. 489.
[14] Там же, оп. 1691, д. 294, л. 567.
[15] Там же, д. 234, л. 570.
[16] Там же, лл. 572—578.

рации, что шло в разрез с требованиями военно-политической обстановки, сложившейся на заключительном этапе войны.

Нельзя не отметить еще одну важную черту в деятельности Г. К. Жукова — его постоянную заботу о том, чтобы подчиненные глубоко знали обстановку, понимали свою задачу и сознательно ее выполняли.

В подготовке операций Г. К. Жуков всегда стремился работать не только с командующими фронтами и армиями, но и с командирами соединений, лично ознакомиться с действительным положением, особенно на участках прорыва вражеского фронта. Генерал-полковник С. М. Штеменко, вспоминая о работе Жукова как представителя Ставки по координации действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов в Белорусской операции, пишет: «Представитель Ставки работал на местности в полосе каждой армии. Учитывались все возможности, чтобы общими усилиями еще и еще раз примерить и рассчитать все варианты операции, пока, наконец, не было окончательно признано, что наилучшим способом решения задачи 1-го Белорусского фронта будет окружение противника в районе Бобруйска с последующим уничтожением окруженных войск. Подготовку наступления при этом не задерживали и проводили по утвержденному плану и по указаниям представителя Ставки, который в помощь командованию фронта послал в войска людей из состава своей группы» [17].

О стиле работы Г. К. Жукова как полководца советской школы, о его взаимоотношениях с коллективом штаба очень ярко рассказывает бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. «С первых шагов своей работы на посту командующего войсками 1-го Белорусского фронта, — говорил он, — Г. К. Жуков всемерно поддерживал высокий дух творчества и сплоченности всего руководящего коллектива, умело направлял его усилия на решение задач. Операции готовились им со скрупулезной тщательностью. Он вникал во все их стороны, детально отрабатывал, рассчитывал, проверял с командующими родов войск, начальниками управлений и служб, с командованием армий, проигрывал на картах, рельефных планах. В ходе операции командующий внимательно следил за ее развитием, строго контролировал и жестко требовал выполнения плана, приказов, взыскивал за всякую неорганизованность, нераспорядительность. И это справедливо, хотя и не всем военачальникам нравилось. Ведь нельзя забывать, что успех операции теснейшим образом зависит от многих факторов, и заминки на одном участке сразу же сказываются на других... В общем и целом наш фронтовой коллектив отдавал должное энергии, настойчивости и решительности Г. К. Жукова, его большим организаторским способностям, полководческому таланту, так полно развернувшимся в заключительных сражениях Великой Отечественной войны» [18].

Г. К. Жуков, как полководец советской военной школы, всегда придавал большое значение поддержанию на высоком уровне морально-политического состояния личного состава войск, считая его одним из решающих факторов достижения победы в бою, сражении, операции и в войне в целом.

В Архиве Министерства обороны СССР хранится очень интересный документ. Это стенограмма выступления Г. К. Жукова на военно-теоретической конференции в марте 1946 года, посвященной разбору Висло-Одерской операции. В нем он коснулся основных положений, относящихся к подготовке наступательных операций. Поскольку эти положения характерны для советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны, рассмотрим их хотя бы вкратце.

Первое — это отличное знание противника, правильная оценка его замыслов и планов действий, его сил, средств и возможностей; знание слабых и сильных сторон врага, умение учесть, на что он способен и на что не способен, на чем можно его поймать.

Развивая эту мысль, Георгий Константинович говорит, что внимательное и всестороннее изучение противника при подготовке операции имеет решающее значение. Это достигается длительной, непрерывной и глубокой разведкой. Особо важно при изуче-

---

[17] «Военно-исторический журнал», 1965, № 3, стр. 62.
[18] Цитируется по рукописи воспоминаний К. Ф. Телегина.

нии переднего края и просматриваемой глубины обороны личное изучение участка самим командиром и самим командующим.

Второе — это глубокое знание своих войск, тщательная и целеустремленная подготовка их к предстоящему бою и операции. В первую очередь глубоко и всесторонне должны готовиться командования и их штабы, с которыми нужно очень детально проработать обстановку, общую задачу, частные задачи, вопросы взаимодействия с соседями, со средствами усиления и с авиацией; детально изучить методику операции и особенно прорыв и бой в глубине, разобрать варианты, как действовать в той или иной обстановке.

Третье — это оперативная и тактическая внезапность, которая достигается главным образом посредством двух элементов — введением противника в заблуждение относительно своих истинных намерений и стремительностью действий.

Стремительность действий является главным и решающим средством против всех мероприятий противника, в том числе и против его перегруппировок. Надо действовать настолько быстро, чтобы неприятель везде и всюду опаздывал, чтобы застигнуть врага врасплох и тем самым поставить его в тяжелое положение. Этому нужно учиться, на этом нужно воспитывать наши войска.

Четвертое — это точный расчет сил и средств, который должен соответствовать поставленной задаче. Опыт показал со всей своей наглядностью, что нельзя ставить войскам непосильные задачи. Практика постановки непосильных задач, кроме потерь, истощения сил и подрыва воинского духа, ничего не дает. Исходя из этого, лучше реже проводить наступательные бои, операции, не истощаться мелкими боями, а копить силы, средства и, собрав их, проводить более солидные операции.

Пятое — это материальное обеспечение и подготовка тыла к операции. Оценивая опыт минувшей войны, Г. К. Жуков отметил: «Известно, что у нас был сорван ряд операций по причине материальной необеспеченности и неподготовленности тыла... Я считаю, что ни при каких обстоятельствах неподготовленную в материальном отношении операцию проводить не следует. Общая обстановка может толкать Главное Командование на быстрейшее осуществление операции. В этом случае организующий ее командующий должен проявить мужество и доложить Ставке или высшей инстанции о неготовности операции».

Наконец, в этом же выступлении содержится возражение тем товарищам, которые считали фронтальный удар главной формой маневра советских войск. Прорыв — это не цель, говорит Г. К. Жуков. Прорыв — это один из важнейших этапов к достижению цели. А главная цель всегда достигается после прорыва. Прорыв совершается не для прорыва, а для получения преимущества наших войск в маневре, с целью удара с менее выгодного для противника направления. Мы не для фронтальных ударов механизируем армию, а для того, чтобы осуществлять маневр во фланг, в тыл, для того, чтобы упреждать противника в преследовании, для того, чтобы быстрее выходить к намеченной цели.

Высказанные в данной статье положения не исчерпывают всех сторон военной деятельности Г. К. Жукова. Это лишь отдельные наиболее яркие моменты, характеризующие его как одного из выдающихся полководцев советской военной школы.

ГЕРОИ гражданской ВОЙНЫ

В этом номере журнал продолжает публиковать документы о героях гражданской войны. (Начало см. в «Военно-историческом журнале» № 2, 4, 7 за этот год). Публикацию подготовили подполковник запаса А. М. Иванов и майор запаса В. А. Червяков.

Игнатович Виктор Викентьевич (1897—1943)

Член партии большевиков с 1920 года. В гражданскую войну — шофер автобронемашины, помощник командира дивизиона автобронеотряда им. Свердлова, помощник командира автобронеотряда им. Свердлова. После гражданской войны — на партийно-хозяйственной работе. Позже персональный пенсионер.

1) «Награждаются орденом Красного Знамени... автобронеотряда войск ГПУ имени Свердлова за боевые отличия, оказанные ими в июле и августе месяцах 1921 г. в районе г. Джамбейтинск при ликвидации банд в Уральской губернии, помощники командира дивизиона: т. Игнатович Виктор Викентьевич...» (Приказ РВСР № 127 от 18 мая 1922 года.)

2) «Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за № 511 и 2322 командованием в Тамбовском районе ордена Красного Знамени за отличия в боях с бандами Антонова и Богуславского в 1921 году в районе дд. Елани и Бакуры: автоброневого отряда имени Я. М. Свердлова войск ВЧК... помощнику командира по строевой части Игнатовичу Виктору». (Приказ № 56 от 12 апреля и № 68 от 7 мая 1923 года.)

3) «Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. № 511 и 2322 и 1920 г. № 1144 ордена Красного Знамени Революционным Военным Советом 1-й Конной армии за отличия в боях с частями врангелевской и польской армий в 1920 г.: третично: начальнику бронемашины автоброневого отряда имени Свердлова Игнатовичу Виктору — у Ново-Фастова 30 мая и у м. Червонное 20 июня». (Приказ РВСР № 160 от 16 октября 1923 года.)

Кальван Иосиф Иванович (1896—1938)

Член партии большевиков с 1918 года. На службе в РККА с 23 декабря 1918 года. В гражданскую войну — начальник заставы пограничной стражи, командир роты, командир батальона, командир 502-го стрелкового полка 3-й армии. После гражданской войны — командир и военком полка, начальник и военком Ленинградской пехотной школы, командир и военком отдельной бригады, командир 7-го стрелкового корпуса. Комбриг.

1) «Утверждается присуждение на основании приказа РВС 19 года за № 511 Революционным Военным Советом 3-й армии ордена Красного Знамени: 502-го стрелкового полка: командиру 1-го батальона тов. Кальвану Иосифу Ивановичу за то, что 5 мая с. г. в бою у м. Пышно, получив задачу выбить противника из укрепленной полосы между м. Пышно и д. Слободка, несмотря на превосходство сил противника и

В. В. Игнатович

И. И. Кальван

Е. И. Ковтюх

действительный ружейный и пулеметный огонь, идя впереди своего батальона, примером личного мужества ободрял товарищей красноармейцев, чем способствовал взятию указанной укрепленной полосы и принудил противника в панике отступить. Кроме того, 7 мая с. г. в бою у д. Черницы, получив задачу выбить противника из окопов, обороняемых двумя батальонами Виленского полка, несмотря на сильное сопротивление и ураганный огонь противника, три раза водил в атаку вверенный ему батальон, все время находясь впереди его. Во время одной из атак был ранен, но оставался в строю до конца боя». (Приказ РВСР № 572 от 13 ноября 1920 года.)

2) «Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за №№ 511 и 2322 Реввоенсоветом Западного фронта ордена Красного Знамени нижепоименованным лицам... за выдающуюся стойкость и доблесть, проявленные ими в период бывших наступательных боев на Варшаву и в последовавших затем арьергардных боях, а именно: по бывшей 3-й армии: ...комполка 502 тов. Кальвану». (Приказ РВСР № 353 от 31 декабря 1921 года.)

3)«Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за №№ 511 и 2322 ордена Красного Знамени командующим Западного фронта... 504-го стрелкового полка: помощнику командира полка Кальвану Иосифу Ивановичу за отличие в бою 24 июня 1920 г. у д. Золотеевки-Заболоты». (Приказ РВС СССР № 105 от 19 апреля 1924 года.)

Ковтюх Епифан Иович

(1890–1938)

Член партии большевиков с 1918 года. В гражданскую войну — комроты, комполка, командир 1-й колонны Таманской армии, командующий Таманской армией, начальник 3-й и 50-й дивизий. После окончания гражданской войны — командир 22-й дивизии, командир и военком стрелкового корпуса. С 1936 года — армейский инспектор Белорусского военного округа и заместитель командующего войсками округа. Комкор.

1) «Награждается орденом Красного Знамени слушатель Академии Генерального штаба, бывший начальник 50-й Таманской стрелковой дивизии Ковтюх Епифан Иович за то, что, будучи начальником названной дивизии, доблестно руководил вверенными ему частями и своими подвигами и примером самоотвержения вдохновлял подчиненные ему части, способствуя тем самым занятию частями дивизии важных стратегических пунктов, как-то: г. Царицына 2 января 1920 г. и ст. Тихорецкой 8 марта того же года». (Приказ РВСР № 63 от 22 февраля 1921 года.)

2) «Награждается вторично орденом Красного Знамени начальник десанта тов. Ковтюх Епифан Иович, который, будучи организатором всей экспедиции и лично руководя боевыми действиями, энергично и умело провел операцию в чрезвычайно трудной

Н. П. Колесов

А. Я. Лапин

П. И. Лукомский

обстановке, чем способствовал успеху для ликвидации десанта противника на Кубани». (Приказ РВСР № 73 от 22 марта 1922 года.)

3) «Награждается орденом Красного Знамени третично постановлением президиума ЦИК Союза ССР от 4 июня с. г. командир и военный комиссар 9-го стрелкового корпуса Ковтюх Епифан Иович за отличия в действиях под Армавиром в 1918 году в бытность командующим Таманской армией». (Приказ РВС СССР № 442 от 7 июня 1926 года.)

Колесов Николай Петрович

(1891 – 1928)

Член партии большевиков с 1920 года. Участник первой мировой войны. В рядах Красной Армии — со дня создания ее. В гражданскую войну — командир эскадрона, помощник, позже командир 3-й бригады 6-й Чонгарской дивизии. После гражданской войны — командир 3-го Забайкальского кавалерийского полка, командир отдельной Дальневосточной кавалерийской бригады, командир 87-го кавалерийского полка, командир 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии.

1) «Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за № 511 и 2322 Реввоенсоветом 1-й Конной армии ордена Красного Знамени... бывшему помощнику командира 3-й бригады 6-й кавдивизии тов. Колесову Николаю Петровичу за разумную инициативу и неоднократно проявленную им в боях храбрость и героизм и беззаветную преданность Рабоче-Крестьянской власти». (Приказ РВСР № 41 от 5 февраля 1921 года.)

2) Награждается вторично орденом Красного Знамени по 1-й Конной армии командир 3-й бригады 6-й Чонгарской дивизии «тов. Колесов Николай Петрович за то, что за все время пребывания в рядах Красной Армии с начала ее организации во всех боях служил примером храбрости. В боях на белопольском фронте, а также против Врангеля, находясь в первых рядах вверенной ему части, неизменно вел таковую к победе и блестяще выполнял поставленные ему боевые задачи». (Приказ РВСР № 162 от 11 мая 1921 года.)

3) Награждается третично орденом Красного Знамени: командир 3-го Забайкальского кавполка Колесов Николай Петрович «за то, что в бою 14 октября 1922 года под селом Лучки один из первых бросился в атаку на противника и увлек за собой весь полк. В результате чего было зарублено около 200 человек и взято в плен 200 человек, два орудия, пулеметы и обоз». (Приказ РВС СССР № 82 от 31 марта 1924 года.)

Лапин Альберт Янович
(1899 – 1937)

Член партии большевиков с 1917 года. Участник боев в Октябрьские дни 1917 года в Москве, член Главного штаба московской Красной гвардии, начальник орготдела Московского военкомата. В гражданскую войну — комиссар разведотдела штаба 5-й армии, комиссар управления 5-й армии, командир 232-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии, начальник 30-й дивизии, командир 80-й бригады 27-й стрелковой дивизии. После гражданской войны — начальник штаба ОКДВА, командир 19-го Приморского стрелкового корпуса, начальник управления Штаба РККА, начальник управления боевой подготовки РККА. Комкор.

1) «Награждаются орденом Красного Знамени начальники дивизий: 30-й — тов. Лапин Альберт Иванович... за многочисленные подвиги в боях и продолжительную боевую деятельность на разных должностях». (Приказ РВСР № 370 от 31 июля 1920 года.)

2) «Награждаются вторично орденом Красного Знамени командиры бригад 27-й стрелковой дивизии: 80-й — тов. Лапин Альберт Иванович за нижеследующие отличия: в период наступательных боевых действий 27-й дивизии на Западном фронте тов. Лапин умелым управлением бригадой и проявлением личного мужества, смелости и настойчивости неоднократно достигал крупного успеха в полученных заданиях. В сменивших далее отступательных операциях бригада, воодушевляемая своим отважным командиром, проявляла чудеса храбрости и упорства при парировании фланговых ударов и глубоких обходных движений противника. Так, в районе Долубово, где бригада была окружена совершенно, тов. Лапин, воодушевив красноармейцев, вывел всю материальную часть в целости. В дальнейшем отрезанный лично от полков во время упорных боев 22 августа тов. Лапин сумел вырваться с небольшой командой конных ординарцев из кольца врага и присоединиться к бригаде». (Приказ РВСР № 4 от 5 января 1921 года.)

3) «Награждаются в третий раз орденом Красного Знамени по бывшей 15-й армии: 27-й стрелковой дивизии: командир 80-й стрелковой бригады тов. Лапин Альберт Иванович за то, что, объединяя действия 80-й и 81-й бригад при форсировании реки Березины, в начале летнего наступления в июле месяце 1920 года, быстро и с полным успехом произвел указанное форсирование. В дальнейшем ходе развития наступления части бригады под личным руководством тов. Лапина, стремительно преследуя противника, быстро выдвинулись в район гор. Минска, много способствуя овладению этим городом». (Приказ РВСР № 353 от 31 декабря 1921 года.) *

Лукомский Петр Ильич
(1892 – 1935)

Член партии большевиков с декабря 1917 года. Участник первой мировой войны. В РККА — с 1918 года. В гражданскую войну — начальник политотдела 5-й армии, комиссар 1-й Заднепровской дивизии, командир 3-й кавбригады 3-й стрелковой дивизии, военный комиссар 15-й Инзенской стрелковой дивизии. После гражданской войны — ялтинский уездный военком, джанкойский окружной военком, помощник донецкого губвоенкома, дагестанский облвоенком. В 1922 году — комиссар 9-го стрелкового корпуса. В 1923 году — комиссар Военно-морской академии, с 1924 года — начальник и комиссар Военно-морского инженерного училища. В 1927 году уволен в долгосрочный отпуск. Последние годы жизни был начальником Ялтинского порта.

* Приказом РВС СССР № 444 от 20 мая 1930 года А. Я. Лапин был награжден четвертым орденом Красного Знамени за операции на КВЖД.

1) «Утверждается присуждение на основании приказа РВСР 1919 г. за № 2322, Реввоенсоветом 13-й армии ордена Красного Знамени командиру партизанского отряда тов. Лукомскому Петру Ильичу за то, что 13 декабря 1919 г. он совершил с отрядом лихой налет на гор. Чугуев, разъезд Бурлацкий и ст. Бульделовка. Тов. Лукомский, служа примером беззаветной храбрости, увлек за собой вперед отряд и под сильным и действительным ружейным и пулеметным огнем превосходивших сил шкуровской конницы разрушил железнодорожный путь и, воспрепятствовав тем самым переброске резервов противника к городу, занял с отрядом северную его окраину и удержал за собой до подхода нашей пехоты». (Приказ РВСР № 577 от 4 декабря 1920 года.)

2) «Награждается вторично орденом Красного Знамени бывший командир конно-партизанского отряда 9-й бригады 3-й стрелковой дивизии тов. Лукомский Петр Ильич за то, что 24 октября 1919 г. во главе отряда стремительно атаковал во фланг и тыл противника и привел его в замешательство, чем дал возможность пехотным частям бригады перейти в энергичное наступление, сбить с позиций во много раз превосходившего численно врага и занять г. Новосиль, где были захвачены трофеи и пленные.

8 ноября того же года тов. Лукомский, пробравшись с отрядом в тыл противника, разрушил железнодорожный путь между станциями Солнцево и Полевая, перерезал телефонную и телеграфную связь между корниловскими частями и штабом группы генерала Третьякова и там же, в тылу противника, произведя лихой налет на хозяйственную часть Сангурского полка, захватил в плен 15 человек офицеров, боевые патроны, снаряды и другие трофеи.

Своими решительными и смелыми действиями тов. Лукомский способствовал быстрому овладению ст. Полевой и захвату бронепоезда «Офицер» частями 9-й стрелковой бригады». (Приказ РВСР № 134 от 2 июня 1922 года.)

3) «Утверждается награждение третьим орденом Красного Знамени тов. Лукомского Петра Ильича, бывшего командира партизанского отряда 3-й стрелковой дивизии 13-й армии, награжденного в 1919 г. за отличия в боях против войск Деникина». (Приказ РВС СССР № 817 от 29 марта 1933 года.)

От редакции

В связи с тем что редакция не имеет достаточно полных биографических данных и фотографий Горошко Ефима Прокофьевича, Контрима Болеслава Владиславовича, Марцина Юлия Яновича, Панкеева Андрея Яковлевича, Судакова Ивана Леонтьевича, Уверова Ивана Михайловича, Ухина Евгения Михайловича, Шубина Ивана Филаретовича, Ярмухамедова Абдуллы, Рогозного Ивана Кондратьевича, документы о награждении их орденами Красного Знамени будут публиковаться в последующих номерах журнала.

Редакция обращается к читателям журнала, знавшим этих товарищей, с просьбой прислать имеющиеся у них фотографии и сообщить биографические данные перечисленных трижды краснознаменцев.

ВОСПОМИНАНИЯ

На волоколамском направлении

Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ

БОИ в районе Волоколамска и непосредственно за город в период обороны Москвы описаны во многих исследованиях, книгах и статьях. Естественно, при таком обилии литературы трудно не повторяться. Я постараюсь остановить внимание читателей на тех лишь моментах, которые особенно памятны мне как бывшему командующему 16-й армией, сражавшейся на волоколамском направлении.

Собственно, к середине октября 1941 года в районе Волоколамска оказался лишь штаб 16-й армии без войск. Дело в том, что 5 октября я получил от командования Западного фронта приказ, который предписывал мне немедленно передать занимаемый 16-й армией участок на Ярцевском рубеже вместе с войсками командарму-20 генерал-лейтенанту Ф. А. Ершакову. Мне же с управлением армии и необходимыми средствами связи надлежало не позднее утра 6 октября прибыть в Вязьму, чтобы принять там другие соединения и части и с ними задержать наступление противника. Об этом уже писал Маршал Советского Союза И. С. Конев, командовавший в то время Западным фронтом [1]. Должен сказать, что в очень горячей и напряженной обстановке тех дней мне действительно поставили было в вину, что я со штабом армии оказался не со своими войсками. Однако имевшийся при мне по совету начальника штаба армии генерала М. С. Малинина подлинник приказа командования Западного фронта от 5 октября показал всю необоснованность подобных обвинений [2]. Выполняя этот приказ, мы и прибыли в Вязьму. Но войск, которые нам нужно было принять, там не оказалось.

Общая обстановка в результате окружения под Вязьмой значительной части сил Западного и Резервного фронтов сложилась для нас очень тяжелая. Оказавшихся вне окружения войск этих фронтов было недостаточно даже для того, чтобы задержать наступление противника на Москву. Ставке Верховного Главнокомандования пришлось срочно направлять на Можайскую линию обороны отдельные части из района Москвы и дивизии, спешно перебрасываемые с других фронтов, из Средней Азии и Дальнего Востока [3]. Потребовались титанические усилия партии, правительства, ВГК и всей страны для ликвидации угрозы, нависшей над столицей нашей Родины. Руководимый партией советский народ снова показал, на что он способен в минуты опасности. Все было сделано для того, чтобы преградить дорогу, задержать дальнейшее продвижение врага, не допустить его к Москве.

10 октября 1941 года Ставка назначила командующим Западным фронтом гене-

---

[1] См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 10.

[2] Вот текст этого приказа:

«Командарму 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк аргк. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов. Получение донести.

Конев—Булганин—Соколовский. 5.10.41».

(Архив МО, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 2).

[3] В течение октября в состав Западного фронта Ставка ВГК направила следующие соединения: 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию — с Юго-Западного фронта, 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию — с Брянского фронта, 32, 78, 82 и 93-ю стрелковые дивизии — с Дальнего Востока, 238-ю и 316-ю стрелковые дивизии из Средней Азии и 5-й воздушно-десантный корпус резерва Ставки ВГК; в состав вновь образованного Калининского фронта были также переброшены две стрелковые дивизии — 183-я и 185-я — с Северо-Западного фронта. — *Ред.*

рала армии Г. К. Жукова. В тот же день я присутствовал на КП Западного фронта, где К. Е. Ворошилов представил нам нового командующего.

Георгия Константиновича я знал многие годы до этого. Военная судьба не раз до тех пор сводила нас и снова надолго разлучала, менялось наше служебное положение в отношении друг друга... В середине 20-х годов вместе с другими кавалерийскими командирами мы в Ленинграде совершенствовали свою подготовку в Высшей кавалерийской школе; в начале 30-х годов я командовал кавалерийской дивизией, Г. К. Жуков был командиром одного из ее полков, а затем кавбригады; а в 1940 году, когда я командовал 5-м кавкорпусом, уже генерал армии Жуков был моим старшим начальником в качестве командующего войсками Киевского Особого военного округа.

В моем представлении Г. К. Жуков всегда остается человеком сильной воли и решительности, ярким и одаренным, требовательным, настойчивым и целеустремленным. Все эти качества, безусловно, необходимы крупному военачальнику, и они присущи Г. К. Жукову. Правда, иногда его жесткость переходила допустимые границы. Забегая несколько вперед, замечу, что в разгар боевых действий под Москвой наш комфронта допускал иногда неоправданную, на мой взгляд, резкость.

Новый командующий Западным фронтом 11 октября 1941 года поставил управлению 16-й армии задачу—принять Можайский боевой участок [4]. Но не успели мы это-го сделать, как последовало новое распоряжение — выйти со штабом 16-й армии и 18-й ополченческой стрелковой дивизией [5] в район Волоколамска, подчинить себе все части, там находящиеся, подходящие туда или выходящие из окружения, и организовать оборону в полосе от Московского моря (Волжское водохранилище) на севере до Рузы на юге, не допуская прорыва ее противником.

К исходу 14 октября мы прибыли в Волоколамск и приступили к организации обороны. Обстановка, сложившаяся здесь к этому времени, напоминала мне обстановку, которая была в июле 1941 года на Ярцевском рубеже. Но в Ярцево я прибыл только с небольшой группой офицеров, вначале даже незнакомых, и без средств связи, а сейчас, в октябре, у нас имелся хорошо сколоченный штаб, оснащенный всеми необходимыми средствами, способный быстро установить связь с войсками и организовать управление. Личный состав штаба прошел уже суровую школу войны в весьма сложных условиях и приобрел хороший опыт. Люди сработались, знали и понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Коллектив политического отдела, возглавляемый Д. Ф. Романовым, не уступал штабному. Он состоял из крепких и закаленных большевиков, способных правильно нацеливать партийные и комсомольские организации на выполнение любой задачи и умел воодушевить воинов на подвиг. Все это сыграло огромную роль в решении той сложной и ответственной задачи, которая была поставлена перед нами.

Развернув свой командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска и установления связи с войсками, имевшимися уже в этом районе, прибывающими из тыла и для перехвата выходивших из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус в составе двух дивизий под командованием Л. М. Доватора. Он вошел в оперативное подчинение 16-й армии. До прибытия к нам корпус участвовал в боях на реке Межа и, получив приказ о выходе во фронтовой резерв для пополнения, двигался на станцию

---

[4] Привожу полностью это первое, полученное мною от нового командующего войсками Западного фронта приказание:

«Генералу Рокоссовскому. 11.10.41 г.

Противник, сосредоточив значительные подвижные силы в районе Сычевка, стремится развивать свои действия на Ржев и Клин.

Разведчасти противника вышли 11.10 в район Треселы.

П р и к а з ы в а ю:

1. Наступление на Гжатск приостановить и перейти к обороне на занимаемом войсками исходном рубеже, имея 18 тбр во втором эшелоне в районе ст. Батюшково.

Задача обороняющихся частей не допустить прорыва противника в Можайском направлении.

2. Вести усиленную разведку противника в юго-зап. направлении до рокады Юхнов, Гжатск.

3. КП 16 армии иметь — Уварово.

4. План обороны довести 12.10.

Получение подтвердить.

Жуков—Булганин—Соколовский».

(См. архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, дело 1029).

[5] Здесь и далее автор имеет в виду 18-ю Московскую стрелковую дивизию народного ополчения, которая приказом от 29 сентября 1941 года была переименована в 18-ю стрелковую дивизию. — *Ред.*

Осуга, что 30 км южнее Ржева. Но затем выяснилось, что пути дальнейшего движения отрезаны прорвавшимися моторизованными и танковыми частями противника. Оказавшись во вражеском тылу, дивизиям корпуса пришлось пробиваться из окружения на восток. К 13 октября им удалось пробиться и выйти в район Волоколамска.

3-й кавкорпус генерала Л. М. Доватора, хотя и сильно посредевший, был в то время внушительной силой. Его личный состав неоднократно участвовал в боях, как говорится, нюхал порох. Командный и политический состав частей корпуса приобрел уже боевой опыт и знал, на что способны воины-кавалеристы, изучил сильные и слабые стороны врага. Особенно ценной в тех условиях была высокая подвижность корпуса, позволявшая использовать его для маневра на угрожаемые направления, конечно, с соответствующими средствами усиления, ибо сама по себе кавалерия, хотя она и подвижный род войск, против танковых группировок малоэффективна. Это надо было учитывать, так как мы имели против себя противника, обладавшего высокой подвижностью за счет танковых и моторизованных войск, что было одним из главных его преимуществ. Наши войска уступали ему в этом.

Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор. Он был молод, жизнерадостен, но вдумчив и хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужественной решительности генерала. Можно было не сомневаться в том, что задача, возлагаемая на корпус, будет выполнена. А она была очень сложной. Это видно из нашего приказа, отданного войскам 16-й армии 14 октября 1941 года и гласившего: всеми силами и средствами оборонять рубеж (иск.) Московское море, Спасс-Помазкино, Игнатково, Болычево. Разбить противника перед передним краем, не допустить проникновения к востоку. Таким образом, корпусу поручено было организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска, вплоть до Московского моря.

Северо-западнее Волоколамска и левее 3-го кавкорпуса занял оборону сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием Героя Советского Союза полковника С. И. Младенцева и комиссара А. Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама. Несмотря на напряженную обстановку, настроение в полку у курсантов было бодрое и воинственное. Эта часть с первого же взгляда производила впечатление крепкой и надежной.

На левом фланге приступила к организации и подготовке обороны, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И. В. Панфилов, а комиссаром был С. А. Егоров. Такую стрелковую дивизию по своей численности и обеспечению после начала войны мы увидели впервые. Командиры в ней подобрались крепкие, а политический состав был выдвинут из партийного и советского актива Казахстана. При формировании дивизии большая помощь была оказана ей со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана. В день нашего прибытия, т. е. 14 октября, я встретился с генералом И. В. Панфиловым, и мы обсудили основные вопросы, касавшиеся действий его соединения в предстоявшем сражении. В том, что этот момент приближается, сомнений не было.

Наша беседа с Иваном Васильевичем дала мне основание убедиться, что я имею дело с командиром разумным, обладающим глубокими знаниями военного дела и богатым практическим командным опытом. Его предложения были хорошо обоснованными. Простое, открытое лицо, некоторая даже застенчивость. Вместе с тем чувствовалась в нем кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужные моменты. О своих подчиненных он отзывался уважительно. Видно было, что он очень хорошо знает каждого из них. Все вместе взятое произвело на меня очень выгодное впечатление, и я не ошибся. Понравилось мне и остроумие генерала. Оценивая участок обороны от Болычево к реке Руза, которую занял один из его полков, он сказал: «Да, здесь мы сели на колышки». И это буквально характеризовало степень подготовленности так называемой укрепленной полосы: вместо

укреплений там оказались только колышки, их обозначавшие. Так же было и на других участках. Поэтому принимались все меры к тому, чтобы до начала вражеского наступления подготовить хотя бы укрепления полевого типа.

Исходя из оценки местности, мы считали, что главный удар противника наиболее вероятен на направлении, выводящем на левый фланг 316-й стрелковой дивизии. Для укрепления этого участка обороны нами и командованием дивизии делалось все возможное в тех условиях. Имея уже опыт, приобретенный в предыдущих боях, командиры штаба и служб, политработники передавали его войскам, помогали словом и делом. Все силы были направлены на то, чтобы в короткий срок создать полевые оборонительные рубежи. Особое внимание мы уделяли глубокой противотанковой обороне.

Нами достаточно уже была изучена тактика противника, который использовал в каждом бою главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Для противодействия им было намечено бросить всю имевшуюся у нас в армии артиллерию. Мы рассматривали ее как основное средство борьбы с танками. Но и артиллерии у нас явно недоставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр артиллерией как траекториями, так и колесами. Мы заранее спланировали ее переброску на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения.

К каждой артиллерийской батарее и отдельному орудию, придаваемым пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно назначались соответствующие подразделения пехоты (кавалерии) для прикрытия от вражеских автоматчиков. Причем подчинялись эти подразделения командиру батареи или орудия, которые они прикрывали. Такое мероприятие, введенное у нас в 16-й армии, вытекало из опыта боев и себя оправдало.

Помимо того, были созданы подвижные (на машинах или повозках) отряды саперов с минами и подрывными зарядами. В их задачу входило минирование наиболее танкоопасных направлений, а в процессе боя — преграждение пути танкам в глубину нашей обороны. Для усиления обороны на стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. В частности, 1075-й полк 316-й дивизии свой левый фланг прикрывал четырехкилометровым противотанковым рвом, заминировав его четырьмя тысячами мин.

Оборонительные работы усиленным темпом продолжались во всей полосе обороны 16-й армии, от Московского моря до Рузы (иск.) протяжением почти сто километров.

Не могу не отметить ту большую роль, которую сыграли в организации противотанковой обороны начальник артиллерии генерал В. И. Казаков и его сотрудники-артиллеристы. Они буквально дневали и ночевали в войсках, помогая командирам дивизий и артиллерийским начальникам организовать использование артиллерии всех видов, вплоть до зенитной и «катюш», для борьбы с танками, откуда бы те ни появились. Да и все другие работники штаба, политотдела, начальники родов войск и служб и мы с членом Военного совета А. А. Лобачевым в это короткое время перед ожидаемым сражением чаще всего находились в войсках.

Наряду с усовершенствованием обороны проводилась большая работа по укреплению политико-морального состояния бойцов. Она направлялась на то, чтобы весь личный состав армии проникся решимостью упорно оборонять занимаемый рубеж, не допуская мысли об отходе. И надо сказать, сделано в этом смысле было немало.

Сознание того, что на нас возложена задача защищать подступы к Москве, удесятеряло наши силы. Воины клялись сделать все для того, чтобы разбить врага. Сведения, поступавшие от жителей, бежавших с занятой гитлеровцами территории, рассказывавших об издевательствах и зверствах, чинимых вражескими захватчиками над советскими гражданами и над попадавшими в плен военнослужащими, вызывали у воинов ненависть к врагу и еще больше укрепляли их решимость стоять насмерть.

Большую помощь в укреплении обороны 16-й армии оказала Московская партийная организация. Благодаря ее организаторской работе москвичи в октябре сформировали десятки истребительных рот и батальонов, которые прибывали в армию, усиливая ее ряды, поредевшие в непрерывных напряженных боях. Помню как сейчас, мне позвонил по «ВЧ» из Москвы начальник милиции города тов. Романченко и спросил: «Не

пригодится ли нам отряд милиции для действий на фронте?» Я с радостью согласился с его предложением. Вскоре в Волоколамск прибыл сформированный и прекрасно экипированный, внушительный отряд, состоявший из добровольцев — работников московской милиции. Этот отряд мы использовали для действий в тылу врага, он на протяжении длительного времени оказывал нам неоценимую услугу, выполняя сложные операции по нашим заданиям.

Трудно перечислить разностороннюю моральную поддержку армии, оказываемую москвичами. В наши соединения и части приезжали многочисленные группы артистов, стремившихся обязательно выступить на передовой, как в то время называли позиции. Побывали и многие писатели и фронтовые корреспонденты, в частности, у нас находился всеми нами уважаемый В. П. Ставский, приезжали П. И. Трояновский, Е. З. Воробьев, Е. Г. Кригер. Встречали мы у себя и Емельяна Ярославского с группой агитаторов — товарищей из ЦК. Посещали наши части и соединения делегации от заводов и фабрик Москвы, а также от колхозов Подмосковья. Огромная забота о воинах, проявляемая москвичами, поднимала их боевой дух, вызывала патриотическое настроение и воодушевляла весь личный состав на подвиг и самопожертвование.

За положением дел в 16-й армии пристально следил Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Нужно ли говорить, что его личное внимание означало очень многое для тех, кому оно уделялось.

Помню, однажды ночью — это было, кажется, уже в период жарких боев на истринском участке — я только вернулся с позиции. Мне сообщили, что командующего 16-й армией к телефону вызывает Верховный Главнокомандующий.

Признаюсь, подходя к аппарату, я в душе представлял себе, как сейчас на меня обрушатся громы. Дело в том, что гитлеровцы в течение дня потеснили части армии, хотя и незначительно, но все же потеснили... Во всяком случае, я приготовился к самому худшему. Однако я ошибся: никакого разноса не последовало. Наоборот, взяв трубку и доложив о себе, в ответ я услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил об обстановке в полосе армии в данный момент. Докладывая о ней, я сразу же пытался рассказать о намеченных мерах противодействия противнику. Но он остановил меня и сказал, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем самым подчеркивалось доверие к командарму. В конце разговора Верховный спросил, тяжело ли нам, и, получив утвердительный ответ, сказал, что он это понимает и просит еще продержаться некоторое время, а помощь окажет.

К утру следующего дня, как было обещано, в армию прибыли полк гвардейских минометов, два противотанковых артполка, четыреста человек с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Кроме того, Москва прислала более двух тысяч своих сынов на пополнение.

Нашим соседом справа была 30-я армия генерала В. А. Хоменко. Войска ее под давлением противника отходили севернее Московского моря. К началу боев связь с ней не была установлена; слева, юго-восточнее Болычево, нашим соседом была 5-я армия, которой командовал вначале генерал Д. Д. Лелюшенко, а затем генерал Л. А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Малочисленность имевшихся у нас сил обусловила выделение всех соединений в первый эшелон. Каждое из них занимало оборону на широком фронте. К началу сражения, то есть к 16 октября, как я уже говорил, в армию вошли: 3-й кавкорпус Л. М. Доватора в составе 50-й кавдивизии, которой командовал боевой генерал И. А. Плиев, и 53-й кавдивизии комбрига К. С. Мельника; сводный курсантский полк под командованием полковника С. И. Младенцева и 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Кроме того, мы имели стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии, организованно вышедший из окружения и выведенный в резерв для развертывания в дивизию. На его укомплектование направлялись все выходившие из окружения группы и одиночки. И еще была выведена в резерв для пополнения 18-я стрелковая ополченческая дивизия, которой командовал полковник П. К. Живалев. Кроме своей артиллерии, имевшейся в частях и соединениях, 16-я армия получила на усиление два истребительно-противотанковых полка, два пушечно-артиллерийских полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и три дивизиона «катюш». По тому времени артиллерии у

нас было много, но если учесть большую ширину фронта обороны, то окажется, что это не так. Ее явно не хватало.

Уже с утра 16 октября противник своими подвижными танковыми и моторизованными соединениями нанес удар на левом фланге 16-й армии, как раз там, где мы и предполагали. Только на одном этом участке он сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. В них насчитывалось свыше двухсот танков. Главный удар пришелся по 316-й стрелковой дивизии. Ее передний край обороны проходил в 12—15 километрах от Волоколамского шоссе.

С этого момента завязались тяжелые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные танковые группы по 30—50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнем и ударами авиации. Встретив хорошо организованное сопротивление наших войск, фашисты отходили, но вскоре вновь начинали атаки. Большие потери вынуждали их вводить в бой все новые и новые силы. Тяжелое сражение разгорелось на всем фронте обороны армии. 17 октября противник атаковал соединения корпуса Доватора, находившиеся севернее Волоколамска. В этот же день разгорелся жестокий бой в районе Болычево, на стыке с 5-й армией. На полк 316-й дивизии были брошены до 100 танков. Врагу удалось овладеть двумя населенными пунктами, несколько потеснив оборонявшихся на этом участке. Пытаясь развить успех в глубину, немцы еще больше усилили натиск, но были встречены переброшенной к угрожаемому месту с других участков артиллерией и, понеся большие потери в танках, отброшены назад. Не имели они успеха и на участке, занимаемом спешенной конницей. Здесь все атаки также удалось отбить.

18 октября на участке 316-й стрелковой дивизии противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввел в бой до 150 танков и полк моторизованной пехоты в направлении Игнатково, Жилино, Осташево. Навстречу этой массе танков была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши». Но вот еще около сотни вражеских танков появились в районе Жилино, на южном берегу Рузы. Для противодействия этой группировке пришлось использовать ближайшие, а затем и все армейские артиллерийские резервы. Быстрый и своевременный маневр артиллерией спас положение. В результате двухдневного боя (18 и 19 октября) гитлеровцы незначительно потеснили части 316-й дивизии, но, понеся большие потери в танках и живой силе, вынуждены были прекратить атаки.

Наши потери в этих боях также были велики. Воины-артиллеристы, пехотинцы, саперы и связисты проявляли массовый героизм, отражая натиск врага. Не единичны были случаи, когда артиллеристы продолжали вести огонь из подбитых и поврежденных орудий. Пехота сражалась с танками гранатами и бутылками с горючей смесью. Ее подразделения, прикрывавшие артиллеристов, гибли вместе с расчетами орудий, но не покидали их. Связисты под сильнейшим огнем наводили связь и чинили порывы линий. Противник вынужден был все время менять тактику применения своих танков на поле боя. Некоторое время они действовали мелкими группами вне дорог. Однако маневр нашей артиллерии был предусмотрен и для отражения такого приема.

Бои не прекращались ни на минуту, атаки следовали за атаками. Проявляя активность на всем фронте, противник основное внимание и усилия продолжал сосредоточивать непосредственно на Волоколамском оборонительном участке, вводя здесь в бой все новые части. Обладая большим превосходством в силах, гитлеровцы постепенно, километр за километром, теснили наши войска. Мощным танковым кулаком они стремились пробиться к Волоколамскому шоссе. С воздуха их атаки все время поддерживала авиация, чего у нас не было.

К 25 октября противник овладел Болычево, Осташево, форсировал реку Рузу, а в этот день, бросив в бой до 125 танков, захватил станцию Волоколамск. В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, части армии понесли чувствительные потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение. Разведка и показания пленных свидетельствовали о появлении перед нами новых танковых частей. Между тем по докладу генерала В. И. Казакова у нас не хватало артиллерии для борьбы и с теми силами, которые уже были брошены в сражение гитлеровским командованием. Новые танковые

части на этом участке могли создать для нас критическую обстановку. Нужно было во что бы то ни стало добиться усиления армии артиллерией.

Неохотно, но я вынужден был обратиться по этому поводу к командующему фронтом Г. К. Жукову. Разговор предстоял не из приятных, и я это заранее предвидел, зная крутой характер командующего, а также и то, что у него каждая артиллерийская батарея на счету. Мне все же удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-мм зенитной артиллерии. Худо-бедно, но это все же была помощь. Присланные командующим фронтом полки тут же были использованы для усиления противотанковой обороны 316-й дивизии.

Нажим врага на Волоколамск все усиливался. Против 316-й стрелковой дивизии действовали помимо пехотных не менее двух танковых дивизий. Мне пришлось в связи с этим произвести некоторую перегруппировку для усиления левого фланга армии: на правом фланге, южнее Волжского водохранилища, была введена в первый эшелон несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия, а смененный ею кавалерийский корпус генерала Доватора форсированным маршем переброшен на левое крыло армии. Сюда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия.

Как известно, на севере противник, продолжая свое наступление, 14 октября овладел Калининым и, оттеснив правофланговые части соседней с нами 30-й армии, глубоко продвинулся на восток вдоль северного берега Волжского водохранилища. Таким образом, немецко-фашистские войска заняли нависающее положение над правым флангом 16-й армии. Как мне думается, со стороны Генерального штаба при определении границ между Западным и созданным 19 октября 1941 года Калининским фронтами была допущена ошибка. Суть ее заключалась в том, что границу избрали не по такому крупному рубежу, каким являлось Волжское водохранилище, а отнесли ее южнее. В итоге войска 30-й армии оказались разделенными на две части.

Фашистам удалось значительно потеснить и правый фланг соседней с нами слева 5-й армии. Они овладели Можайском и Рузой, продвинулись к востоку непосредственно на участке, примыкавшем к нашему левому флангу, и обошли Волоколамск с юга.

В это же время, после нескольких дней упорного боя, отошел к востоку от рубежа на реке Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. Значит, и с этой стороны врагу удалось занять нависающее положение. И, наконец, 27 октября, введя в бой крупные силы танков и пехоты, при поддержке артиллерии и авиации, которая все время буквально висела в воздухе, противник овладел Волоколамском. Но его попытка перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена решительными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся 50-й кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией.

Считаю необходимым подчеркнуть, что именно в этих боях за город и восточнее его навеки покрыла себя славой 316-я стрелковая дивизия и действовавшие с ней артиллерийские части, так же как и курсантский полк. Именно эти войска, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше. Понеся огромные потери, особенно в танках, он вынужден был сделать паузу и приступить к перегруппировке и подтягиванию свежих сил.

Вспоминая события тех дней, с гордостью за вверенные мне войска могу сказать: в боях с 16 по 27 октября все они вместе и каждый воин в отдельности сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва фронта обороны армии. Они справились с этой задачей, и Родина достойно чтит их бессмертный подвиг.

Должен, однако, заметить, что оставление войсками 16-й армии Волоколамска повлекло за собой немедленное расследование для привлечения к ответственности «виновных» и доставило нам немало неприятных и тяжелых минут. В штаб армии из фронта прибыла для этого специальная комиссия. Я рассматривал ее появление у нас как проявление недоверия к подчиненным и был возмущен до глубины души. К сожалению, так уж повелось в те времена: комиссии занимались расследованием даже в тех случаях, когда и без того все было ясно. Не раз можно было наблюдать, что, собственно, вся цель комиссии сводилась к тому, чтобы составить бумагу на всякий

случай, для оправдания того или тех, кто ее назначал. Расследование по поводу овладения противником Волоколамском пришло к благополучному концу — комиссия сделала вывод, оправдывавший наши действия.

Истощив свои силы в прошедших под Волоколамском и севернее его боях, гитлеровские войска приостановили свое наступление. В течение нескольких дней велись лишь бои местного значения, не переходившие в сражения. По нашим наблюдениям, данным разведки и сообщениям выходивших из вражеского тыла наших военнослужащих, немецко-фашистское командование, испытав прочность нашей обороны, решило подготовить новый удар. С этой целью на волоколамско-истринское направление подтягивались свежие силы и производилась какая-то перегруппировка к северу.

В эти дни вместе с несколькими офицерами и красноармейцами прибыл к нам вышедший из окружения генерал И. В. Болдин. От него мы узнали о судьбе войск Западного и Резервного фронтов: 19, 20, 24 и 32-й армий, в том числе и войск 16-й армии, переданных нами по приказу от 5 октября в 20-ю армию и оказавшихся в окружении западнее Вязьмы. Многие соединения, потеряв связь со штабами, разделившись на группы, пробивались к своим, проскальзывая между вражескими частями. Сам Болдин с небольшой группой офицеров и солдат тоже лесами пробирался на восток. С ними первое время был и раненый генерал М. Ф. Лукин — командующий 19-й армии. Но в одну из ночей их группа внезапно, на ночлеге, была атакована немецкими автоматчиками. Прорываться пришлось уже в одиночку. В эту трагическую ночь и был потерян генерал Лукин. Впоследствии мы узнали, что М. Ф. Лукин, будучи тяжело раненным, попал в плен. Генерал И. В. Болдин убыл от нас в Москву и вскоре прославился, возглавляя 50-ю армию, героически оборонявшую Тулу.

Используя наступившую паузу, войска 16-й армии, ведя мелкие бои, продолжали укреплять оборонительные позиции. В это время меня вызвал в Звенигород прибывший туда комфронта и предложил возглавить конную армию, которую мне предлагалось сформировать из прибывающих из Средней Азии четырех кавдивизий и корпуса Доватора. Этой армии, как информировал меня Г. К. Жуков, предстояла задача преодолеть фронт южнее Волжского водохранилища и нанести удар во фланг и тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Волоколамска. Я стал возражать против этого. На мой взгляд, такая операция могла привести к бесполезной гибели крупной конной массы. Собранная вместе, она была бы истреблена авиацией и танками. Не знаю, убедил ли я генерала армии Жукова или сложившиеся затем условия повлияли, но обязав меня обдумать его предложение, он никаких указаний на этот счет больше не давал.

А обстановка на фронте продолжала усложняться. Разведка доносила, что враг производит перегруппировку своих соединений и подтягивает на волоколамское направление и к правому флангу 16-й армии крупные силы. Нужно было со дня на день ожидать его удара. Мы же в это время старались хотя бы несколько улучшить свое положение. В боях конца октября и начала ноября немцы, захватив у нас на левом фланге ряд населенных пунктов, в том числе Скирманово, нависли с юга над основной магистралью Волоколамск—Истра. Занимая такое положение, враг не только простреливал артиллерийским огнем эту магистраль, но мог в любое время перехватить ее своими войсками и выйти в тыл основной группировке 16-й армии на данном направлении.

Были приняты меры, чтобы заблаговременно ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И. А. Плиева, 18-й стрелковой ополченческой дивизии, в командование которой в ноябре вступил боевой полковник П. Н. Чернышев, танковой бригады М. Е. Катукова, только что прибывшей к нам, но уже побывавшей в боях и понесшей значительные потери; привлекли также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов. Предстоящие действия были тщательно продуманы и спланированы. Деятельное участие в подготовке приняли начальник штаба М. С. Малинин, начальник артиллерии В. И. Казаков, начальник бронетанковых войск Г. Н. Орел, член Военного совета А. А. Лобачев, начальник связи П. Я. Максименко и другие товарищи. Должен заметить, что в предвидении начала наступления врага проводить эту операцию было очень рискованно, но мы на это вынуждены были решиться. Нас несколько успокаивало то обстоятельство, что к

правому флангу армии стали выдвигаться кавалерийские дивизии, прибывающие из Средней Азии в распоряжение фронта и включенные в состав 16-й армии.

В период с 11 по 14 ноября бои за Скирманово прошли очень удачно. Артиллерийским и минометным огнем и меткими залпами «катюш» нам удалось нанести противнику большой урон, а дружные атаки пехоты, поддержанные танками, довершили дело. Успеху очень содействовала сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся в тыл в ночь перед атакой, а также выдвинувшаяся во фланг и почти в тыл гитлеровцам часть сил 50-й кавдивизии. Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие населенные пункты, был полный. 10-я танковая дивизия врага, предназначавшаяся для перехвата шоссе Волоколамск—Москва, с большими потерями была отброшена далеко назад. Угроза была ликвидирована. На поле боя фашисты оставили до 50 подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-мм пушек, минометов, пулеметов и различных машин. Вместе с членом Военного совета армии Лобачевым и корреспондентом газеты «Правда» Ставским я имел возможность наблюдать эту картину разгрома врага. Захваченные в бою пленные были доставлены в Москву.

Однако с каждым часом для наших войск приближалось новое суровое испытание в битве за столицу. Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр» перешли в наступление. Сражение развернулось на широком фронте от Калинина до Тулы. На севере главный удар наносился на участке от Волжского водохранилища до железной дороги Москва—Можайск (в полосах 30, 16 и правого фланга 5-й армий); а на юге — на участке Тула, Новомосковск в направлении на Каширу (в полосе 50-й армии).

Против нашей 16-й армии противник сосредоточил 5-й армейский, 46-й и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы. Севернее Волоколамска занимали исходное положение 106-я и 35-я пехотные дивизии. На участке западнее и юго-восточнее Волоколамска, против левого фланга 16-й армии развернулись: 2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии и моторизованная дивизия СС «Рейх».

Как уже говорилось выше, в 16-ю армию прибыли дополнительно к имевшимся войскам 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии, которые были расположены во втором эшелоне армии восточнее Клина. Каждая из них насчитывала всего лишь по 3 000 человек. Лошади в дивизиях оказались к зиме не перекованными, между тем в Подмосковье грунт уже замерз, а на мокрых и заболоченных местах образовался лед, что затрудняло передвижение конницы. В довершение ко всему личный состав не имел навыков действий на пересеченной и в лесисто-болотистой местности.

Зато прибывшая к нам из Сибири 78-я стрелковая дивизия, полностью укомплектованная личным составом и всем положенным по штатам военного времени, возглавляемая боевым, замечательным полковником А. П. Белобородовым и состоявшая преимущественно из сибиряков, очень нас обрадовала. Ее прибытие было своевременным. И так же, как в начале боев под Волоколамском, большую роль сыграла 316-я дивизия генерал-майора И. В. Панфилова, сейчас, в наступавших решающих ноябрьских боях за Москву, большую роль предстояло сыграть 78-й стрелковой дивизии полковника А. П. Белобородова.

Получили мы и две танковые бригады с небольшим количеством танков и 58-ю танковую дивизию, но последнюю почти без танков. Несколько пополнилась имевшаяся в распоряжении армии артиллерия. При всем этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации. Все наши соединения, принимавшие участие в октябрьских боях, к началу сражения были весьма малочисленны.

Хочется отметить еще один момент, предшествующий описанию хода событий ноябрьского оборонительного сражения 16-й армии. Перед самым началом неприятельского наступления нами неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом генерала армии Жукова — нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской вражеской группировке. Признаться, тогда мне было непонятно, чем он руководствовался, отдавая такой приказ. Срок подготовки определялся одной ночью. Я считал, что нанесение таких ударов, учитывая готовность противника самому

перейти в наступление, да еще при явном недостатке могущих быть привлеченными с нашей стороны для этого сил и неподготовленности их из-за крайне ограниченного времени, конечно, не могло дать положительных результатов. Однако мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки не были приняты во внимание. Совсем недавно Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях также остановился на этих контрударах и объяснил в чем тут дело[6].

Как и следовало ожидать, проведенный 16 ноября 1941 года по приказу фронта 16-й армией частный контрудар принес нам больше вреда, нежели пользы. Правда, на первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте 16-й армии. Нашим частям, осуществлявшим контрудар, еле удалось выбраться из образованного самими же вклинения. Особенно тяжело пришлось конной группе Л. М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира ей удалось вырваться и избежать полного окружения.

В связи с овладением противником Волоколамском и предстоявшим частным контрударом, который наносила армия 16 ноября севернее Волоколамска, армейский КП решено было перенести в Теряеву Слободу. Но там он подвергся удару вражеской авиации, от которого сильно пострадали наш оперативный и разведывательный отделы.

Управлять войсками левого крыла армии было затруднительно из-за лесисто-болотистой местности, отделявшей наш КП от войск, оперирующих на Волоколамском участке. Поэтому штаб армии перешел в район Ново-Петровское (что на автостраде Волоколамск—Москва). К такому решению мы пришли еще и потому, что располагали данными о сосредоточении противником крупных танковых сил именно против левого крыла армии.

Наш штаб и управление расположились непосредственно в Ново-Петровском, а Военный совет — в небольшой, примыкавшей к нему деревушке Устиново. Штаб имел связь со всеми соединениями и частями, входившими в состав армии, и соседями справа и слева. Начальник связи полковник П. Я. Максименко обеспечил нас устойчивой связью. Нужно отдать должное его неиссякаемой энергии, знанию своего дела, высокоразвитому в нем чувству большой ответственности за порученный участок работы. Именно благодаря этим качествам он в самых сложных условиях создавал нам возможность поддерживать непрерывную связь с войсками. На долю связистов вообще выпала ответственная и сложная задача в те трудные дни, и нельзя не сказать о том, что на протяжении всего периода боев под Москвой они — солдаты, сержанты и офицеры — честно, с величайшей самоотверженностью выполняли свой воинский долг, обеспечивая войска и штабы связью.

К началу вражеского наступления у нас были собраны приблизительно точные данные о группировке немецко-фашистских войск. Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Там иной раз склонны были рассматривать наши донесения как преувеличивавшие во много раз силы противника. Между тем взятые в бою в районе Скирманово и северо-западнее Волоколамска пленные подтверждали наши данные. Мы, конечно, понимали командование фронта: оно хотело, чтобы сил у врага было меньше. Ведь и мы не возражали бы против этого, но приходилось считаться с фактами и готовиться встретить худшее. Успокаивать себя и войска мы не имели права.

В середине ноября 1941 года наступил решающий момент в битве за столицу.

(Окончание следует).

---

[6] См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 9, стр. 61—62.

Резервная армия вступает в сражение южнее Москвы[1]

Маршал Советского Союза Ф. ГОЛИКОВ

24 НОЯБРЯ 1941 года в 18 часов 30 минут по телефону была получена директива. Ее краткость и конкретность соответствовали моему представлению о стиле работы Ставки Верховного Главнокомандования. В ней говорилось: 10-ю резервную армию к вечеру 2 декабря сосредоточить в районе Рязань, Канино, Шилово. Соединения перебрасывать по железной дороге: 322-ю стрелковую дивизию — в Рыбное, 330-ю стрелковую дивизию — в Рязань, 328-ю стрелковую дивизию — на станции Турлатова, Вышгород, 323-ю стрелковую дивизию — на станцию Кензино с сосредоточением ее в районе станции Проня, 325-ю стрелковую дивизию — на станции Крутицы, Шилово с сосредоточением в районе Спасск-Рязанского, 326-ю стрелковую дивизию — на станции Желобово, Кензино с сосредоточением в районе Сапожка, 324-ю стрелковую дивизию — в Шилово, 57-ю кавалерийскую дивизию — на станцию Кензино с сосредоточением в районе Канино, 75-ю кавалерийскую дивизию — на станции Ласково, Солодча. Штаб армии было приказано развернуть в Шилово.

Далее в директиве говорилось: «Иметь в виду недопустимость выдвижения противника на Рязань, а также активные действия армии в направлении на Венев и Зарайск». Прикрытие с воздуха перевозок частей армии, их выгрузки и сосредоточения в намеченных районах возлагалось на командующего Военно-воздушными силами Красной Армии[2]. В чьем подчинении армия будет находиться по сосредоточении, в директиве не было сказано.

По плану перевозок соединений армий, предусмотренному органами военных сообщений, общее количество железнодорожных эшелонов составило 152. Переброска войск производилась в основном по трем маршрутам: через Рузаевку на Рязань, через Пензу на Ряжск и через Ртищево, Мичуринск на Ряжск. Для каждой стрелковой дивизии необходимо было в среднем 16—18 эшелонов; на обе кавалерийские дивизии — 27 эшелонов. Запланированный темп перевозок был небольшой — в среднем 17 эшелонов в сутки. Но выдержать его в условиях того времени было очень трудно, тем более что на перевозку армии отводилось около 9 суток.

Военный совет 10-й армии выехал в новый район в 1 час. 55 мин. 25 ноября и прибыл в Шилово в 2 час. 30 мин. на следующий день.

Сердечно провожали местные советские, партийные организации и трудящиеся на фронт войска 10-й армии. На станции погрузки и в гарнизоны приходили десятки тысяч жителей с плакатами, знаменами, с музыкой. Горячие речи на митингах. Теплые напутствия у эшелонов. Скромные подарки бойцам. В войсках не было ни одного случая пьянства, отставания от своей команды, а тем более самовольной отлучки.

В каждую дивизию была выслана группа ответственных представителей армии. В их задачу входил контроль за выгрузкой, размещением в новом районе в соответствии с боевой обстановкой, а также за проведением мер боевого, материального, санитарного и ветеринарного обеспечения.

Для наблюдения за отправкой эшелонов со станций погрузки в Кузнецке остался заместитель командующего армией генерал-майор К. С. Колганов с группой офицеров.

Первые трое суток план железнодорожных перевозок войск армии выполнялся очень плохо. Вместо 76 эшелонов было погружено только 24, причем за первые сутки

---

[1] Окончание. Начало см. «Военно-исторический журнал», 1966, № 5, стр. 65—76.
[2] Архив МО СССР, ф. 353, оп. 66707, д. 1, лл. 201, 202.

ни одного. В последующие дни дело стало налаживаться. Однако срыв плана первых дней серьезно нарушил общие сроки перевозки. Это сильно нас беспокоило, так как могло привести к нежелательным последствиям. К сожалению, так и получилось. Стрелковые дивизии заканчивали выгрузку с опозданием от трех до пяти и даже до семи суток. Полевое управление и армейские части связи закончили разгрузку лишь 5 декабря, вместо 29 ноября по плану. Один стрелковый полк и дивизион артполка 323-й дивизии прибыли с еще большим опозданием и нагнали дивизию уже в период ожесточенных боев за город Епифань.

Такое положение объяснялось главным образом острой нехваткой подвижного состава. Железные дороги вынуждены были тогда предоставить громадное количество вагонов под вывоз промышленного оборудования на восток, под переброску разного рода государственных запасов, эвакуируемого населения и, безусловно, под многие оперативные перевозки по заданию Ставки Верховного Главнокомандования.

Задержки в погрузке эшелонов частично произошли также и по другим, чисто местным, причинам: то порожняк подавался без предварительной подготовки, несформированный, недостаточно промытый и с неполным комплектом воинского оборудования, то места погрузки не были приспособлены, то соединения и части не дали точных расчетов на вагоны.

1 декабря Военный совет доложил Наркому обороны о том, что по темпу перевозок окончательное сосредоточение армии ожидается 5 декабря вместо срока, установленного Ставкой, — 2 декабря. На 1 декабря из 152 эшелонов, в которых перевозилась армия, в новый район прибыло лишь 64. В движении находилось 44 эшелона, а 44 оставались еще непогруженными.

В целом железнодорожные перевозки и выгрузка войск были проведены неплохо, тем более, что они проходили в таких трудных условиях для страны и для железнодорожного транспорта. Однако опоздание на трое—пять суток показало, что, исходя из развития событий под Москвой, перевозку армии было бы лучше начать хотя бы на несколько дней раньше.

Столкнулись мы и с другими трудностями. Войска армии отправлялись недоукомплектованными, недовооруженными, необмундированными по-зимнему и недостаточно снабженными. Ставка дополнительной директивой предписала начальникам главных управлений Наркомата обороны принять все меры к тому, чтобы доукомплектовать и довооружить части армии и немедленно после их прибытия в районы новой дислокации довести до нормы боеприпасы, горючее и обеспечить бесперебойное снабжение войск продфуражом и теплым обмундированием. Выдача и получение всего этого производились и накануне отправки частей, при погрузке их в эшелоны, и в пути следования, а также при выгрузке на станциях назначения и в пунктах временного сосредоточения [3].

Почти все рабочее время Военного совета затрачивалось на разрешение этих вопросов. Особенно нас беспокоила нехватка в дивизиях автотранспорта, порождавшая напряженность в подвозе войскам армии всего необходимого. 10-й армии требовалось хотя бы три-четыре автомобильных батальона. Пришлось обратиться в Ставку.

И вот однажды глубокой ночью, кажется, в ночь на 6 декабря (Военный совет армии в это время находился в Старожилове) позвонил Верховный Главнокомандующий. Он был обеспокоен состоянием снабжения армии, а также хотел уточнить потребность армии в автобатальонах. Выслушав нашу настойчивую просьбу, он заверил, что будет дан один батальон, а потом добавил: «И, может быть, два».

---

[3] Так, 326-я стрелковая дивизия получала винтовки, ручные пулеметы и часть теплого обмундирования на станциях погрузки. Здесь же производился обмен гужевого колесного транспорта на санный. Упряжи не хватило, и ее пришлось получать уже в районе города Сапожка. На станции выгрузки дивизия 2 декабря получила два вагона теплого обмундирования: валенки и меховые телогрейки.

324-я стрелковая дивизия по выгрузке на станции Шилово получила валенки, шапки-ушанки, шлемы, полушубки. Выдача имущества производилась также 3 и 4 декабря, когда все части дивизии уже находились в движении к рубежу боевого развертывания.

323-я стрелковая дивизия была обеспечена зимним обмундированием лишь по прибытии в новый район. Части ее, следовавшие в последних пяти эшелонах, получали зимнее обмундирование на ходу, во время коротких остановок на некоторых станциях. То же самое происходило и в других дивизиях.

Большинство переброшенных в район Рязани соединений армии временно расположилось в пунктах, прилегающих к станциям разгрузки. Интенсивная работа центральных органов Наркомата по доукомплектованию и довооружению частей армии продолжалась и здесь. Она затруднялась отсутствием армейской базы. Сформировать же эту базу предполагалось только к 6 декабря.

Какова же была степень готовности сосредоточивающихся соединений армии? К сожалению, очень пестрой, неравномерной и в целом недостаточной. Об этом 1 декабря командование армии довольно детально доложило Наркому обороны, начальнику Генерального штаба и командующему Западным фронтом, в состав которого армия вошла [4]. Мы отмечали высокое политико-моральное состояние частей и хорошее настроение воинов, но одновременно указывали на то, что 57-я и 75-я кавалерийские дивизии пока оставались целиком невооруженными, не было даже конской амуниции. 326-я стрелковая дивизия еще не получила основного стрелкового вооружения: ей недоставало 7500 винтовок. Эти три дивизии на 1 декабря были еще небоеспособными.

325-я стрелковая дивизия могла выставить до двух сводных стрелковых полков, но без станковых пулеметов, без автоматов, минометов и противотанковых орудий, без средств связи и автотранспорта. 324-я стрелковая дивизия не имела основных видов вооружения — станковых пулеметов, артиллерии и минометов, автоматов, средств связи и инженерного имущества. 322, 323 и 330-я стрелковые дивизии, обеспеченные основными видами вооружения, готовы были по сосредоточении вступить в бой. Но и они нуждались в довооружении и автотранспорте. На всю армию имелось лишь 48 противотанковых ружей, 900 ружейных противотанковых гранат и 3500 ручных гранат.

* * *

Когда ночью 26 ноября я с оперативной группой штаба и полевого управления армии прибыл на станцию Шилово, из представителей Генштаба там никого не оказалось. Военный комендант станции доложил, что для нас ни письменных, ни устных указаний нет. Через несколько часов с членом Военного совета Т. Л. Николаевым мы выехали в Рязань, не имея никакого представления об обстановке в этом районе. С нами следовали: начальник оперативного отдела майор Л. Б. Соседов, начальник разведывательного отдела майор А. Г. Колесов, начальник инженерной службы армии подполковник Г. И. Тупичев, заместитель начальника связи полковник Д. Т. Кулюпин и начальник военных сообщений майор И. В. Печалин.

В Шилове оставался начальник штаба армии генерал-майор Н. С. Дронов. С ним я условился насчет порядка взаимной информации о прибытии обещанных центральными органами транспортов с боеприпасами, оружием, вещевым снабжением и продовольствием. Каждому начальнику армейского управления и отдела были даны наиболее срочные задания по службе. Это прежде всего касалось начальника тыла и начальника связи армии.

Путь в Рязань со станции Шилово лежал через Старую Рязань и Спасск-Рязанский. От Спасска вдоль поймы реки Оки тянулась довольно хорошая дорога. На протяжении всего стокилометрового пути ничто не напоминало о войне и близости фронта.

Мы торопились в обком партии. На контрольном пункте при въезде в Рязань нашу машину остановил патруль из двух вооруженных милиционеров и нескольких человек в рабочих спецовках, тоже с винтовками. Проверив документы, они показали нам дорогу до обкома.

Рязань была охвачена подготовкой к борьбе с врагом. На улицах множество людей возводили баррикады, рыли окопы, оборудовали пулеметные гнезда.

В обкоме мы познакомились с первым его секретарем С. Н. Тарасовым. Это был очень сердечный, общительный человек, заботливый и энергичный партийный работник. Здесь же находились члены бюро обкома, а также областной военком генерал-майор Л. А. Мурат. Все они очень обрадовались нашему приезду, так как надеялись, что теперь с Рязанью все будет, как надо. Искренняя радость на их лицах не могла скрыть огромного переутомления. Однако приезд в Рязань Военного совета армии

[4] Архив МО, ф. 353, оп. 66707, д. 2, лл. 352, 353.

потребовал от них в первое время еще большего напряжения. Они это ясно понимали и были готовы к новым трудностям.

В обкоме находился также генерал-лейтенант танковых войск В. А. Мишулин. Он прибыл в Рязань еще 15 ноября с заданием Ставки организовать и возглавить оборону города.

Ф. И. Голиков

Мы сразу перешли к делу. Сначала беседа наша носила характер вопросов и ответов:

— Где противник?

— Близко. Не дальше 40 километров. В селе Захарово. Да и по другим селам недалеко от Рязани.

— Какой? Имеются ли у него танки? Сколько и в каких пунктах?

— Определенно ответить не можем. Говорят, что сил много. Есть и танки. Сведения меняются по нескольку раз в день.

— Где проходит наш фронт? Есть ли наши войска между Михайловом и Рязанью? Какие, сколько, где?

— Не знаем. Кажется, нет. Со стороны Серебряных Прудов и Ряжска то же самое. Связи у нас с фронтом нет. И с нами из фронтовых частей никто не связывался.

— Как Ряжск?

— Кажется, плохо. Войск наших нет ни в городе, ни перед городом. Гитлеровцы стоят в Скопине. Это в 30 километрах от Ряжска.

— Как Зарайск?

— Пока за нами. Но что там происходит, не знаем. Враг подошел к самому городу.

— Есть ли связь с Москвой?

— Есть, по ВЧ...

Эти первые полученные нами сведения свидетельствовали о том, что обстановка, сложившаяся в районе Рязани в конце ноября, была крайне тревожной, больше того— очень опасной.

Продвинувшись из Михайлова, гитлеровцы захватили важный узел дорог Захарово. Они обосновались там уже 25 ноября. Таким образом, враг от Рязани находился всего в 30 километрах.

К чести партийных, советских, комсомольских и общественных организаций Рязани и области подготовка к отпору врагу как в городе, так и на подступах к нему началась еще в октябре. В городе и районах формировались местные отряды самообороны и народного ополчения. 15 октября бюро обкома детально рассмотрело положение с организацией обороны города. Был сформирован штаб обороны. Начальнику обороны передавались в подчинение отряды народного ополчения города и прилегающих районов. 26 октября на объединенном заседании бюро обкома и облисполкома было признано необходимым создать Рязанский городской комитет обороны, охватывающий город с прилегающими районами. 30 октября комитет обороны принял решение о немедленном развертывании оборонительных работ. По его указанию местные предприятия изготовили 1250 противотанковых рогаток. Рабочие и работницы рязанских предприятий, служащие, домашние хозяйки, студенты, учащиеся, жители окрестных сел и близлежащих городов неустанно трудились над укреплением обороны города и его подступов.

Благодаря энергичным мерам, самоотверженности и энтузиазму жителей подвалы сотен зданий города в короткий срок были приспособлены под огневые точки. У моста через речку Павловку, на Московском шоссе и других танкоопасных направлениях появились противотанковые ежи, надолбы. Вокруг города протянулась цепь баррикад, а в юго-западной его части, где вражеский удар был наиболее вероятным, проходил противотанковый ров.

В общем областной комитет партии делал все, что мог, и делал это энергично. Трудящиеся города и сельских районов с энтузиазмом поддерживали его во всех мероприятиях по организации отпора врагу. Однако при всем этом отсутствовало главное: на рязанском направлении, в обширной полосе от Зарайска до Скопина и южнее, т. е. на фронте более 120 километров, не было никаких советских войск ни в обороне, ни в наступлении. Фронт был открыт. По всему пространству к востоку от линии железной дороги Серебряные Пруды — Михайлов — Скопин рыскали отряды гитлеровских захватчиков с целью разведки, грабежей и диверсий. Гарнизон же Рязани был невелик, и его части, кроме ПВО, еще не имели конкретных боевых задач.

Рабочий добровольческий полк в численном отношении представлял собой очень небольшую часть, еще неподготовленную и сырую. Особенно плохо обстояло дело с вооружением. Полк имел всего лишь 500 боевых винтовок и несколько пулеметов. Для него собирали малокалиберные и учебные винтовки из имущества Осоавиахима. На предприятиях города налаживали изготовление минометов, гранат и противотанковых ружей.

Из воинских частей в гарнизоне находились недавно прибывший батальон курсантов Владимирского пехотного училища, небольшой авиадесантный батальон, курсы санитарных инструкторов в сотню человек, два саперных батальона, запасный автомобильный полк. Все они были вооружены в основном винтовками. В городе находился еще танковый батальон с десятком устаревших, давно не ремонтированных, к тому же до предела изношенных танков Т-26. На станции стоял дивизион бронепоездов.

Основу противовоздушной обороны города, железнодорожного узла и аэродрома составляли три зенитных дивизиона (общей численностью 40 орудий разного калибра, от 21 до 85 мм), 765-й артполк, имевший всего восемь противотанковых орудий калибра 37 мм. Их пробивная сила по танкам была, как известно, низкой. С вооружения Красной Армии они уже были сняты.

Кроме решения неотложных «наземных» вопросов нужно было срочно выяснить, как будет осуществляться истребительно-авиационное прикрытие выгрузки войск 10-й армии в районе Рязани. На протяжении двух суток, 26 и 27 ноября, добиться ясности не удавалось. Наконец к исходу 27 ноября разыскали находившегося в городе еще с 9 часов утра 26 ноября, но ни к кому не явившегося, командира 16-го авиационного истребительного полка противовоздушной обороны. Этот полк располагал двадцатью двумя самолетами. От своего авиационного командования он имел задачу до 4 декабря прикрывать выгрузку войск 10-й армии на станциях Рыбное, Рязань, Турлатово, Вышгород.

О силах немецко-фашистских войск на подступах к Рязани мы в первое время по прибытии в город почти ничего не знали. Имевшиеся сведения были мизерными и неточными [5]. Не знали мы и о том, какие же силы советских войск находились перед войсками 2-й танковой армии противника на подступах к Рязани, так как на месте ничего определенного узнать было невозможно. 27 ноября по телефону ВЧ, установленному в кабинете секретаря обкома товарища Тарасова, я обратился с этим вопросом в Генеральный штаб. С максимальной тщательностью меня информировал об обстановке генерал А. М. Василевский.

По сведениям, которыми располагал Генштаб, получалось, что между Веневом и Чернево (немного к юго-западу от Зарайска), находились наши силы в пять полков с танковой бригадой, в Зарайске — кавалерийская дивизия, в Серебряных Прудах — 239-я стрелковая дивизия, в Захарово — 31-я кавалерийская дивизия и где-то у Михайлова — 41-я кавалерийская дивизия. К сожалению, как оказалось в действительности, обстановка была несколько иной. 173-я стрелковая дивизия, 111-я танковая бригада и

---

[5] Как потом выяснилось, в те дни здесь действовали соединения 2-й танковой армии Гудериана, наступавшей основными силами на Тулу и Каширу. В районе Михайлова стояла 10-я моторизованная дивизия. Часть ее сил наступала в направлении Павелец, Скопин. У Серебряных Прудов и в Веневе — часть сил 4-й танковой дивизии. В районе Новомосковска (Сталиногорска), станции Узловая, поселка Донского, Иван-озера располагались 167-я и 112-я пехотные дивизии. В районе городов Епифань, Богородицк, Товарково — 25-я моторизованная дивизия.

29—30 ноября положение в данных районах существенно не изменилось. Только части 4-й танковой дивизии у Серебряных Прудов были сменены частями 29-й моторизованной дивизии. Последняя овладела этим важным пунктом, а затем почти вплотную продвинулась к Зарайску (до Чернево).

части 112-й танковой дивизии находились не в районе Чернево, где мне было указано их искать, а уже под Каширой. 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии, пробиваясь из окружения в районе Узловой, выходили в других направлениях, нежели предполагалось.

Важными для ориентировки явились сообщения о 5-й и 9-й кавалерийских дивизиях, составлявших, как позднее стало известно, кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и подходивших к Кашире с севера. Что касается направления на Рязань, то сведения о нахождении в Захарово 31-й кавдивизии совершенно не оправдались. Больше того, не оказалось этой дивизии ни в Зарайске, ни в Пронске, ни в Кашире.

Данные, полученные из Генштаба, хотя и были не совсем точными и конкретными, но в отношении общей ориентировки командования и штаба армии принесли известную пользу. Что же касается информации штаба Западного фронта об обстановке в районе Тулы и под Каширой, то она поступала крайне редко и с большим опозданием. Это для нас было очень чувствительно, поскольку сведения о силах 2-й танковой армии противника, о ее группировке в тактической и оперативной глубине совершенно отсутствовали.

Создавшаяся обстановка заставляла меня серьезно опасаться, что противник, используя разрыв в нашем фронте, ударит на Рязань. Упустить такую возможность было, казалось, не в манере врага. Тем более, что в упоминавшейся директиве Ставки от 24 ноября указывалось на этот счет: «Иметь в виду недопустимость выдвижения противника на Рязань». Все мы понимали это указание просто и прямо: «Не допустить захвата Рязани».

Через двое суток у меня состоялся новый разговор по телефону с А. М. Василевским. Разделяя нашу тревогу относительно положения, в котором могла оказаться Рязань, Александр Михайлович сказал: «На Ряжск через Рязань пойдут эшелоны с артиллерией. Перехватите их...» Вот как остро обстояло дело.

Вслед за этим обострилось положение с Коломной, и в ночь на 2 декабря был получен неожиданный приказ Ставки о срочной переброске в Коломну из-под Рязани головной дивизии 10-й армии — 322-й стрелковой. Полного ее сосредоточения в пункте выгрузки на станции Рыбное ждать было нельзя.

В приказе об отправке 322-й стрелковой дивизии в Коломну было указано: один ее полк срочно двинуть в Зарайск. И это очень правильно. Дело в том, что гитлеровцы к исходу 1 декабря подошли к Зарайску почти вплотную. Начальником его гарнизона был генерал-майор Терешков. От него мы узнали, что силы противника, подходившие к Зарайску, составляли полк мотопехоты при 30—40 танках. В Зарайске же имелось около 150 наших пехотинцев, собранных из разрозненных групп, один артиллерийский дивизион в составе 12 орудий и 111-й отдельный саперный батальон.

Приказ Ставки был немедленно выполнен. 1085-й стрелковый полк 322-й стрелковой дивизии к исходу 2 декабря прибыл уже в Зарайск. Немного позже мы получили сведения, что противник продвижение к городу приостановил.

Еще через три дня, 4 декабря, поступил не менее тревожный приказ командующего Западным фронтом Г. К. Жукова: «В целях усиления и обеспечения обороны Рязани ввести там осадное положение». Правда, это распоряжение запоздало: осадное положение в Рязани обком партии и облисполком ввели еще в середине ноября.

Каковы же были намерения и действия противника в районе Рязани и Ряжска?

Об этом у нас теперь имеются прямые свидетельства. К. Типпельскирх прямо указывает на то, что 2-я танковая армия Гудериана стремилась «из района южнее Тулы выйти к Оке на участке Рязань, Коломна...» [6]. Гудериан в своих воспоминаниях пишет, что, добиваясь от высшего гитлеровского командования максимального сокращения размаха наступательных задач 2-й танковой армии, он получил разрешение **вместо захвата Горького** (подчеркнуто мною. — **Ф. Г.**) ограничиться выходом на линию Михайлов, Зарайск. При этом, как уточняет Гудериан, главнокомандующий сухопутных войск немецких вооруженных сил указал ему, что важнейшей задачей для 2-й тан-

---

[6] Курт Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностр. лит., 1956, стр. 201.

ковой армии является «полное разрушение железнодорожной **линии Рязань — Коломна**» [7] (подчеркнуто мною. — **Ф. Г.**).

Что же помешало Гудериану выполнить эту задачу?

Сам он, например, утверждает, что «оборона русских была слишком сильна» и что будто бы поэтому группы подрывников 10-й мотодивизии, достигшие Михайлова, не смогли (?!) из этого района пройти к железной дороге на участке Рязань — Коломна и взорвать ее. Не постеснялся он написать и о якобы «сильном давлении» превосходящих сил противника, т. е. советских частей, на 10-ю моторизованную дивизию, в результате которого гитлеровцы 29 ноября оставили город Скопин.

Все это далеко от действительности. Короткий удар по противнику под Скопином 29 ноября нанес батальон морской пехоты — единственная часть, подброшенная в последний момент в Ряжск и направленная сюда в наступление по инициативе нынешнего маршала авиации Сергея Игнатьевича Руденко. В тот день с тремя офицерами и шофером он прибыл в Ряжск, чтобы вступить в должность командующего военно-воздушными силами 61-й армии. Однако, кроме работников штаба ВВС 3-й армии, С. И. Руденко никого в городе не нашел. Остановился по соседству с этим штабом, рассчитывая воспользоваться при надобности его связью. Чтобы выяснить обстановку, он стал расспрашивать о противнике телефонисток. Телефонистка города Скопина сообщила, что небольшой отряд гитлеровцев вступил в город. Фашисты пьянствуют и отбирают у населения продовольствие. Вскоре к Руденко явился встревоженный начальник подстанции ВЧ, обеспечивавшей связь Москвы с востоком и югом страны. Он сообщил о занятии гитлеровцами Скопина. Его интересовало, как быть с подстанцией, чтобы она не попала в руки врага.

У С. И. Руденко, оказавшегося в Ряжске самым старшим, не было сил, чтобы выступить даже против небольшой группы противника. Связался с железнодорожным комендантом станции Ряжск. Тот доложил, что на подходе какой-то воинский эшелон и что минут через 40 он будет в Ряжске. Действительно, вскоре прибыл эшелон. Это был батальон морской пехоты. Командир батальона сообщил, что следует на станцию Лев Толстой (в 70 километрах юго-западнее Ряжска), но обстановки не знает. А станция эта уже несколько суток была занята противником. Ознакомив комбата с истинным положением, С. И. Руденко приказал ему немедленно двигаться на Скопин и выбить оттуда немцев. При этом командиру батальона было дано указание при продвижении держать связь по железнодорожному селектору, а по занятии Скопина — через городскую станцию связи.

Часам к двум дня батальон достиг Скопина, выбил оттуда отряд фашистов, прибывший всего лишь на двух транспортных машинах, и расположился в городе. Станция ВЧ могла работать. Ей теперь никто не угрожал. К сожалению, нам неизвестны ни номер этого батальона, ни имена его бойцов, и даже командира батальона, столь правильно понявшего обстановку. Нет никаких данных ни о его численности, ни о вооружении. Возможно, кто-нибудь из читателей поможет установить имена героев этого батальона.

Таково было «сильное давление» превосходящих сил противника, о котором говорится в воспоминаниях Гудериана. Нетрудно заметить, что причина этой фальши заключалась прежде всего в полной потере самим Гудерианом веры в успех наступления на Москву, в резком ослаблении морального состояния вверенных ему войск и в его собственной убежденности в том, что всякое дальнейшее продвижение 2-й танковой армии гибельно для нее.

* * *

Ограниченность сил и средств в Рязани заставила меня с особым вниманием отнестись к выбору опорных пунктов обороны для каждого подразделения и к инструктажу их командиров относительно ведения оборонительного боя. Налаживалась и организовывалась непрерывная разведка расположения и сил противника. Надо сказать,

что основным ее средством в тех условиях были сведения, поступавшие в обком КПСС от местных районных и сельских учреждений и гражданских лиц, от оставшихся на своих постах сельских Советов, правлений колхозов, почтовых работников, телефонисток и других лиц, находившихся в тех населенных пунктах, которые уже были заняты противником или граничили с ними. Поступали сведения даже из вражеского тыла и из селений, куда заходили его разведывательные группы.

Чтобы читатель мог представить, что давала эта разведка, приведу некоторые из добытых ею сведений. 27 ноября 1941 года из Ряжска от жителя Кравченко поступило такое сообщение: в Михайлове наблюдается скопление автомашин и танков, имеются сильная ПВО, 5 легковых автомашин и 2 штабных автобуса; от Хавертово на Захарово (в сторону Рязани) в 12 час. 30 мин. прошло до 30 автомашин; на Колесино в 12 часов двигались 100 автомашин; танков не обнаружено. Все эти сведения через некоторое время получили свое подтверждение.

Соответствовало действительности и сообщение секретаря Пронского райкома партии о том, что в Гремячку заезжали шесть гитлеровских мотоциклистов. Они интересовались советскими войсками в Пронске и дорогой на Рязань. Данные о противнике, поступавшие к нам таким образом отовсюду, позволяли выяснить следующее: в Серебряных Прудах расположилось около 2,5 тыс. немецких солдат, 8 танков, 60 автомашин с восемью мотоциклами на каждой и штаб полка, а у реки установлено 15 зенитных пушек и пулеметы; с 4 декабря противник роет у этого села окопы и обносит их колючей проволокой; в Поярково находятся пехота, танки, бронемашины и штаб; Почерниковские Выселки заняты батальоном немецкой пехоты с одним танком; в Некрасово, Остроухово, Субботино и в совхоз «Победа» 5 декабря заходила вражеская разведка на грузовых и бронированных машинах.

Для нас эти сведения представляли большую ценность. Создавалась довольно полная картина поведения противника на зарайском, рязанском и ряжском направлениях. Вскрывались опорные пункты и узлы сосредоточения основных его сил на рубеже Серебряные Пруды, Михайлов, Павелец. Довольно точно определялось начертание линии продвижения вражеских органов охранения и разведки. И всеми этими сведениями нас снабжали, причем большей частью по собственному почину, местные жители и самые низовые советские органы.

Как только стало возможным, мы предприняли силовой разведывательный поиск из Рязани на Захарово и Поярково, т. е. в сторону Михайлова. Осуществлять его должен был разведывательный отряд курсантов Владимирского пехотного училища в составе стрелковой роты и одного пулеметного взвода с тремя танками Т-26. Возглавил отряд командир 1-й роты училища старший лейтенант Миронычев.

В 17 часов 29 ноября отряд выступил на машинах в направлении Нашатыркино, Захарово. К ночи он достиг села Поярково, что в 11 километрах к востоку от Михайлова. Противник встретил отряд пулеметным огнем из дзота на шоссейной дороге. В коротком ночном бою выяснилось, что наша рота столкнулась с вражеским сторожевым отрядом. Было решено с утра провести разведку боем. Однако гитлеровцы упредили курсантов: под прикрытием минометного огня они силами до батальона пехоты с четырьмя танками с рассветом сами перешли в наступление. Курсанты открыли сильный огонь из автоматов, винтовок и пулеметов, а когда противник подошел на близкое расстояние, поднялись и бросились в штыковую атаку. Нервы врага не выдержали, и он в беспорядке начал отступать. Курсанты преследовали отступающих фашистов, пока не заняли их позиций на господствующих холмах западнее деревни Поярково. Одновременно три наших танка вели бой с вражескими танками.

Как мне потом стало известно, в этом бою курсанты проявили исключительную боевую сплоченность и мужество. До того, как разведывательный отряд перешел в штыковую атаку, противник вел пулеметный огонь из двухамбразурного дзота, расположенного у Поярково. Курсанты 4-го взвода С. С. Крылов, А. Б. Киселев и Г. А. Григорьян решили уничтожить дзот. Незаметно они подползли к нему и забросали гранатами, что обеспечило успех последовавшей атаки. Бой разведывательного отряда у Поярково позволил нам установить, что в районе Михайлова сосредоточилось не

менее полка мотопехоты, артиллерийский полк и штаб 10-й мотодивизии. К исходу дня 30 ноября старший лейтенант Миронычев вывел отряд из боя.

К утру 1 декабря отряд возвратился в деревню Нашатыркино, где находился сводный батальон училища. Но не все герои вернулись. Пали смертью храбрых под деревней Поярково лейтенант И. К. Молдаванов, курсанты Г. М. Кочнев, А. Н. Скоробогатов, В. П. Колпашиков, К. Т. Токанов, Н. В. Маслов, В. М. Скрипников, В. И. Степанов, Ф. А. Клубов. Двадцать четыре курсанта получили ранения. В короткие перерывы боя двадцать три курсанта подали заявления о приеме их в ряды Коммунистической партии.

Военный совет 10-й армии высоко оценил действия разведывательного отряда. 26 наиболее отличившихся в бою командиров и курсантов были представлены к правительственным наградам. 12 декабря 1941 года батальон курсантов вернулся в город Владимир для продолжения учебы.

С 3 декабря некоторые дивизии армии смогли приступить к ведению собственной войсковой разведки. С помощью ее было установлено окончательное начертание линии фронта противника и примерное количество немецко-фашистских войск, действующих на рязанском направлении.

Выполняя требование командования Западного фронта о том, чтобы не допустить удара противника по Рязани, я решил на период сосредоточения всех сил армии поставить в оборону западнее города три стрелковые дивизии — 322, 330 и 328-ю.

Утром 28 ноября вместе с членами Военного совета, секретарем обкома и работниками штаба я находился на рекогносцировке в районе Рыбное. По дороге со стороны Коломны мы обнаружили разрозненные группы вооруженных кавалеристов от 3—5 до 20—30 человек. Вперемежку с ними двигались отдельные орудия, повозки с пулеметами, санитарные двуколки с ранеными, кухни и т. п. Люди и лошади были очень утомлены и истощены. Кони, кроме того, были раскованы. На наши расспросы конники отвечали, что все они принадлежат к разным эскадронам и частям 41-й кавалерийской дивизии и вот уже несколько суток выходят из окружения после боев в районе Новомосковск, Узловая. Их сведения о силах дивизии были очень неопределенными и туманными, а о противнике, как видно, еще и преувеличенными. Через два-три дня мы установили, что из всей дивизии вышло 1427 человек и 1613 коней. В этот же день с запада, из района станции Гагарино на город Пронск, стали выходить из окружения подразделения и части 239-й стрелковой дивизии, упорно и успешно сражавшиеся до этого с войсками Гудериана под Тулой. В общей сложности она после сбора насчитывала 4502 человека, 580 лошадей и 3837 единиц легкого стрелкового оружия. Обе дивизии я подчинил себе, немедленно отправив об этом донесение Военному совету Западного фронта. Такое наше решение 1 декабря было утверждено.

Генеральный штаб информировал штаб 10-й армии о том, что с последних чисел ноября — первых чисел декабря к Ряжску **должна** начать железнодорожные перевозки из глубины страны 61-я резервная армия. Однако ее сосредоточение задерживалось. Связь со штабом 61-й армии нам удалось установить лишь 6—8 декабря через нашего офицера связи политрука Гречко. Рассчитывать на проводную связь с ней не приходилось, так как у 10-й армии к тому времени совершенно отсутствовали армейские линейные части связи. В дивизиях же средства связи были очень скудные, а в трех стрелковых дивизиях батальоны связи в те дни вообще отсутствовали.

Решение возникавших боевых задач и изучение оперативной обстановки, разумеется, не освобождало Военный совет 10-й армии от забот по контролю за продолжающимися железнодорожными перевозками войск, их выходом после выгрузки в назначенные районы, за временным там устройством, получением обмундирования, снаряжения, вооружения, боеприпасов, средств связи, саперного имущества, транспортных средств, топографических карт, за поступлением госпиталей и медико-санитарных средств. Надо было также ускорить организацию тыловых органов, добиться придания армии средств усиления. Этим Военный совет занимался все время.

Вопрос о средствах усиления 10-й армии был особенно острым. Из танков мы получили на усиление находившийся в Рязани почти небоеспособный 51-й танковый батальон. Его танки не выдерживали сколько-нибудь длительного марша даже по доро-

гам, отставали от пехоты и через несколько дней целиком вышли из строя. Просьбы отдать нам находившиеся в Рязани зенитно-артиллерийский и противотанковый артиллерийский полки не были удовлетворены. Из двух дивизионов «катюш» нам дали один, а обещанные до того танковую бригаду и два артполка РГК мы не получили вообще. Что касается авиации, то согласно уведомлению командующего Военно-Воздушными Силами генерала авиации П. Ф. Жигарева предполагалось, что по нашей заявке наступление армии будет поддерживаться самолетами, базирующимися в районе Шилово, Сасово, Шацк, Арзамас. Это были 66-й истребительно-авиационный полк на ЯК-1, 706-й авиационный полк на ПО-2 и 685-й авиационный полк на Р-5. Количество самолетов в них было крайне незначительным.

Выход соединений 10-й армии со станций выгрузки в районы своего временного пребывания чрезвычайно тормозился отсутствием или же большой нехваткой транспортных средств и в дивизиях, и в армии. И здесь, как в Пензенской области и в Мордовии, огромную помощь нам оказали местные организации. Рязанский, Спасский, Шиловский, Захаровский, Старожиловский, Сапожковский, Кораблинский районные комитеты партии и районные исполкомы сделали все, что было в их силах, для обеспечения соединений армии гужевым транспортом и фуражом. В домах многих сел — Грязного, Покровского, Березового, Александрова, Волосовки, Рогового, Саларьево, Федоровки были созданы столовые, работавшие днем и ночью. В них воины получали горячую пищу. Колхозы выделили сотни лошадей с повозками, упряжью и ездовыми для подвоза в дивизии боеприпасов, продовольствия, снаряжения. Сельские труженики с честью выполнили не только эту большую и ответственную задачу, но и другую, не менее важную и благородную: вывозили первые партии раненых, размещали их по своим квартирам, обеспечивали питанием, чистым бельем, ухаживали за ними, а затем отвозили в госпитали. Тем самым они очень серьезно помогли санитарной службе армии. Ведь в то время работа армейской базы еще не была налажена. Эта неоценимая помощь зачастую оказывалась ими в условиях собственных затруднений, а подчас и нужды.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 1 декабря 10-я армия была передана в состав Западного фронта[9]. На другой день Военный совет армии получил телеграмму с приказанием командующего фронтом: «Подготовку (наступления. — *Ф. Г.*) вести усиленным темпом, занимая выгодные исходные районы, организуя разведку и прикрытие... Обеспечить начало не позднее 4.12.41»[10]. Одновременно мне было приказано прибыть с личным докладом к командующему фронтом. Выехав вместе с адъютантом старшим лейтенантом В. П. Филимоновым из Рязани, мы за несколько часов достигли Москвы. Как же она изменилась за короткий срок! Это был настоящий прифронтовой город. Перегороженные рогатками площади. Баррикады на улицах. Скрытые огневые точки на перекрестках. Черные пятна плотно занавешенных изнутри окон. Усиленные патрули.

Все выглядело строгим и настороженным. Люди, которых мы встречали на улицах, были деловитыми и озабоченными. По западной окраине города многие тысячи москвичей рыли окопы и противотанковые препятствия, ставили надолбы, создавали дзоты.

И так на всем нашем пути до командного пункта фронта.

Около Перхушково машина круто свернула к зданию, где находился командующий генерал армии Г. К. Жуков. Он принял меня немедленно.

Расспросы и ответы о состоянии 10-й армии. Настойчивые просьбы по обеспечению ее связью, транспортом, снабжением, медицинским обслуживанием, и особенно по усилению танками, боевой авиацией и артиллерией.

Командующий фронтом обещал удовлетворить лишь незначительную долю нужд армии. Нам направлялось 15 армейских и 18 полковых радиостанций, немного провода из расчета на две дивизии, три кабельно-шестовые роты, направлявшиеся из Саратова и Пензы, а также две отдельные телефонно-эксплуатационные роты из Горького. Были

---

[9] Архив МО, ф. 353, оп. 66707, д. 1, л. 373.
[10] Там же, л. 391.

указаны три склада для снабжения горючим. Передавалось два гужевых транспорта по 1035 подвод. Командующий обещал дать нам укомплектованный на 50 проц. автомобильный батальон. Дорожных батальонов нам не было выделено ни одного. Я получил заверение, что все армейские тылы прибудут в Сасово 6 декабря [11]. И все. Средства усиления пока не выделялись. Мотивировалось это отсутствием их у фронта.

Генерал Жуков информировал меня о следующем.

Советское Верховное Главнокомандование принимает энергичные меры по обороне Москвы. Одновременно оно ведет подготовку к переходу в контрнаступление. Против флангов вражеских ударных группировок, наступающих на Москву, сосредоточивается несколько резервных армий, в их числе и 10-я. Одна из них — 1-я ударная, которой командует генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, 28—30 ноября уже приступила к боевым действиям на правом крыле Западного фронта. Он также отметил, что в предстоящем контрнаступлении 10-я армия будет действовать на левом фланге Западного фронта, и предупредил, что ей предстоит столкнуться с войсками из состава 2-й танковой армии Гудериана. Потом сообщил правую разграничительную линию армии. О левой было сказано больше предположительно. Относящиеся к ней пункты Ряжск, Малевка, Плавск и далее на запад были названы пока условно. О взаимодействии с соседом слева — Юго-Западным фронтом почему-то не было сказано ни слова.

Командующий фронтом подчеркнул, что 10-я армия в предстоящем контрнаступлении должна наносить главный удар на Михайлов, Новомосковск, при этом добавил, что активные действия необходимы и в направлении Зарайск, Венев. Далее он ориентировал, что переход в контрнаступление назначен на 6 декабря, но тут же предупредил, что возможно начало и 5 (замечу, кстати, что в этот же день, 2 декабря, непосредственно в штаб армии было передано распоряжение о готовности армии к переходу в наступление 4 декабря). К этому сроку армия могла изготовиться лишь в очень неполном составе как по числу дивизий, так и по составу частей почти в каждой из них. Ведь необходимо было еще и время, чтобы из района Рязани выйти на рубеж предстоящего перехода в наступление, не говоря уже о времени на подготовку к наступлению. Видимо, обстановка под Москвой была настолько трудной и критической, что ни Ставка, ни фронт не могли ожидать более полного сосредоточения и готовности армии.

Около четырех часов дня я двинулся в Рязань. Стемнело, и машина пошла медленнее, с большой осторожностью. Обратный путь занял почти четыре часа. Ехал полный впечатлений от встречи с командующим фронтом и раздумий о том, что надо сделать по приезде в Рязань в первую очередь.

Встреча прошла в общем с пользой. В ходе беседы со стороны командующего фронтом не было заметно спешки, хотя наш разговор продолжался не меньше двух часов. Несмотря на сложность положения на фронте, Г. К. Жукова за эти два часа мало отрывали от беседы. Непосвященному человеку, наблюдающему со стороны, могло бы даже показаться, как спокойно, размеренно, легко и просто протекает жизнь на этом КП.

Доклад мой командующий фронтом выслушал внимательно, изредка прерывая деловыми вопросами. Мои многочисленные заявления о неотложных нуждах армии рассмотрел сразу же, более или менее терпеливо, и ответ дал немедленно. Я сознавал, что возможности у комфронтом не столь уж большие, и поэтому не очень удивлялся незначительным долям обещаемого. Вместе с тем я не мог и не хотел понять полного отказа в минимальных просьбах об усилении армии танками, артиллерией, зенитными средствами и о помощи авиацией. В самом деле: с одной стороны, решающий Западный фронт, а с другой — такое абсолютное и безаппеляционное «не могу». Все свелось лишь к обещанию через какое-то время придать армии два батальона средних танков, один артполк РГК и два минометных дивизиона реактивной артиллерии. Таким образом, командарм-10, ведя армию в наступление против соединений танковой армии врага, в своих руках не имел никаких средств усиления, кроме единственного гвардейского минометного дивизиона из восьми установок...

---

[11] В действительности армия получила армейскую базу только 16 декабря.

Командующий фронтом держался просто, казался спокойным, хотя часто проявлял неусидчивость и порывистость. В суждениях был немногословен. Высказывался уверенно. К сожалению, он не смог обстоятельно осветить вопрос о силах противника в полосе предстоявшего наступления 10-й армии, а также внести ясность насчет того, что имеется из сил Западного фронта перед армией Гудериана между Зарайском и Раненбургом. Ничего не сказал он и о положении в районе Ряжска, несмотря на прямую угрозу этому исключительно важному в оперативно-стратегическом отношении узлу дорог. Я порицал себя за то, что не выяснил у командующего фронтом дальнейшей задачи армии и не получил более определенных данных о плане действий своих соседей справа — кавкорпуса П. А. Белова и 50-й армии И. В. Болдина.

Через трое суток армия должна перейти в наступление. Времени для подготовки явно не хватает, собственно, его почти нет. Дорог каждый час. Армейские инстанции, начиная с меня — командарма, могли использовать для себя лишь ничтожно малое время. Дивизиям нужно было отдать предварительные распоряжения о подготовке к выступлению и каждой из них поставить боевые задачи. До этого требовалось принять решение.

5 декабря, накануне дня контрнаступления, была получена письменная директива Военного совета фронта о боевой задаче 10-й армии [12]. Принятие решения на наступление армии затруднялось для меня тем, что эта директива не давала сведений, которые бы повышали осведомленность мою, членов Военного совета и штаба армии в замысле фронтовой операции на контрнаступление, в роли и дальнейшей задаче 10-й армии при его развитии, а также в задачах ее соседей — 50-й армии и кавкорпуса Белова справа, 61-й армии Юго-Западного фронта слева.

Что касается непосредственной оценки самой боевой задачи, поставленной армии, то она, на первый взгляд, казалась не столь трудной. Указанное ей направление главного удара из района Рязани на Михайлов и далее на Новомосковск являлось кратчайшим. Оно выводило на самые чувствительные и самые важные узлы расположения противника восточнее Тулы. В условиях далеко не завершенных железнодорожных перевозок армии данное направление в наибольшей степени гарантировало своевременность вступления ее войск в сражение, так как сосредоточение в районе Рязани трех наиболее боеспособных дивизий было уже завершено.

В соответствии с полученной задачей и принятым на Военном совете 10-й армии решением ее войска развертывались и переходили в наступление в полосе шириной 110—115 км. Для того чтобы создать необходимое превосходство на главном направлении, основные ее силы сосредоточивались в полосе шириной 50 км: от Захаровское до Гремячки. На этом фронте создавалась группировка из восьми дивизий — пять в первом эшелоне и три — во втором. На флангах армии развертывалось по одной дивизии: справа от Зарайска на Серебряные Пруды, Венев — 322-я стрелковая, а слева (в стыке с 61-й армией) — 41-я кавалерийская. За главной группировкой армии в Рязани продолжала сосредоточиваться последняя дивизия армии — 75-я кавалерийская.

Исходный для перехода в наступление войск армии рубеж назначался на линии: Зарайск, Захарово-2 (Захаровское), Пронск, Гремячка (9 км севернее Скопина). Переход с этого рубежа в наступление был назначен на 4 часа 6 декабря. Каждой дивизии было предписано вести разведку боем и иметь сильные головные, а также боковые отряды походного охранения.

Центр тяжести усилий в первый день наступления армии сосредоточивался на овладении городом Михайлов, где находилась главная группировка 10-й мотодивизии противника. Для гарантии успеха на Михайлов должны были наступать три дивизии: 328-я — с фронта, а 330-я и 324-я — с флангов.

Принятое решение было доложено командующему фронтом. Он его утвердил без поправок. После этого сущность решения и план действий войск армии были рассмотрены (4 декабря) на совещании с командирами и комиссарами дивизий с участием руководящих армейских работников. Самым сложным был вопрос о том, как обеспечить своевременность перехода армии в наступление с заданного рубежа под утро 6 декабря.

---

[12] Архив МО, ф. 353, оп. 66707, д. 1, л. 451.

По условиям обстановки 10-я армия вступала в сражение с ходу. Делалось это вынужденно — из-за полного отсутствия времени для заблаговременной подготовки, и было очень сложным, трудным и необычным для всех делом. Впереди — много неизвестного и неясного. К чести командиров и комиссаров дивизий, никто не высказывал ни жалоб, ни недоумений, ни сомнений. Каждый делал все от него зависящее для выполнения боевого приказа, все горели желанием: скорей бы начать...

Наступила последняя ночь перед переходом 10-й армии в наступление, ночь с 5 на 6 декабря 1941 года. К этому времени под каждодневным контролем и нажимом члена Военного совета армии С. Н. Кожевникова хозяйственники закончили выдачу теплого обмундирования. Теперь бойцы были одеты добротно, по-зимнему (правда, еще не везде хватало шапок и валенок). Все воины получили фронтовой паек. Для пулеметов и минометов были изготовлены небольшие санки и лыжи с лямками, а под колеса пушек и гаубиц артиллеристы приспособили широкие полозья.

И все же готовность войск к наступлению продолжала серьезно осложняться рядом обстоятельств, из которых главное — недостаток времени. Из шести дивизий первого эшелона армии на месте находилось только три правофланговых — 322, 330 и 328-я стрелковые. 324, 323 и 326-я в течение всей ночи должны были еще продолжать свой напряженный марш для выхода на указанный им исходный рубеж для перехода в наступление. Выйти на него, чтобы почти без всякой остановки двинуться на врага. Без всякой передышки. А ведь спешить пришлось с первого же дня, и большинство дивизий армии находилось почти в непрерывном движении с момента выгрузки из вагонов. Условия маршей были до крайности тяжелыми. Ради скрытности войска шли только по ночам, а в ночь на 6 декабря мороз был более 20 градусов. Движение сильно затруднялось буранами и снегом, особенно глубоким в многочисленных оврагах и поймах рек.

Ко всем трудностям и осложнениям прибавилось еще одно — 10-я армия во главе с ее командованием плохо знала противостоящего противника. Например, мы выявили, что в стыке между нами и 61-й армией Юго-Западного фронта находилась 18-я танковая дивизия армии Гудериана, однако о ее группировке и возможностях у нас не было никакого представления. Неизвестным было и общее количество танков в армии Гудериана в целом. Трудно было судить и о том, что противнику известно о 10-й армии: о ее сосредоточении, силе и намерениях. Было естественно считать, что знает он немало, так как наши части уже несколько суток вели войсковую разведку, около недели производилась выгрузка дивизий с железнодорожной колеи.

Как все это не походило на все наши довоенные представления, на то, что мы учили в академии и читали в книгах! Военная действительность оказалась неизмеримо суровее всего, что можно было представить в мирные годы даже при самом пылком воображении. Сейчас, как никогда прежде, требовалась от каждого из нас инициатива, сметливость и максимальная активность. Мы готовились к первому бою. Перед нами — враг, руководимый умным и смелым военачальником Гудерианом. Рядом — столица, под стенами которой нужно было разбить Гудериана, победно прошедшего со своими танками путь через всю Европу и от границ Советского Союза до Москвы. Всеми нами владела одна мысль: победить, сделать Подмосковье могилой для гитлеровцев, какими бы сильными они ни казались...

Близился рассвет 6 декабря 1941 года. Стали поступать донесения о том, что войска двинулись вперед. Начиналось контрнаступление под Москвой группы наших фронтов. Открывалась новая страница большой и героической истории Советской Родины.

Слово о защитниках Одессы

Маршал Советского Союза Н. КРЫЛОВ

ОБОРОНА Одессы летом и осенью 1941 года — героическое событие Великой Отечественной войны. Она знаменательна во многих отношениях. Это один из примеров длительной обороны крупного промышленного и культурного центра, большого порта со многими международными связями, военно-морской базы Черноморского флота.

Автор не ставит перед собой цель дать систематизированное описание хода боевых действий в период обороны Одессы. Это будет рассказ одного из участников событий [1], и посвящается он прежде всего героям обороны, тем, кто стоял во главе ее, и тем, кто непосредственно день за днем отражал многочисленные атаки врага, проявляя невиданные храбрость и мужество. Это — рассказ о защитниках Одессы, совершивших массовый подвиг во имя Родины. Но прежде чем перейти к воспоминаниям, хотелось бы кратко остановиться на том, как развивались события на одесском направлении в июле—августе 1941 года.

* * *

Оборона Одессы складывалась постепенно. Она началась при чрезвычайно неблагоприятной для нас обстановке на всех фронтах. Несмотря на героизм советских воинов, наши войска вынуждены были отступать. В те тяжелые дни у Одессы враг споткнулся, не будучи в состоянии с ходу захватить этот город. В первый месяц ее жители практически войны еще не ощущали, но с середины июля, когда противник форсировал Прут и захватил Кишинев, население уже стало привлекаться для строительства оборонительных рубежей вокруг Одессы: передового, главного и тылового.

Отдельная Приморская армия [2] вела бои на приморском направлении. Поэтому она тесно увязывала свои действия с Черноморским флотом. Не исключалось, что ей придется остаться в тылу у противника, конкретно — в районе Одессы. Весь ход дальнейших боевых действий этой армии является выражением борьбы за Черноморское побережье, и прежде всего за Одессу.

К концу второй декады июля противник вынудил войска 9-й армии отойти на восточный берег Днестра в районе Каменка, Дубоссары, Тирасполь. Боевые действия развернулись всего лишь в нескольких десятках километров от Одессы.

22 июля вражеская авиация нанесла первый удар по Одесскому порту. Началась эвакуация населения и промышленных предприятий. Отдельная Приморская армия в это время отходила своим правым флангом за Днестр, а левофланговые ее соединения отражали удары врага в нижнем течении Прута.

Военный совет Черноморского флота бдительно следил за обстановкой на южном крыле фронта. 27 июля 1941 года, когда войска Отдельной Приморской армии вели бои на Днестре, он обратился к Главнокомандованию юго-западного направления с предложением, а командиру военно-морской базы дал указание — готовить защиту Одессы с суши совместно с войсками округа. На другой день, 28 июля, на командный пункт 411-й батареи, где временно размещался флотский командный пункт базы и на-

---

[1] Маршал Советского Союза Н. И. Крылов в Отечественную войну вступил начальником штаба Дунайского укрепленного района в звании полковника; с июля по август 1941 года он исполнял должность начальника оперативного отдела Отдельной Приморской армии, а 22 августа был назначен начальником ее штаба. — *Ред.*

[2] Образованная 19 июля 1941 года Отдельная Приморская армия действовала на левом крыле советско-германского фронта. Она имела задачу прочно прикрыть одесское направление и город Одессу. Армией командовал генерал-лейтенант Г. П. Софронов.

ходился ее командир контр-адмирал Г. В. Жуков, поступило письменное распоряжение командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского о том, чтобы моряки базы и в целом флот готовились к упорной обороне Одессы всеми имевшимися силами и средствами. Именно это знаменовало собой переход от проводившейся до сих пор подготовки города к обороне в новую, наиболее интенсивную свою фазу. Нужно отметить, что многие из нас, в том числе и контр-адмирал Г. В. Жуков, до 27 июля считали, что эвакуация одесской военно-морской базы в обстановке отхода сухопутных войск полностью не исключалась. Это было тем более вероятным, что на наших глазах уже отошла вместе с армией Дунайская флотилия, готовились к эвакуации балтийские военно-морские базы. Распоряжение Военного совета Черноморского флота положило конец всяким колебаниям.

С 28 июля 1941 года, когда войска Южного фронта, отражая ожесточенные атаки наседавшего врага, начали отход к Южному Бугу, а в направлении Одессы отступали дивизии Отдельной Приморской армии, усилились работы по завершению строительства оборонительных рубежей вокруг города. Население приступило к строительству баррикад. В военно-морской базе началось формирование морских полков, артиллерийские батареи и корабли готовились поддержать боевые действия войск на суше. Поскольку артиллерия Отдельной Приморской армии оказалась без боеприпасов, флот взял их из своих запасов и в экстренном порядке подвез на двух эсминцах и передал армии; затем морские полки влились в состав сухопутных сил; корабли стали занимать огневые позиции.

5 августа Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву Южному фронту — Одессу не сдавать. Отдельная Приморская армия вошла в непосредственное подчинение Ставки с задачей оборонять Одессу до последней возможности. Это не была какая-то новая задача, поставленная перед ней впервые. Ставка вновь и в категорической форме лишь подтвердила то, что она требовала от войск и ранее и что войска фактически уже выполняли.

С 7 августа на подступах к Одессе соединения Отдельной Приморской армии начали отражать атаки противника; флот поддержал их артиллерией, свежим флотским пополнением. И хотя опыта у всех было мало, мы постепенно обретали силу для упорного сопротивления.

Решение об обороне Одессы предусматривало совместные действия сил флота и армии. 10 августа враг блокировал город, а 19 по решению Ставки был создан Одесский оборонительный район под командованием контр-адмирала Г. В. Жукова. Генерал-лейтенант Г. П. Софронов был назначен заместителем командующего районом и начальником всех его сухопутных войск. Генерал-майор Г. Д. Шишенин стал начальником штаба района.

То, что Ставка Верховного Главнокомандования ответственность за оборону Одессы возложила на Военный совет Черноморского флота, не вызывало у нас никаких сомнений. Это было правильное решение. Устойчивая и длительная оборона Одессы во всех отношениях зависела от флота. Связь с Большой землей, пополнение людьми, питание, эвакуация тяжелораненых — все это легло на плечи моряков.

Обязанности в Военном совете Одесского оборонительного района были распределены так: на дивизионного комиссара Ф. Н. Воронина были возложены вопросы, касающиеся сухопутной обороны, на бригадного комиссара И. И. Азарова — морская оборона и поддержка сухопутных войск с моря, на бригадного комиссара А. Г. Колыбанова — тыл и материальное обеспечение войск.

Командующий Отдельной Приморской армией и его штаб разрабатывали и проводили в жизнь решения, связанные с организацией сухопутной обороны. Все принципиальные вопросы обороны Одессы решались, как правило, Военным советом оборонительного района, который был подчинен Военному совету Черноморского флота. В изолированном с моря и суши приморском городе и районе вокруг него иначе не могло и быть. Это решение обеспечило сплочение всех воинов флота, армии и тружеников города, которое переросло в боевую дружбу, спаянную совместно пролитой кровью.

Итак, оборона города создавалась последовательно, что обусловливалось ходом событий на фронте. Теперь вернемся к рассказу об участниках обороны Одессы, вписавших немеркнущие страницы в боевую летопись истории.

* * *

Личный состав Одесской военно-морской базы, воины Отдельной Приморской армии, трудящиеся города хорошо понимали необходимость оборонять Одессу до последней возможности. Учитывая стратегическое значение крупнейшего порта на Черном море, а также морально-политический фактор, они с энтузиазмом и самоотверженностью встретили это решение высшего командования и выполнили его с честью. Оборона Одессы изобилует примерами массового героизма. Подразделения и части, солдаты и офицеры каждодневно проявляли высокое воинское мастерство, непоколебимую стойкость, бесстрашие. Вечной славой покрыли себя представители всех родов войск и видов вооруженных сил. В первых рядах защитников города были коммунисты и комсомольцы. Своими активными действиями наши воины наносили фашистам огромный урон. О многих героях — защитниках Одессы невозможно рассказать в одной статье. Поэтому здесь речь пойдет лишь о том, что наиболее ярко запечатлелось в памяти и известно автору по личным наблюдениям, по документам или рассказам боевых друзей.

В состав Отдельной Приморской армии входили 25-я Чапаевская, 95-я Молдавская стрелковые и 1-я кавалерийская дивизии. 25-я дивизия обороняла южный сектор, где противник неоднократно предпринимал наступательные действия и наносил весьма ощутимые удары. Особенно тяжелые бои развернулись 19 и 20 августа. Наши 25-я стрелковая и 1-я кавалерийская дивизии под напором 1-й пограничной и 21-й пехотной дивизий к исходу 20 августа вынуждены были отойти. Обстановка осложнилась тем, что командир 25-й стрелковой дивизии полковник А. С. Захарченко с утра 20 августа потерял управление подчиненными частями. Создавалось положение, при котором враг мог на плечах отступавших частей прорваться к западной окраине Одессы.

По решению Военного совета армии 20 августа командиром 25-й дивизии был назначен генерал-майор И. Е. Петров, а комиссаром — бригадный комиссар Степанов. Командующий армией поставил перед ними такую задачу: «Объединить под своим командованием 1-ю кавалерийскую дивизию, 90-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии, 25-ю стрелковую дивизию и к утру 21 августа восстановить положение на левом фланге армии».

Чапаевцы, встретив нового комдива, всматривались в него пристально, пытались разгадать, кого к ним прислали. Это был высокий, худощавый генерал, с лицом выразительным, чуть суровым властным голосом. Все в этой дивизии, в ее полках напоминало о славных революционных и боевых традициях, все было дорого сердцу каждого чапаевца. Своеобразно назывались полки 25-й Чапаевской: 54-й полк — имени Степана Разина, или просто Разинский, 31-й полк — Пугачевский имени Фурманова, 263-й полк — Домашкинский имени Фрунзе [3].

Уже после первых боев чапаевцы без оговорок приняли нового командира дивизии в свою дружную, сплоченную семью. Да и Петров тоже мог гордиться ими. Когда 31 и 287-й стрелковые полки под напором превосходящих сил противника с тяжелыми боями отошли на рубеж Вакаржаны, Петерсталь, Францфельд, особенно тяжелая обстановка создалась на участке обороны 287-го полка. 21 августа, как только забрезжил рассвет, генерал Петров появился на переднем крае этого полка. Двигаясь вдоль траншеи, он внимательно осмотрел участок, который, по его мнению, был самым уязвимым в обороне.

Командир второй стрелковой роты старший лейтенант И. Ф. Ромашкин знал, что к ним назначен новый комдив, слышал, что он человек крутого нрава, но не думал, что ему так скоро придется встретиться с ним. Проверяя готовность бойцов к отражению очередной атаки врага (атаки эти, как по расписанию, начинались каждый день в восемь часов), Ромашкин шел по траншее и у одного из окопов увидел незнакомого

---

[3] 287-й стрелковый полк почетного наименования не имел.

человека, который, положив руки на бруствер, внимательно смотрел в сторону противника, одновременно спрашивая что-то у рядом стоявшего бойца. Командир роты возмутился поведением солдата и ускорил шаг. В то время был строгий приказ: при появлении в расположении роты посторонних бойцы должны немедленно доставлять их к командиру, а тут...

Услышав приближающиеся шаги, они повернулись. Ромашкин увидел у незнакомца в петлицах генеральские звездочки и остановился в нерешительности. Наконец, приняв положение для отдачи рапорта, он доложил:

— Товарищ генерал! Вторая стрелковая рота прочно удерживает оборону порученного ей участка!

Генерал пожал руку командиру роты:

— Мы тут с вашим бойцом решаем вопрос, как лучше уничтожить врага, когда он снова начнет атаку. У вас очень трудный участок. Вы это сознаете?

— Поэтому и доверили его второй роте, —не растерявшись, с гордостью ответил Ромашкин.

Дав несколько советов командиру роты, генерал ушел на командный пункт батальона. Пока он связывался со своим штабом, противник начал артиллерийскую подготовку. От разрывов мин и снарядов содрогалась земля, черные тучи гари и пыли поднялись высоко в воздух. Так продолжалось целый час. А как только враг перенес огонь в глубину обороны, его пехота пошла в атаку. В ее цепях двигались легкие пушки и минометы.

Генерал Петров наблюдал за развертывавшимися событиями с командного пункта первого батальона. Он заметно волновался: враг упорно рвался к нашим окопам, огонь наших бойцов не мог остановить атакующих.

— Надо контратаковать их! — крикнул генерал командиру батальона. Но бойцы второй роты и так уже поднялись и бросились за бегущим впереди политруком Небратом. Перед неприятелем мгновенно выросла цепь наших воинов. Солдаты противника не приняли штыкового боя и побежали обратно. Пять противотанковых пушек с запасом снарядов, два миномета, станковый пулемет и большое количество винтовок стали трофеями роты. Новый комдив был доволен: с такими бойцами воевать можно.

Тяжелые бои на участке 25-й Чапаевской стрелковой дивизии не прекращались ни днем, ни ночью вплоть до 2 сентября. Особенно ожесточенный характер носили атаки захватчиков в последние трое суток. За это время чапаевцы под командованием генерала И. Е. Петрова перемололи не менее двух вражеских дивизий и не пропустили врага.

25-я Чапаевская дивизия, сражавшаяся на главном направлении, обороняла исключительно важное для Одессы село — Беляевку, стоящую на излучине Днестра к северу от Днестровского лимана.

Однажды, приехав на командный пункт дивизии, я особенно долго пробыл там. Раздумывая над планами обороны Одессы, особенно на участке 25-й дивизии, Иван Ефимович спросил меня:

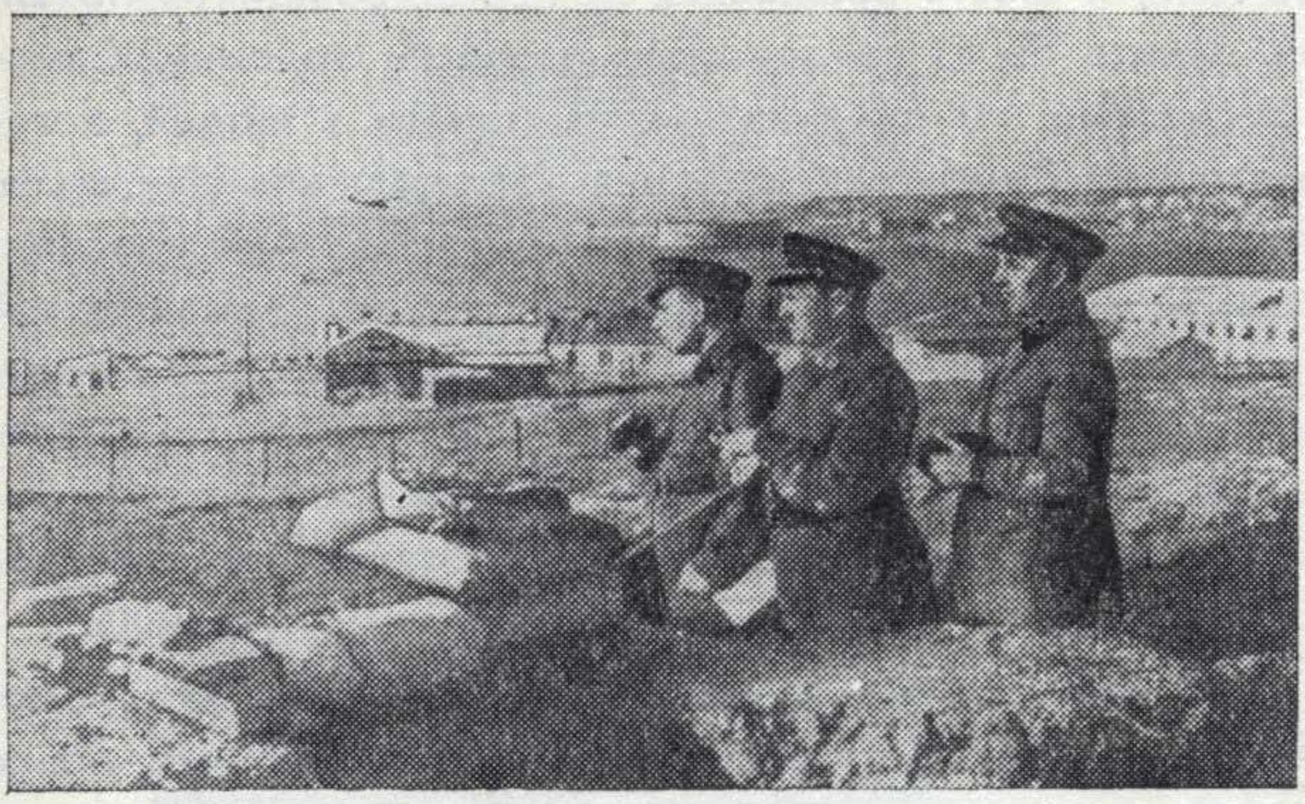
— А как вы думаете, каковы будут наши перспективы, если противник займет Беляевку?

Меня такой вопрос тоже волновал, но свои соображения на этот счет не очень хотелось высказывать товарищам — утешительного в них было мало. И, когда меня спросили об этом, я ответил:

— Перспектива в таком случае ясна. Не станет Беляевки — Одесса лишится пресной воды. Поэтому я не мыслю себе здесь обороны пассивной, без активных действий с нашей стороны. Нам надо наряду с обороной предпринимать контратаки.

— Верно, — с удовлетворением сказал Петров.

Иван Ефимович с первой же встречи произвел на меня впечатление человека сильного, воина опытного и умного, обладающего военным талантом и смелого в бою. Говорил он отрывистыми, четкими, словно рубленными фразами. Голова его периодически сильно подергивалась. Пенсне при этом дрожало, казалось, вот-вот оно свалится, и левой рукой он поминутно поправлял его на носу. Тогда мы еще не знали,

На командном пункте Отдельной Приморской армии. Слева направо: Н. И. Крылов, И. Е. Петров и Н. К. Рыжи

что это—нервный тик, результат контузии, полученной в борьбе с басмачами в Средней Азии.

Наша дружба с каждым днем все более укреплялась. Позже, когда его назначили командующим Отдельной Приморской армией, он напомнил мне разговор о Беляевке и посоветовал при всех вариантах разработки наших оборонительных планов не забывать об активных действиях. И мы всегда придерживались этого принципа, особенно на правом фланге. К сожалению, отбросить противника далеко за Одессу в условиях малочисленности войск и блокады ее с суши у нас возможности не было.

Иван Ефимович работал очень много. Отдыхал, частенько не раздеваясь, на диване в штабе. Поспит с полчаса-час и снова за дело. Я рад тому, что вместе с этим человеком, предельно храбрым, не терявшим своего хладнокровия даже в самые горячие моменты, мне пришлось участвовать в защите Одессы и Севастополя. В тяжелые минуты И. Е. Петров появлялся в частях и подразделениях, вносил бодрость и уверенность, и бойцы с новыми силами продолжали громить врага.

С большой любовью наши бойцы, командиры и политработники произносили имя генерала Петрова. После войны одесситы не забывают своих героев. К радости ветеранов, в поселке Большой фонтан есть сейчас новая улица, названная именем генерала Петрова.

Хочется сказать несколько слов о 95-й Молдавской стрелковой дивизии, оборонявшей западный сектор, и о ее командире Василии Фроловиче Воробьеве, который был моим давним другом. С ним мы служили вместе еще в 1-й Тихоокеанской дивизии в 1927—1929 годах. До нашего знакомства он два года был начальником штаба 34-го Омского стрелкового полка 12-й имени Сибревкома дивизии. Перед Отечественной войной преподавал в Академии Генерального штаба, а в самый канун ее перешел служить в войска на штабную работу. 10 июля 1941 года Василий Фролович был назначен начальником оперативного отдела штаба Приморской группы войск. В Одессу прибыл, когда войска Южного фронта отходили к Днестру.

Получив приказ о своем новом назначении на должность командира 95-й дивизии, он в ту же ночь выехал ее встречать.

— Я был очень обрадован этому назначению, — рассказывал он впоследствии. — Исполнилась заветная мечта — командовать дивизией, да еще на фронте. Одно смущало — справлюсь ли, ведь моему предшественнику генералу А. И. Пастревичу, человеку опытному в боевом отношении, тут не повезло...

Знакомство командира с частями дивизии состоялось в тот момент, когда колонны ее полков проходили через село Буденновку. Стоял солнечный, жаркий полдень. Новый комдив собрал командиров и комиссаров полков, выслушал их доклады о последних боях. Но вот в небе появился вражеский разведчик. Войска встретили его огнем зенитных пулеметов и винтовок. Стреляли все, кто мог. Загоревшаяся машина приземлилась километрах в двух за Буденновкой. Командир 161-го стрелкового полка полковник С. И. Серебров и пограничники быстро выехали к вражескому самолету, чтобы задержать летчиков. Скоро они вернулись с большим количеством документов, трофейным оружием и парашютами. Летчики же успели скрыться в густых посадках кукурузы.

Прошло совсем немного времени, и шесть вражеских бомбардировщиков появились над деревней. В населенном пункте было невозможно развести колонну. Самолеты начали сбрасывать бомбы. К счастью, ни одна из них не попала в людей, кого-то только осыпало землей. Несмотря на бомбежку, колонна продолжала двигаться. Никто не покинул строя, никто не остановился, не пытался прятаться. Как мне впоследствии рассказывал Василий Фролович, ему навсегда запомнился этот характерный штрих, дополнявший его первое представление о дивизии. В непрерывных боях от самой границы дивизия имела большие потери в людях и технике. Но эти жертвы, хотя они и были очень тяжелыми, не прошли даром. Оставшиеся в строю многому научились, закалилась их воля, укрепилась решимость к борьбе. 95-я Молдавская стрелковая дивизия была готова к самым суровым испытаниям и с честью их выдержала.

Среди защитников Одессы было много прославленных боевых частей, воинов которых часто именовали по фамилии их командиров. О храбрости воинов 1-го полка морской пехоты, которым командовал ветеран гражданской войны, старый большевик полковник Я. И. Осипов, складывались легенды. Моряки-осиповцы — так называли воинов этого полка — занимают особое место в эпопее обороны Одессы. Они как бы олицетворяли собой неразрывное единство нашей армии и флота, их братскую боевую дружбу. Морская пехота была грозой для врагов, они называли ее «черной тучей». По пять-шесть раз в сутки шли в атаку морские пехотинцы, и не было случая, чтобы их атака не увенчалась успехом.

В историю обороны Одессы одну из славных страниц вписали советские артиллеристы и среди них прежде всего воины 265-го корпусного артиллерийского полка, которым командовал майор Н. В. Богданов. «Богданов был удивительным человеком,— вспоминает бывший командир 9-й батареи полка Алексей Владимирович Высоцкий, тогда лейтенант, а ныне подполковник запаса, журналист, режиссер, хорошо знавший полковника Богданова. — В мирное время нам особенно дороги были две черты его характера — требовательность и справедливость. В дни войны мы увидели в нем еще и необычайную храбрость и человечность».

Основы боевых успехов воспитанного им полка были заложены еще в мирное время. Полк в предвоенный период добился высоких показателей в боевой и политической подготовке, а его командир был награжден орденом Знак Почета и избран в 1938 году депутатом Верховного Совета УССР.

Богданова, скромного и отважного человека, можно было часто видеть на командных пунктах командиров стрелковых частей и подразделений, которые поддерживал его полк. Под его умелым командованием полк наносил противнику огромный урон. Нам стало известно, что вражеское командование за голову Богданова назначило 50 тыс. румынских лей. Но эту «награду» получить не удалось никому. Сам же Богданов за геройство и отвагу в октябре 1942 года был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Артиллерийский полк, которым он командовал, получил орден Красного Знамени, а затем, при обороне Севастополя переименован в 18-й гвардейский. В дни обороны Одессы в честь славных воинов полка один из защитников города-героя А. Гончаренко сложил «Песню о богдановцах».

Николай Васильевич Богданов пал смертью храбрых в 1943 году при освобождении Брянска, командуя 20-й артиллерийской дивизией. Но богдановцы, славные его однополчане, боевые традиции своего полка пронесли сквозь огонь сражений до самых стен рейхстага.

Всем защитникам города был известен своей стойкостью, умением воевать 161-й стрелковый полк, которым командовал полковник С. И. Серебров. Обороняясь на рубеже Мангейм, Беляевка, он преградил путь дивизии противника. Четверо суток продолжались упорные бои. На пятый день из захваченных у врага документов выяснилось, что остатки этой дивизии спешно были отозваны с передовой на пополнение. Вместо нее появилась свежая дивизия. Вновь начались тяжелые бои. Временами некоторые подразделения полка сражались в полном окружении, но тем не менее стойко держались до подхода резервов.

Под Одессой геройски сражался командир минометной роты младший лейтенант В. П. Симонок, с которым мне не раз приходилось встречаться. До войны он был пред-

Я. И. Осипов

Н. В. Богданов

седателем колхоза на черниговщине. Привычка руководителя находиться всегда среди людей наложила отпечаток на его действия на фронте. Все получалось у Владимира Поликарповича основательно, ладно. Командовал он своими минометчиками без суеты и спешки, а когда требовала обстановка — увлекал личным примером. Однажды, уже на подступах к Одессе, минометная рота вела бой, который продолжался свыше суток. Командир роты с крыши сарая корректировал огонь минометов. Атака следовала за атакой. Во время одной из таких атак вражеская пехота, следуя за танками, приблизилась к нашим позициям. Минометчики по команде младшего лейтенанта Симонка открыли сосредоточенный огонь по танкам. Взрывом мины была перебита гусеница головного танка. Машина закружилась на месте. Движение застопорилось. Остальные танки повернули вспять, а вслед за ними откатилась в исходное положение и пехота. К подбитому танку пополз младший лейтенант Овсянников с двумя бойцами. Бутылки с горючей смесью, брошенные ими, довершили дело: танк запылал, его экипаж был захвачен в плен.

В другом бою, когда большая группа вражеских солдат просочилась в нашу оборону на стыке подразделений, Симонок с шестью бойцами решительно контратаковал их, в результате чего противник был полностью уничтожен. В качестве трофеев семерка смельчаков захватила пушку, два пулемета, несколько автоматов и винтовок[4].

Самоотверженно защищали Одессу советские летчики, отбивая воздушные атаки на город. Много подвигов в боевую летопись вписал личный состав истребительного авиационного полка, которым командовал Герой Советского Союза майор Л. Л. Шестаков. 150 боевых вылетов в небо Одессы совершил летчик С. А. Куница, в воздушных боях сбив шесть вражеских самолетов. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. Этого высокого звания удостоились Александр Цурцумия, Андрей Кондрашин, Алексей Алелюхин, Константин Денисов, Алексей Череватенко и другие.

Рассказывая о боях за Одессу, нельзя не вспомнить наших героических женщин. Они заменяли у станков мужчин, ушедших на фронт, заботились о больных и раненых. Многие из них сражались с оружием в руках. Вместе с нами обороняли Одессу пулеметчица комсомолка Нина Онилова и снайпер Людмила Павличенко, ставшие Героями Советского Союза.

---

[4] Впоследствии В. П. Симонок за доблесть и отвагу, проявленные при защите Одессы и Севастополя, был удостоен звания Героя Советского Союза.

С. И. Серебров

«Наша Анка» — так называли Нину Онилову бойцы и командиры 25-й Чапаевской дивизии. Двадцатилетняя девушка до войны жила в Одессе, работала на джутовой фабрике. По вечерам училась в стрелковом кружке, изучала пулемет. Но началась война, и Нина вместе с подругами попросилась на фронт. Она была зачислена пулеметчицей в 54-й Разинский полк.

В одну из темных ночей под Одессой Нина держала свой первый боевой экзамен. Когда вышел из строя первый номер расчета, девушка не растерялась и, подпустив на близкую дистанцию атакующие цепи, открыла по ним губительный огонь. Вскоре имя отважной пулеметчицы стало широко известно не только в полку и дивизии, но и во всей Отдельной Приморской армии.

В сентябре 1941 года коллектив завода имени Январского восстания изготовил для защитников Одессы из тракторных тягачей несколько боевых машин, похожих на танки. Идея о создании таких танков возникла у главного инженера завода, ныне пенсионера, коммуниста Пантелеймона Константиновича Романова. В осажденном городе негде было взять броневую сталь, но январцы оказались находчивыми. Они предложили для танков слоеную броню — между двумя стальными листами помещали дощатую прокладку. При испытании этой оригинальной брони оказалось, что пули ее не пробивают. Не терявшие чувства юмора одесситы шутливо окрестили эти машины именем «На испуг». Так появилось полсотни самодельных, но годных для боя танков «НИ». И вот однажды в один из таких танков, а экипажи их состояли только из добровольцев, села за пулемет Нина Онилова и из него разила врага. За героические подвиги, проявленные в период обороны Одессы, славная советская девушка Нина Онилова была награждена орденом Красного Знамени.

На боевом счету другой героини Одессы — снайпера, старшего сержанта Людмилы Павличенко — 187 уничтоженных солдат и офицеров противника. Людмила была студенткой. Началась война, и она пошла защищать Одессу, а затем Севастополь. Ее заслуга состоит еще и в том, что она обучила многих воинов искусству ведения сверхметкого огня.

В пламени обороны Одессы крепла и закалялась боевая дружба бойцов и командиров, всех славных защитников героического города. Ее проявления можно было наблюдать повсюду и ежечасно. Она объединяла работников штаба армии с частями и соединениями, с командирами военно-морского флота, с населением города. И это позволяло наиболее рационально использовать наши силы, резервы и ресурсы, а их было не так уж много.

Одной из наиболее сложных проблем, заниматься которой приходилось повседневно руководству обороной, было обеспечение войск и населения продовольствием и водой. Питались и кониной: скота здесь было мало, а лошади оказались в некотором избытке. И все же войска получали все для них необходимое. Работники тыла во главе с интендантом армии А. П. Ермиловым работали четко, проявляя большую инициативу.

Рассчитывать на полное удовлетворение наших нужд в вооружении и боеприпасах перевозками с Большой земли не приходилось. Поэтому в осажденной Одессе было организовано производство и ремонт бронепоездов, танков, бронемашин, минометов и мин, огнеметов, ручных гранат, запалов для бутылок с горючей жидкостью, полевого кабеля. Рабочие и работницы города показали настоящий, большой советский патриотизм, самоотверженность и героизм. Деятельность коммунистов и трудящихся Одессы возглавляли такие руководители, как первый секретарь Одесского об-

кома партии, член Военного совета Одесского оборонительного района А. Г. Колыбанов, секретарь горкома партии Н. П. Гуревич, председатель облисполкома Н. Т. Кальченко, председатель горсовета Б. П. Давиденко и другие.

Л. М. Павличенко

Бои под Одессой велись непрерывно. Противник нес большие потери, но и ряды защитников ее таяли. Рядовой состав мы пополняли за счет войск, поступавших из тыла, госпиталей, а также призывая годных к службе в армии горожан. А вот с командным составом дело было сложнее. Пришлось организовать переподготовку начсостава тыловых учреждений, готовить из него строевых командиров, способных вести бой. Так была решена на месте и эта проблема.

* * *

Оборона Одессы вошла в историю Великой Отечественной войны как образец организованного взаимодействия сухопутной армии и флота, которые надолго приковали здесь крупную вражескую группировку, не позволив гитлеровцам использовать эти силы на других направлениях. Десятки тысяч солдат и офицеров потеряли фашистские захватчики в боях на подступах к Одессе. Сотни вражеских самолетов и танков превратились здесь в груду металлолома.

Длительная оборона Одессы в условиях блокады с суши явилась примером мужества и самоотверженности советских воинов и народа. Подвиг ее защитников вселял веру в силу нашего оружия.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Азербайджанская советская историография Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

В ИСТОРИОГРАФИЮ Великой Отечественной войны определенный вклад внесли азербайджанские историки. Автор данной статьи ставит своей задачей дать краткий обзор азербайджанской литературы по этой теме.

Уже в ходе Отечественной войны в Азербайджане публиковались работы, в которых освещалась сложность военной обстановки, отдельные события на фронте и в тылу, рассказывалось об участии воинов-азербайджанцев в боевых операциях, их героизме в борьбе за социалистическое Отечество.

Участию азербайджанских воинов в Отечественной войне, их подвигам посвящены интересные работы Г. Мамедова, М. Казиева, Б. Ахундова, Ю. Гришина, Р. Кулиева, А. Смелова, П. Пашинина и др.[1]. В них описываются бои за Кавказ, Москву и Ленинград. Следует отметить Сборник документов и работу А. Касимова, посвященные боевым действиям 416-й азербайджанской Краснознаменной Таганрогской стрелковой дивизии, героизму ее людей[2].

Во время войны вышли первые работы о солдатах, отличившихся в боях, о советских воинах, командирах и политработниках, которые отдали свою жизнь за счастье народа в борьбе против порабощения, о Героях Советского Союза младшем лейтенанте Исрафиле Мамедове, Гафуре Мамедове, Идрисе Сулейманове и других[3].

Об огромной политической и организационной работе по созданию партийного подполья и партизанских отрядов, об их боевой и политической подготовке рассказывается в работе З. Ибрагимова «Из истории партизанского движения народов Советского Союза»[4]. В священной народной борьбе участвовали представители всех народов Советского Союза, в том числе и азербайджанцы, по тем или иным

---

[1] Мамедов Г. Сыны Азербайджана в боях за Родину. Журн. «Пропагандист», 1942, № 7—8 (на азерб. яз.); Казиев М. Великая Отечественная война и азербайджанский народ. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Его же. Сыны Азербайджана на фронтах Великой Отечественной войны. Баку, 1943; Ахундов Б. Азербайджанцы в боях за родной Кавказ. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Кулиев Р. Сыны Азербайджана в боях за Москву и Ленинград. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Гришин Ю. Сыны Азербайджана в боях за Родину. Журн. «Пропагандист», 1943, № 8; Смелов А. Азербайджанские большевики на фронтах Отечественной войны. «Теблигатчы», 1944, № 3 (на азерб. яз.); Пашинин П. Советский Азербайджан в Великой Отечественной войне. В кн. «Советский Азербайджан», М., 1948.

[2] 416-я Краснознаменная Таганрогская стрелковая дивизия. Сборник документов. Баку, 1944; Касимов А. Люди и боевая деятельность одной дивизии. Баку, 1944 (на азерб. яз.).

[3] Слава героям Отечественной войны. Баку, 1941; Заманов А. Бессмертные герои. Журн. «Пропагандист», 1943, № 6 (на азерб. яз.); Славные сыны Азербайджана. Баку, 1942. Книга первая (на азерб. яз.); то же. Книга вторая. Баку, 1944; то же. Книга третья. Баку, 1945; Токаржевский Е. Крылатый богатырь. Летчик Г. Алиев. Очерк. Баку, 1942; Политрук Кямал Касимов (Герой Отечественной войны). Баку, 1941; то же, изд. 3, Баку (на азерб. яз.); Героические сыны азербайджанского народа. Баку, 1942 (на азерб. яз.); то же. Известия Азерб. филиала АН СССР (далее: Изв. АзФАН СССР), 1942, № 2; Молодые герои в Отечественной войне. Баку, 1942 (на азерб. яз.); Храбрые сыны азербайджанского народа. Баку, 1942 (на азерб. яз.); Тахмасиб М. Сыны азербайджанского народа — герои Отечественной войны. Изв. АзФАН СССР, 1942, № 2; Героический сын азербайджанского народа Ази Асланов (очерк). Баку, 1944 (на азерб. яз.); Велиев А. Преданный командир. (О Адиле Абилове). «Коммунист», спец. номер, 1944; Саркисов А. Генерал Ази Асланов (очерк). Баку, 1946; Лерман А. Умелый командир Аким Аббасов. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Балаоглан Аббасов. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Герой Советского Союза Гафур Мамедов. Баку, 1943; Айро С. Герой Советского Союза Гафур Мамедов. Баку. 1943; его же. Амрулла Дадашев. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Агаев А. Герой Советского Союза Идрис Сулейманов. Баку, 1944 (на азерб. яз.); Джавадов Г. Генералы азербайджанского народа Алиага Шыхлинский, Самедбек Мехмандаров, Тарлан Алиярбеков, Ази Асланов, Гейдар Гейбатов. Журн. «Теблигатчы», 1945, № 2; Герой Советского Союза младший лейтенант Исрафил Мамедов. Баку, 1942 (на азерб. яз.); Герой Советского Союза Исрафил Мамедов. Журн. «Ветен угрунда», 1942, № 1 (на азерб. яз.); Советский богатырь. Баку, 1942 (на азерб. яз.).

[4] Ибрагимов З. Из истории партизанского движения народов Советского Союза. Журн. «Пропагандист», 1942, № 5 (на азерб. яз.).

причинам оказавшиеся в оккупированных районах. Героические подвиги некоторых из них нашли отражение в исследованиях периода войны [5].

Во время войны работники газет и журналов приложили большие усилия, чтобы наиболее полно рассказать о событиях на фронтах и в тылу. Многие корреспонденты и сотрудники прессы часто были непосредственными свидетелями ожесточенной борьбы с врагом, создавали свои очерки и информации на полях сражений. Роли периодической печати во время Великой Отечественной войны, деятельности и значению фронтовых газет посвящены работы И. Эфендиева и Г. Гулиева [6].

Наряду с работами, описывающими героизм советских воинов на фронтах Отечественной войны, были опубликованы материалы о трудовом героизме советских людей в тылу, обеспечивавших фронт всем необходимым для успешного ведения войны, для разгрома врага. Об организаторской работе Коммунистической партии Азербайджана в тылу в этот период рассказывается в работах Н. Али-заде и С. Гейдарова [7]. Самоотверженности рабочего класса Азербайджана, поставлявшего фронтам боевую технику, вооружение, боеприпасы, снаряжение и обмундирование, посвящена работа З. Ямпольского [8].

О неутомимых тружениках сельского хозяйства — колхозном крестьянстве и рабочих совхозов, снабжавших Советскую Армию и тыл продовольствием, говорится в работе А. Саркисова [9].

Самоотверженно трудились на фабриках, заводах, колхозных полях, на всех участках культурного и хозяйственного строительства советские женщины. Многие из них активно боролись с врагом на фронтах, о чем написана брошюра М. Джаббара [10].

Достойный вклад в дело победы над врагом внесла интеллигенция Азербайджана. Ее деятельности в области науки, искусства, народного хозяйства в период Великой Отечественной войны посвящены работы А. Якубова, Г. Гусейнова, З. Джангирова и др. [11].

Могущественным оружием в борьбе против немецких оккупантов явилась социалистическая идеология дружбы народов, равноправия рас и наций. Она одержала победу над человеконенавистнической фашистской идеологией расизма и национализма. Эти вопросы освещаются в исследованиях З. Ибрагимова и Г. Антоняна [12].

Говоря в целом о литературе рассматриваемого периода, посвященной различным аспектам Великой Отечественной войны, следует сказать, что несмотря на определенные достижения (хотя бы сам факт ее появления), это были главным образом статьи, очерки, брошюры, не лишенные неточностей и противоречивых оценок событий. Мало было опубликовано документальных материалов.

За прошедший после XX съезда период историками Азербайджана созданы интересные исследования по истории Великой Отечественной войны. Их работа основывается на новых документах, богатых материалах различных архивов.

Большой интерес представляют труды, посвященные участию воинов-азербайджанцев в Великой Отечественной войне, их героическим делам во имя Родины, мужеству и стойкости советских солдат, сержантов, офицеров и генералов, чьи ратные подвиги, совершенные в самом

---

[5] Токаржевский Е. Азербайджанские партизаны в боях за Родину. Баку, 1942 (на азерб. яз.); Храбрый партизан. О Б. Дадашеве. Баку, 1943 (на азерб. яз.); Лерман А. Храбрые советские партизаны мстят за народ. Журн. «Пропагандист», 1942, № 1 (на азерб. яз.); Абасов Ш. Партизаны. Журн. «Ветен угрунда», 1944, № 1 (на азерб. яз.); Кязимов А. А. Старый партизан. Журн. «Ветен угрунда», 1946, № 10—11 (на азерб. яз.).

[6] Эфендиев И. «Коммунист» в дни Великой Отечественной войны. «Коммунист», спец. выпуск, 1944; Гулиев Г. Фронтовые газеты в дни Великой Отечественной войны. Баку, 1954 (на азерб. яз.).

[7] Али-заде Н. Работа партии по подготовке обороны страны. Журн. «Теблигатчы», 1948, № 2; Гейдаров С. Организаторская работа Коммунистической партии Азербайджана в тылу в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Баку, 1953. (Автореф. кандидатск. дисс.).

[8] Ямпольский З. Заслуга рабочего класса. Журн. «Пропагандист», 1943, № 8 (на азерб. яз.).

[9] Саркисов А. Патриотизм колхозного крестьянства Азербайджана. Журн. «Пропагандист», 1943, № 8 (на азерб. яз.).

[10] Джаббар М. Храбрые девушки. Баку, 1948 (на азерб. яз.).

[11] Якубов А. 200 тысяч рублей в фонд строительства танковой колонны «За передовую науку». Изв. АзФАН СССР, 1942, № 4; его же. Ученые Азербайджана в дни Великой Отечественной войны. Изв. АзФАН СССР, 1942, № 11; то же. Баку, 1942 (на азерб. яз.); Гусейнов Г. Славное дело интеллигенции Азербайджана. Журн. «Пропагандист», 1943, № 11 (на азерб. яз.); Джангиров З. Коммунисты-ученые. Азербайджанский филиал АН СССР в дни Отечественной войны. Изв. АзФАН СССР, 1942, № 11.

[12] Ибрагимов З. Братья по оружию. Журн. «Пропагандист», 1942, № 7—8 (на азерб. яз.); Антонян Г. Великая дружба. Нерушимая дружба народов Закавказья. Журн. «Ветен угрунда», 1942, № 1 (на азерб. яз.).

начале войны, заложили основы нашей победы над гитлеровским вермахтом [13]. В этих работах названы имена бойцов, которые в борьбе с фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу врага отдали жизнь, но обрели бессмертие.

Книга «Герои Советского Союза Азербайджана», подготовленная коллективом сотрудников отдела истории советского общества Института истории АН АзССР [14], состоит из 73 очерков о славных сынах Азербайджана — Зии Буниятове, Магерраме Дадашеве, Илье Каверине, Мусеибе Багирове, Ашоте Каспарове, Мехти Кулиеве, Аслане Везирове и др. Второе издание этой книги, вышедшей под названием «Герои Советского Союза — сыны Азербайджана» [15], подготовлено сотрудниками Института истории АН АзССР и другими историками республики в связи с 20-летием окончания Великой Отечественной войны. В него вошло 30 новых очерков о героях, многие из которых в настоящее время занимаются мирным трудом на благо народа.

О славных подвигах 416-й азербайджанской Краснознаменной Таганрогской стрелковой дивизии, которая с первых дней войны вместе со всеми вооруженными силами нашего многонационального государства защищала социалистическую Родину и вписала яркие страницы в историю Великой Отечественной войны советского народа, рассказывается в работах Р. Зейналова и Л. Бородетского [16]. В них описываются героические бои за Кавказ и боевой путь дивизии от Моздока до Берлина.

Деятельности Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны в разных отраслях народного хозяйства посвящены работы С. Гейдарова, Г. Мехтиева и М. Казиева, С. Гущина [17]. Неустанная деятельность Коммунистической партии Азербайджана по оказанию помощи фронту освещается в работах М. Аббасова, Г. Шахраманяна, С. Гущина и Г. Мехтиева [18].

О деятельности ленинского комсомола и молодежи в период войны, их героизме рассказывается в книге А. Багирадзе [19].

Интересные факты об участии азербайджанцев в партизанском и антифашистском движении приводятся в работах Г. Мадатова и М. Сеидова [20]. В книге «Путь героя» описывается боевая деятельность славного сына азербайджан-

---

[13] Курбанов М. За Родину! Баку, 1957 (на азерб. яз.); Мужественные сыны Азербайджана. Сб. статей. Баку, 1959 (на азерб. яз.); Кулиев Г. Незабываемые дни. О Великой Отечественной войне. Баку, 1960 (на азерб. яз.); его же. Бессмертные герои. Баку, 1962 (на азерб. яз.); Новрузов И. Последняя атака. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Герои Советского Союза Азербайджана. Баку, 1963 (на азерб. яз.); Шаламова Л. Об участии воинов Азербайджана в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Материалы по истории Азербайджана, т. 4. Баку, АН Аз. ССР, 1963; Зейналов Р. Славные страницы героизма. Журн. «Азербайджан Коммунисти», 1962, № 6 (на азерб. яз.). За Родину! Баку, 1965; Саркисов А. Героические дочери Кавказа. Рассказы о подвигах дочерей народов Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Баку, 1965.

[14] Герои Советского Союза Азербайджана. Баку, 1963.

[15] Герои Советского Союза — сыны Азербайджана. Баку, 1965.

[16] Зейналов Р. От Моздока до Берлина. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия истории и философии, 1963, № 2; его же. Дорогой побед. О боевом пути 416-й азербайджанской стрелковой дивизии. Журн. «Литературный Азербайджан», 1963, № 4; Зейналов Р., Бородетский Л. От предгорий Кавказа до Берлина. (Военно-исторический очерк). Баку, 1965 (на азерб. яз.).

[17] Гейдаров С. Коммунистическая партия Азербайджана в период Великой Отечественной войны, Баку, 1957 (на азерб. яз.); то же. Журн. «Азербайджан мектебои», 1957, № 7; Мехтиев Г. и Казиев М. Коммунистическая партия Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Журн. «Азербайджан Коммунисти», 1960, № 11 (на азерб. яз.); Гущин С. Работа партийных организаций Азербайджана на водном транспорте в период битвы в предгорьях Кавказа. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия общест. наук, 1961, № 4; его же. Работа партийных организаций Азербайджана на водном транспорте в 1943—1945 гг. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия обществ. наук, 1962, № 2; его же. Деятельность партийной организации Азербайджана на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия обществ. наук, 1962, № 5.

[18] Аббасов М. Агитационная и пропагандистская работа партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Журн. «Азербайджан Коммунисти», 1959, № 1 (на азерб. яз.); его же. Работа партийных организаций Азербайджана по оказанию помощи фронту в период Отечественной войны. Баку, 1960 (Автореф. дисс.); его же. Коммунистическая партия Азербайджана в борьбе за усиление помощи фронту в период Великой Отечественной войны. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Шахраманян Г. Нагорно-Карабахская областная организация Коммунистической партии Азербайджана в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Баку, 1964 (автореферат); Гущин С. и Мехтиев Г. Деятельность партийной организации Азербайджана по укреплению дружбы народов и воспитанию патриотизма у воинов-азербайджанцев в период битвы за Кавказ. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия истории и философии, 1964, № 3.

[19] Багирадзе А. Патриотизм молодежи (советская молодежь в годы Великой Отечественной войны и в период строительства коммунизма). Баку, 1962.

[20] Мадатов Г. Участие азербайджанцев в партизанском и антифашистском движении во Франции в годы Великой Отечественной войны. В сб. «40-летие Азербайджанской Советской Социалистической Республики». Баку, 1960 (на азерб. яз.) ;Сеидов М. Записки партизана. Баку, 1960 (на азерб. яз.).

ского народа Героя Советского Союза Мехти Гусейн-заде, боровшегося в партизанских отрядах Югославии [21].

Ряд работ посвящен трудовому героизму рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции в годы войны, которые под руководством Коммунистической партии, отдавая все свои силы и знания делу защиты Родины, упорно и самоотверженно трудились на всех участках культурного и хозяйственного строительства [22]. Азербайджанский народ щедрой рукой помогал фронту. Только в 1941—1942 годах трудящиеся республики сдали в фонд обороны из личных сбережений 15,5 кг золота, 950,5 кг серебра и 295 274 тыс. рублей. За период с 1941 по 1943 год для создания танковых колонн и воздушных эскадрилий в нашей республике было собрано свыше 230 млн. рублей [23].

Моральному-политическому единству и безграничной дружбе народов Советского Союза, сыгравшим большую роль в великой победе над германским фашизмом и японским милитаризмом, посвящены работы Дж. Гусейнова, Т. Курбанова [24]. Деятельность и роль периодической печати в 1941—1945 годах раскрывается в работе Г. Кулиева «Фронтовые газеты» [25].

За последнее время историческая литература Азербайджана обогатилась ценными коллективными трудами, в которых видное место отводится истории Великой Отечественной войны. Этой теме посвящена XXXII глава «Истории Азербайджана» и XVI глава работы по истории Коммунистической партии Азербайджана [26]. Здесь описывается начало Великой Отечественной войны и борьба трудящихся Азербайджана за перестройку народного хозяйства на военный лад, коренной перелом в ходе войны, раскрывается руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в мобилизации сил народа на разгром врага. Авторы использовали материалы Азербайджанского статистического управления, государственных и партийных архивов.

Интересные данные собраны в монографии Г. А. Мадатова «Азербайджан в Великой Отечественной войне» [27]. Автор, широко используя архивные материалы, периодическую печать, литературные источники, показал многогранную организаторскую работу Коммунистической партии по мобилизации сил и средств на борьбу с фашистскими захватчиками, героический труд рабочих, колхозников, интеллигенции Азербайджана по превращению республики в один из могучих арсеналов Красной Армии. В моногра-

---

[21] Путь героя. Баку, 1959.

[22] Беляева В. Трудовой героизм нефтяников Азербайджана в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.). Труды Ин-та истории и философии АН АзССР, т. 6, 1956; ее же. Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сб. «К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Баку, 1957; Гусейнов Дж. Трудовой героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1958 (на азерб. яз.); Агаева А. Трудовой героизм рабочего класса Туркменистана в годы Великой Отечественной войны. Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук, 1962, № 8; ее же. Трудовой героизм колхозного крестьянства Туркменистана в период Великой Отечественной войны. Изв. АН АзССР, 1963, № 4; Новрузов Т. Патриотическое движение колхозного крестьянства Азербайджанской ССР в помощь фронту и районам, освобожденным от фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук. 1958, № 3; его же. Трудовые подвиги колхозного крестьянства Азербайджана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук, 1958, № 3; его же. Трудовые подвиги колхозного крестьянства Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук, 1958, № 5; его же. Трудовой героизм колхозного крестьянства Азербайджана в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942). Изв. АН АзССР. Серия обществ. наук, 1962, № 6; его же. Трудовые подвиги колхозного крестьянства Азербайджана в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Баку, 1963; Шукюр-заде И. Положение сельского хозяйства в Нахичеванской АССР и помощь фронту колхозов и колхозников в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Труды Азербайджанского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1958, т. 6; его же. Сельское хозяйство и патриотическое движение колхозного крестьянства Нахичеванской АССР в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1961 (автореферат); Керимов А. Труд колхозников Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1962 (на азерб. яз.); Аббасов М. Роль советской интеллигенции в борьбе Азербайджанской партийной организации за оказание помощи фронту 1941—1945 гг. Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана, т. XXIV, 1960 (на азерб. яз.); Трещенко Т. Помощь физкультурных организаций Азербайджана фронту и тылу в период Великой Отечественной войны. Деятельность в эвакогоспиталях Азербайджанской ССР. Сб. научно-методических трудов Азербайджанского гос. ин-та физкультуры им. Кирова, т. 5, 1962.

[23] Герои Советского Союза — сыны Азербайджана. Баку, 1965, стр. 7.

[24] Гусейнов Дж. Морально-политическое единство советского народа в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1958 (на азерб. яз.); Кулиев Г. Фронтовая дружба. Баку, 1956 (на азерб. яз.); Курбанов Т. Великая победа дружбы народов над фашизмом. Учен. записки АГУ им. С. М. Кирова. Серия истории и философии, 1963, № 4.

[25] Кулиев Г. Фронтовые газеты (1941—1945 гг.). Баку, 1965 (на азерб. яз.).

[26] История Азербайджана. В трех томах. Т. 3, ч. 2-я. Баку, 1963; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963.

[27] Мадатов Г. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку, Изд. АН АзССР, 1965.

фии обстоятельно описываются героические подвиги советских воинов на фронтах, боевые дела сыновей и дочерей Азербайджана. Две главы книги посвящены партизанской борьбе советских людей в тылу врага и участию в ней азербайджанцев.

После 1956 года историками Азербайджана кроме статей и очерков были созданы коллективные труды и монографические исследования. В них широко использованы материалы и документы архивов, периодическая печать и другие источники. Однако рассматриваемая тема требует дальнейшей упорной исследовательской работы.

В настоящее время историки республики решают новые задачи — готовят обобщающие труды по истории Азербайджана периода Великой Отечественной войны.

Н. Кулиев

Так ли должны писаться военные мемуары?

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы опубликовано немало воспоминаний о ратных подвигах советских партизан. К сожалению, среди них есть слабые, а подчас и такие, в которых события освещаются неверно. В этом смысле наше внимание недавно привлекли записки партизана И. Титкова «Выбор оружия», опубликованные в 4-м и 5-м номерах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Простор» за 1964 год [1].

И. Ф. Титков во время Великой Отечественной войны командовал партизанской бригадой «Железняк», которая действовала на территории Бегомльского района, Минской области, и являлась одним из крупных боевых подразделений в Борисовско-Бегомльском соединении. Воспоминания И. Ф. Титкова посвящены в основном одному весьма важному и сложному событию — переходу к активным партизанским действиям против немецко-фашистских захватчиков так называемой 1-й Русской национальной бригады под командованием подполковника В. В. Гиль-Родионова.

В чем же состоит сложность этого события? Для борьбы с партизанами на временно оккупированной территории Белоруссии немецко-фашистские захватчики использовали наряду с частями регулярной армии, войсками СС и полицией различного рода национальные воинские формирования, создаваемые преимущественно насильственной мобилизацией в них советских военнопленных. Среди них было и формирование Гиль-Родионова, которое начало создаваться весной 1942 года в немецко-фашистском лагере для советских военнопленных в Сувалках (Польша), превращенном гитлеровцами в настоящую «фабрику голодной смерти». В отдельные дни здесь умирало по 300 человек и более. Смертность узников была настолько велика, что специально созданная администрацией лагеря команда едва успевала вывозить из блоков трупы и сбрасывать их в ров. Видный польский историк, доктор Шимон Датнер — бывший член Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши — о Сувалкском лагере пишет: «Пленные «жили» в ямах, питались травой, листьями и корой деревьев. В этом лагере погибло (в течение зимы 1941/42 года.—*К. Д.*) свыше 40 тысяч пленных. Отмечены случаи погребения живых вместе с мертвыми» [2]. Советские военнопленные стремились во что бы то ни стало вырваться из фашистской неволи и на первых порах почти каждый втайне вынашивал план побега, однако все попытки бежать из лагеря кончались, как правило, тем, что охрана без особого труда ловила физически изнуренных беглецов и вешала их.

Начиная с осени 1941 года гитлеровцы с помощью предателей и белоэмигрантов стали усиленно обрабатывать в антисоветском духе полуживых от голода и жестокого лагерного режима военнопленных Сувалкского лагеря и вербовать их в на-

[1] «Простор», Алма-Ата, 1964, № 4, 5. (Далее все ссылки на журнал даются в тексте.)

[2] Шимон Датнер. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. Перевод с польского. М., Изд. иностр. лит., 1963, стр. 367.

циональные формирования для борьбы против СССР на стороне фашистской Германии. Когда же вербовка не дала положительных результатов и по существу закончилась провалом, немецко-фашистское командование прибегло к принудительной мобилизации части военнопленных.

Вопрос о том, какие причины побудили подполковника В. В. Гиля [2а] согласиться создать национальное формирование из советских военнопленных, должным образом еще не изучен. Из ряда источников нам известно, что в апреле 1942 года Гиль-Родионов с разрешения администрации лагеря отобрал группу военнопленных, главным образом офицеров, которых лично знал по совместному пребыванию в плену, и без какого-либо объяснения с ними зачислил в формируемый им отряд. Вскоре гитлеровцы провели в ряде лагерей насильственную мобилизацию в так называемую «Дружину» [3], выросшую затем в 1-ю Русскую национальную бригаду. Среди солдат и офицеров этого формирования было много таких, кто рассматривал вступление в «Дружину» как способ избавиться от фашистского плена, получить в руки оружие и при первой возможности перейти на сторону Красной Армии или партизан. Сюда же гитлеровцами для обеспечения среди личного состава нужного им влияния и слежки под видом «добровольцев» были направлены изменники Родины, добровольно сдавшиеся в плен или совершившие другие тяжкие преступления против советского народа.

Родионовцы появились в Белоруссии осенью 1942 года и привлекались гитлеровцами сначала для охраны железной дороги на участке Быхов — ст. Тощица, а затем и к карательным операциям против партизан в районе Осиповичи, Старобина и Бегомль. Правда, как правило, преобладающее большинство солдат и офицеров формирования Гиль-Родионова во время карательных операций в партизанских зонах лояльно относилось к партизанам и их семьям и во многих случаях оказывало фашистским варварам вооруженное сопротивление, когда последние собирались жечь деревни, уничтожать и грабить мирное население [4].

Добившись для отряда самостоятельного района дислокации на стыке Минской, Витебской и бывшей Вилейской областей и тем ослабив контроль за своими действиями со стороны немецко-фашистского командования, Гиль-Родионов в течение весны и лета 1943 года создал за счет мобилизации и набора главным образом советских военнопленных 1-ю Русскую национальную бригаду численностью до 2900—3000 солдат и офицеров и получил от немцев вооружение и боеприпасы на весь ее личный состав.

Поведение родионовцев в Белоруссии вызвало у гитлеровцев серьезную озабоченность. Различного рода шефы от Главного управления СС, непосредственно контролировавшего формирование Гиль-Родионова, с тревогой сообщали в Берлин с политической неблагонадежности многих офицеров и солдат. Эмиссары гитлеровской разведки доносили, что «Родионов не внушает доверия своим поведением» [6] и что в «ближайшее время «Дружину» постигнет катастрофа» [7]. В этом отношении особо примечателен доклад в Главное управление СС от 29 апреля 1943 года оберштурмбанфюрера СС (подполковника войск СС. — *К. Д.*) Апеля, постоянного шефа «Дружины», в котором говорилось: «Положение в «Дружи-

---

[2а] Гиль Владимир Владимирович родился в 1906 году в городе Вилейка (Белоруссия), в семье рабочего. Член КПСС с 1925 года, службу в Советской Армии начал в 1926 году. Окончил военную академию имени М. В. Фрунзе. С марта 1941 года и до начала Великой Отечественной войны был начальником штаба 229-й стрелковой дивизии. В первые дни войны в районе Толочино—Сенно (Витебская область) раненным попал в плен. Содержался в Сувалкском лагере для советских военнопленных офицеров и там же принял псевдоним «Родионов». В конце апреля 1942 года Гиль-Родионов дал немецко-фашистскому командованию согласие создать национальное формирование из советских военнопленных.

16 августа 1943 года Гиль-Родионов в районе городского поселка Бегомль (Белоруссия) объявил 1-ю Русскую национальную бригаду 1-й Антифашистской партизанской бригадой и во главе ее перешел к активной вооруженной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. За период почти годичной партизанской борьбы в тылу врага бригада под его командованием зарекомендовала себя одним из самых боевых подразделений в Борисовско-Бегомльском и Полоцко-Лепельском партизанских соединениях. При прорыве вражеской блокады в районе Ушачи получил несколько тяжелых ранений и 14 мая 1944 года умер от ран.

Семья командира партизанской бригады полковника В. В. Гиль-Родионова постоянно проживает в Белоруссии. Дочь Галина — научный работник, кандидат физико-математических наук, сын Вадим — инженер, жена Анна Родионовна — персональная пенсионерка.

[3] Во всех трофейных немецко-фашистских документах формирование Гиль-Родионова именуется «Дружиной».

[4] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии (в дальнейшем — ПАИИП), ф. 3500, оп. 2, д. 1389, лл. 61, 63, 70, 73—74, 76, 78—80.

[6] ПАИИП, ф. 3500, оп. 2, д. 1389, л. 65.

[7] Там же, л. 61.

не» требует вмешательства со стороны высших инстанций... «Дружина» развилась в таком направлении, которое свойственно русским при их мании к величию. В то же время замечено возрастающее недовольство, направленное против Германии... Активисты «Дружины» находятся под влиянием праздношатающихся по лагерю русских, они ведут свободную жизнь бандитов [8], пьют и едят вдоволь и совсем не думают о предстоящей деятельности «Дружины». Такое положение создает опасность для политики империи...».[9] Жалуясь на то, что немецкий штаб из 10—12 офицеров и унтер-офицеров не в состоянии обеспечить надлежащий контроль за деятельностью формирования Гиль-Родионова, Аппель ставит вопрос об увеличении в нем контингента гитлеровцев и считает целесообразным включить это формирование в так называемую Русскую освободительную армию (РОА) [10].

В июле 1943 года Гиль-Родионов установил личную связь с командованием партизанской бригады «Железняк», а 16 августа того же года в районе городского поселка Бегомль объявил свое формирование 1-й Антифашистской партизанской бригадой. В момент переворота в бригаде были расстреляны все фашисты и несколько предателей Родины, а также арестована группа изменников Родины и белоэмигрантов. На следующий день партизаны-родионовцы провели успешные боевые действия против крупных гарнизонов противника в Докшицах и Крулевщизне, в ходе которых уничтожили более 560 солдат и офицеров противника и их пособников, в том числе 15 офицеров, и в качестве трофеев захватили и вывезли в партизанскую зону много вооружения и боеприпасов.

Еще задолго до этих событий многие родионовцы из числа бывших советских военнослужащих, не желая находиться на стороне врага, переходили к партизанам. По нашим подсчетам, с 1 сентября 1942 года по 15 августа 1943 года к белорусским партизанам перешло около 700 солдат и офицеров.

Приведенные факты свидетельствуют о несостоятельности утверждения И. Титкова, что бригада Гиль-Родионова являлась одной из регулярных частей, «сформированных целиком из предателей» (№ 4, стр. 72). Нет оснований также, как это делает И. Титков, относить 1-ю Русскую национальную бригаду к пресловутому власовскому движению, а самого Гиль-Родионова называть «первосоздателем власовской армии» (№ 4, стр. 75). Бригада никогда не входила в состав РОА, и сам он не имел и не хотел иметь никаких контактов с изменником Родины Власовым. Известно, что в первых числах мая 1943 года Власов по указанию немецко-фашистского командования сделал попытку влить бригаду в свое формирование и с этой целью направил к подполковнику Гиль-Родионову в местечко Лужки, бывшей Вилейской области, своих представителей для ведения переговоров. Однако Гиль-Родионов и весь командный состав «Дружины» категорически отвергли предложение власовцев [11].

Мы далеки от того, чтобы не замечать отрицательных сторон в деятельности Гиль-Родионова. Сам факт использования им для выхода из плена и организации из военнопленных 1-й Русской национальной бригады профашистского лозунга борьбы за «новую Россию», а также привлечение гитлеровцами этого формирования к отдельным карательным операциям против белорусских партизан, безусловно, политически компрометируют Гиль-Родионова. Эта сторона его деятельности заслуживает сурового осуждения, да и сам он при жизни во многом себя осудил. Нельзя, однако, не учитывать того, что, несмотря на постоянный и неослабный контроль со стороны фашистской разведки, лично Гиль-Родионовым была проведена, особенно начиная с февраля 1943 года, большая работа по подготовке организованного возвращения всего личного состава бригады в ряды защитников Советской Родины. В результате смелого и решительного перехода этого крупного формирования на сторону советских партизан был нанесен жестокий удар по преступным планам немецко-фашистского командования использовать советских военнопленных для вооруженной борьбы против СССР.

За 11 месяцев активной боевой деятельности 1-я Антифашистская партизанская бригада под командованием В. В. Гиль-Родионова, укомплектованная преимущест-

---

[8] Бандитами гитлеровцы называли обычно партизан и их связных.
[9] ПАИИП, ф. 3500, оп. 2, д. 1389, л. 61.
[10] Там же.
[11] ПАИИП, ф. 3500, оп. 2, д. 47, л. 215; д. 1389, лл. 45—46; оп. 4, д. 171, ч. II, л. 1.

венно бывшими кадровыми военнослужащими Красной Армии и хорошо оснащенная за счет врага автоматическим оружием, минометами и артиллерией, вместе с другими партизанскими подразделениями нанесла огромный урон немецко-фашистским захватчикам в живой силе и технике.

* * *

В своих воспоминаниях И. Титков неправильно освещает переход 1-й Русской национальной бригады на сторону партизан. Он совершенно сбросил со счета работу подпольных партийных организаций и партизанских подразделений Белоруссии по ее разложению. Из того факта, что командование партизанской бригады «Железняк» завязало во второй половине июля 1943 года переписку с родионовцами и посылало своих представителей на переговоры с ними, вовсе не следует, что эта работа проводилась только одними железняковцами и их командиром И. Ф. Титковым.

Ее начали партизаны кличевской группировки еще осенью 1942 года. Из партизанских подразделений Полоцко-Лепельского и Вилейского соединений тесные контакты и переписку с офицерами и солдатами формирования Гиль-Родионова с весны 1943 года вели бригады имени К. Е. Ворошилова (командир Д. В. Тябут), Дубова (командир Ф. Ф. Дубровский), имени Чапаева (командир В. В. Мельников), имени ЦК КПБ (командир А. Д. Медведев). В мае—июне 1943 года в эти бригады перешло несколько взводов родионовцев с оружием. В июле 1-я Русская национальная бригада, почти целиком передислоцировавшись в район Докшицы и Бересневка, разместилась рядом с партизанской бригадой «Железняк», и именно это обстоятельство заставило Гиль-Родионова установить связь с ней.

Переход 1-й Русской национальной бригады к партизанским действиям обусловлен рядом причин. Назовем важнейшие из них.

Во-первых, победы Красной Армии, и прежде всего разгром ею крупных группировок немецко-фашистских войск на Волге и под Курском, а также развитие массового партизанского движения в Белоруссии оказывали на личный состав всех национальных формирований, в особенности на солдат и офицеров 1-й Русской национальной бригады, серьезное воздействие и заставляли каждого из них задуматься над своим положением и судьбой. Используя эти важные факторы, подпольные партийные организации и партизанские подразделения Белоруссии проводили большую агитационную и организационную работу по распропагандированию и разложению националистических формирований и добивались не только одиночных, но и групповых, массовых переходов их личного состава на сторону партизан.

Во-вторых, подавляющая масса солдат и офицеров 1-й Русской национальной бригады — бывших советских военнопленных — сохранила верность социалистической Родине и, как мы отмечали, использовала свое вступление в это формирование для избавления от плена. Подполковник Гиль-Родионов правильно учел настроения и стремления личного состава своего подразделения, тщательно подготовил и успешно осуществил его переход на сторону советских партизан.

В-третьих, большое значение имело воздействие на солдат и офицеров 1-й Русской национальной бригады местного населения, которое своим неприязненным отношением к участникам всех националистических формирований постоянно напоминало им, что их место в рядах защитников социалистической Родины.

В-четвертых, угроза разоружения гитлеровцами бригады в связи с ростом в ней антифашистских настроений и массовыми переходами солдат и офицеров на сторону партизан ускорила принятие подполковником Гиль-Родионовым решения о немедленном вооруженном выступлении своего формирования против немецко-фашистских захватчиков. Прибытие в первой декаде августа 1943 года на ст. Парафьяново 2-го немецкого полицейского полка и других частей СС, усиленных артиллерий и бронемашинами, не оставляло у Гиль-Родионова и близких к нему офицеров ни малейших сомнений относительно истинных целей концентрации войск противника в районе дислокации бригады.

По И. Титкову выходит, что 1-я Русская национальная бригада перешла к партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков после встречи ее представителей с ним в деревне Будиловка по его совету и при помощи выделенных им партизан и что боевые действия по разгрому докшицкого и крулевщизненского гарнизонов противника проведены родионов-

цами совместно с бригадой «Железняк». Автор пространно рассказывает о ходе этих операций и утверждает, что при разгроме крупного фашистского гарнизона станции Крулевщизна бригада «Железняк» понесла невосполнимые потери (№ 5, стр. 78—79, 82). Но подполковник В. В. Гиль-Родионов объявил свое формирование 1-й Антифашистской партизанской бригадой утром 16 августа 1943 года, т. е. до встречи с представителями командования партизанской бригады «Железняк» И. Ф. Титковым и А. В. Скляренко, на которой он сообщил последним о переходе 1-й Русской национальной бригады к партизанским действиям против немецко-фашистских захватчиков и просил немедленно радировать об этом в Москву [12].

Что касается причастности бригады «Железняк» к докшицкой и крулевщизненской боевым операциям, то она выразилась лишь в том, что по окончании разгрома партизанами-родионовцами вражеского гарнизона в Докшицах один из ее отрядов (250 человек) по просьбе Гиль-Родионова приступил к эвакуации из города в партизанскую зону захваченных трофеев, пленных гитлеровцев и их пособников и, когда 1-я Антифашистская партизанская бригада начала марш на Крулевщизну, выставил заслон в сторону ст. Парафьяново. В боях за овладение Докшицами и Крулевщизной ни один партизан-железняковец, в том числе и комбриг Титков, не участвовал, а следовательно, бригада «Железняк» не могла понести при этом каких-либо потерь. Партизанам бригады Гиль-Родионова действительно достались в Крулевщизне большие трофеи, но не в таких астрономических размерах, как сообщает Титков. Они захватили не пятнадцать орудий и четыреста автомашин, а три 45-мм пушки, две автомашины и сожгли в гараже 18 автомашин [13].

Вымыслом И. Титкова является содержание таких разделов его воспоминаний, как «Неожиданная встреча» и «Зина-Маша» (№ 4, стр. 66—71; № 5, стр. 85—89). Версия о том, что работница штаба 1-й Антифашистской партизанской бригады Зина (Маша) впервые встретилась с Титковым на дороге из Белого в Ржев «в безалаберные панические дни начала войны» и в 1942 году стала его невестой, а затем якобы выполняла специальное задание советской разведки и стала женой Гиль-Родионова, целиком выдумана автором. В действительности работница штаба бригады Гиль-Родионова жена советского военнослужащего Нина Адамовна Березкина, которую автор выдает за Зину-Машу, дочерью профессора Орлова и разведчицей не являлась и с Титковым никогда ранее не была знакома. В «Дружину» она была зачислена в ноябре 1942 года при особых обстоятельствах. Ее знакомство с подполковником Гиль-Родионовым произошло осенью того же года в Быхове, где она проживала вместе с матерью и двумя детьми и куда прибыла на постой «Дружина».

По заявлению Гиль-Родионова, Н. А. Березкина была четвертым человеком, после бывших советских военнопленных полковника Н. М. Никифорова, полковника С. Б. Минина и подполковника А. Ф. Рубанского, кому он доверительно сообщил о своем намерении создать крупное воинское подразделение из советских военнопленных, вооружить и экипировать его за счет немецко-фашистских захватчиков, а затем встать на путь вооруженной борьбы с ними [14]. Березкина не только одобрила план Гиль-Родионова, но и изъявила желание лично участвовать в его осуществлении. По заданию Гиль-Родионова она установила связь с некоторыми антифашистски настроенными офицерами и привлекла их к подготовке перехода бригады на сторону партизан. Будучи членом подпольного штаба, она сыграла важную роль в организации переворота в этом формировании, а в момент разгрома родионовцами вражеского гарнизона в Крулевщизне проявила исключительное мужество и находчивость при ликвидации паники в рядах 2-го полка [15]. За время пребывания в бригаде Гиль-Родионова Березкина ничем себя не скомпрометировала. Вела себя всегда и со всеми просто, независимо и с достоинством и, как и Гиль-Родионов, из рамок приличия во время обеда в деревне Бересневке, который дали родионовцы в честь командования партизанской бригады «Железняк», вопреки ут-

[12] ПАИИП, ф. 3500, оп. 2, д. 47, лл. 216—217; д. 1389, лл. 46—47; оп. 4, д. 171, ч. I, л. 50.
[13] Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 171, ч. I, лл. 21—22; ч. II, л. 8.
[14] ПАИИП, ф. 3500, оп. 2, д. 1389, лл. 68, 70, 71.
[15] Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 170, часть II, л. 8.

верждениям И. Титкова не выходила. Абсурдна и догадка автора, что Зина-Маша (т. е. Н. А. Березкина) была убита Гиль-Родионовым после того, как она встретилась на этом обеде с Титковым. Погибла Березкина не в середине августа и не от рук Гиль-Родионова, а 24 сентября 1943 года во время ночного марша от случайного выстрела из собственного автомата [16].

По адресу Гиль-Родионова в записках И. Титкова можно встретить еще много вымыслов. Без каких-либо оснований утверждается, например, что Гиль-Родионов уроженец города Вилейки (БССР), происходит якобы из немцев Поволжья, что он «дважды имел личную беседу с Гитлером» (№ 4, стр. 74) и в Бегомльском районе даже «сгонял мужиков делить колхозную земельку» (№ 5, стр. 89). Передавая рассказ Гиль-Родионова о казни гитлеровцами советского генерала Д. М. Карбышева, И. Титков вкладывает в его уста следующую фразу: «Не знаю, был ли Власов на казни Карбышева, но сам я ехать отказался и даже пригрозил, что если немцы будут настаивать, то вообще плюну на все...» (№ 5, стр. 87). Позволительно спросить у автора, как мог Гиль-Родионов рассказывать ему в августе 1943 года о казни генерала Карбышева, если последний погиб в концентрационном лагере Маутхаузен (Австрия) в феврале 1945 года?

В «Записках» И. Титков утверждает, что ему якобы приходилось решать почти все вопросы, касающиеся 1-й Антифашистской партизанской бригады, в том числе о снятии фашистских знаков различия родионовцами, ношении ими советских орденов, назначении в бригаду Гиль-Родионова комиссара и политработников и т. д., которые в действительности он не решал и не мог решать. Все представляется так, как будто бы с первых дней перехода к партизанским действиям бригада Гиль-Родионова была подчинена бригаде «Железняк», а сам Гиль-Родионов как ее командир совершенно обезличен подменявшим его на каждом шагу вездесущим Титковым. Отметив Гиль-Родионова как весьма дисциплинированного человека, Титков с серьезным видом утверждает, что он якобы «ничего не делал без согласования с командованием бригады» «Железняк» (№ 5, стр. 85). В действительности же 1-я Антифашистская партизанская бригада ни одного дня в подчинении бригады «Железняк» не находилась и являлась боевой единицей в составе Борисовско-Бегомльского партизанского соединения, а Гиль-Родионов был самостоятелен в своих действиях и решениях, как и все командиры партизанских подразделений.

Рассказывая об обстоятельствах перехода 1-й Русской национальной бригады к вооруженной борьбе против немецко-фашистских захватчиков, И. Титков пытается убедить читателя в том, что, несмотря на его неоднократные радиограммы в Москву о перевороте в формировании Гиль-Родионова, Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) и ЦК Коммунистической партии Белоруссии три дня вообще не отвечали, а их представители прилетели в Бегомльский район только на седьмой день, и то не имея определенных установок.

Как видно из документов, первая радиограмма о переходе бригады Гиль-Родионова к партизанским действиям, подписанная Титковым и Гиль-Родионовым, была отправлена в ЦШПД 17 августа 1943 года. На следующий день Первый секретарь ЦК КП Белоруссии и начальник Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант П. К. Пономаренко запросил у командования партизанской бригады «Железняк» о подробностях перехода, а 19 августа ЦШПД имел с бригадой дополнительные сеансы радиосвязи [17]. Основываясь на поступивших от партизан сообщениях, руководство ЦШПД и ЦК КПБ доложило о событиях в бригаде Гиль-Родионова Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину и получило от него указание изучить обстоятельства переворота в этом формировании и, если переход последнего на сторону советского народа не является провокацией гитлеровцев, приобщить весь его личный состав к активной боевой деятельности.

В ночь на 20 августа на бегомльский партизанский аэродром прилетели представители Центрального штаба партизанского движения и Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии секретарь ЦК КПБ И. П. Ганенко, первый помощник начальника ЦШПД П. А. Абрасимов и секретарь Минского подпольного

[16] ПАИИП, картотека личного состава партизанских подразделений Белоруссии, № 242589.

[17] ПАИИП, ф. 3500, оп. 23, д. 11, лл 450, 453; д. 12, лл. 60, 67.

обкома КПБ Р. Мачульский, чтобы на месте детально разобраться в событиях и сообщить о них в Москву свое мнение. Вскоре Ганенко и Мачульский побывали в бригаде Гиль-Родионова и имели несколько встреч и бесед с офицерами и солдатами.

На основании личных впечатлений от пребывания в бригаде Гиль-Родионова, изучения ряда документов об истории ее образования и встреч с солдатами и офицерами И. П. Ганенко и Р. Н. Мачульский сделали вывод, что подавляющее большинство бойцов и командиров бригады — это преданные Родине бывшие советские военнопленные, которые воспользовались вступлением в формирование Гиль-Родионова как единственным средством выхода из фашистского плена, чтобы потом влиться в ряды Красной Армии или партизан, о чем и сообщили в ЦК КП Белоруссии и ЦШПД. Последний утвердил подполковника В. В. Гиль-Родионова командиром 1-й Антифашистской партизанской бригады. За организацию возвращения в ряды защитников Родины советских военнопленных и проявленную доблесть и мужество в борьбе против немецко-фашистских захватчиков Советское правительство 17 сентября 1943 года наградило Гиль-Родионова орденом Красной Звезды. Одновременно ему было присвоено очередное воинское звание «полковник». По указанию секретаря Минского подпольного обкома КПБ и командира Борисовско-Бегомльского партизанского соединения Р. Н. Мачульского Бегомльский подпольный район КПБ направил на политработу в 1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду 21 коммуниста. Комиссаром этой бригады был назначен секретарь Логойского подпольного райкома партии И. М. Тимчук.

Вскоре полковник В. В. Гиль-Родионов получил от П. К. Пономаренко письмо, в котором по поводу перехода всего личного состава 1-й Русской национальной бригады к партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков говорилось: «Этим выступлением с оружием в руках и дальнейшими активными действиями против немцев бойцы и командиры соединения снова поставили себя в ряды защитников нашей Советской Родины. Ваша решимость и мужественное поведение достойно отмечены правительством, наградившим Вас орденом Красной Звезды. Немцы хотели иметь дивизию карателей из русских людей против партизан, против борющегося народа, а получили вооруженную Антифашистскую бригаду против себя...» [18].

Такова линия, которую в соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования заняли и проводили в отношении личного состава бригады Гиль-Родионова Центральный штаб партизанского движения, Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии и руководство Борисовско-Бегомльского и Полоцко-Лепельского партизанских соединений и которую совершенно неверно показал в своих воспоминаниях И. Титков

В уродливой форме Титков передал встречу представителей ЦШПД и ЦК КП Белоруссии И. П. Ганенко, П. А. Абрасимова и Р. Н. Мачульского на партизанском аэродроме и до неузнаваемости исказил содержание всех своих бесед с ними. В разделе «Комиссия прилетела» он пишет, что товарищи Ганенко и Мачульский прибыли проводить в жизнь линию Берия, который-де «настаивает на немедленной проверке всего состава бригады», в связи с чем «личный состав отрядов Гиля будет пропущен через особую комиссию» (№ 5, стр. 94). Вот как, по Титкову, развертывались события, после того как И. П. Ганенко «сообщил» командованию партизанской бригады «Железняк» о «мнении Берия». Титков якобы заявил Ганенко, что он не согласен с «открытой массовой проверкой солдат Гиля» и намерен лично «съездить в Москву, в ЦК», на что секретарь ЦК КПБ лишь руками развел; «Попробуйте. Только так, чтобы я ничего не знал». «Решение полететь в Москву, — пишет И. Титков, — особенно окрепло у меня на следующий день, когда к нам прибыла особая комиссия от Берия». Эта комиссия якобы не только стала настаивать на поголовной проверке всего личного состава бригады Гиль-Родионова и на применении репрессий «ко всем, активно сражавшимся против партизан», но успела уже арестовать несколько солдат и офицеров этого подразделения (там же). «Я, — пишет И. Титков, — схватился за голову: это же чудовищный произвол! Мы же обещали Гилю... Примчался Гиль и с большой обидой начал выговаривать мне. Но что я мог ему сказать? Проклятое время! Уезжая, он

[18] ПАИИП, ф. 3500, оп. 4, д. 170, лл. 159—160.

предупредил меня — все его солдаты с оружием. Если так будет продолжаться и дальше, то он не может поручиться ни за одного. Очень тяжелые могут быть последствия. Уехал Гиль, и я тут же решил: да, надо лететь в Москву. Попробую, может быть, чего-нибудь и добьюсь. Сидеть сложа руки я не имел права. Иван Петрович (Ганенко. — *К. Д.*) советует мне подготовить обстоятельный доклад. Надо изложить все как было. И не робеть» (т а м ж е).

Далее от самого Титкова, выступающего в роли некоего вершителя судеб личного состава бригады Гиль-Родионова, мы узнаем, что его поездка в Москву была на диво результативной. «Все мои опасения, — пишет он, — оказались напрасными. После приема в Ставке Верховного Главнокомандующего у меня в руках было такое распоряжение: «Организатором перехода — командованию бригады «Железняк» присвоить звания Героев Советского Союза. Отметить солдат и офицеров Гиля за активное осуществление перехода. Восстановить офицерские звания и поставить на денежное довольствие. Никаких репрессий в отношении личного состава, кроме тех, кого сочтут нужным репрессировать командование бригады «Железняк» и Гиль-Родионов». Задерживаться в Москве мне было никак нельзя. Я не успел даже переодеться и прямо из Кремля поехал на аэродром. В сумке у меня большой запечатанный пакет, в руках чемодан с орденами и медалями для партизан и солдат бригады Гиль-Родионова». Несколькими строками ниже сообщается, что для «бериевской комиссии» Титков также привез из Москвы пакет (т а м ж е, стр. 95). Как говорится, человек добился своей цели. Но... нам доподлинно известно, что секретарь ЦК КПБ И. П. Ганенко заявления командованию партизанской бригады «Железняк» относительно того, что «личный состав отрядов Гиля будет пропущен через особую комиссию», не делал, а так называемой «бериевской комиссии» в природе не существовало. За исключением ареста группы изменников Родины и белоэмигрантов, произведенного самим Гиль-Родионовым в момент переворота, ни один солдат и офицер его формирования никаким репрессиям в тылу противника не подвергался, и, следовательно, поводов для чьей-либо поездки в Москву ради защиты родионовцев от произвола «бериевской комиссии» не было. Рассказ о тайной поездке Титкова в Ставку Верховного Главнокомандования — плод его собственного вымысла. Мы со всей ответственностью заявляем, что комбриг И. Ф. Титков во втором полугодии 1943 года ни на один день из партизанской зоны не отлучался, разрешения на поездку в Москву у секретаря ЦК КПБ И. П. Ганенко и командования Борисовско-Бегомльского партизанского соединения не спрашивал и таковой не совершал ни тайно, ни явно.

«Записки» И. Титкова изобилуют субъективистскими оценками деятельности отдельных партизанских бригад и их руководителей и фактами грубой фальсификации самого существа партизанского движения в Белоруссии.

В угоду своему тщеславию И. Титков выставляет себя перед читателями журнала «Простор» в роли незаурядного партизанского стратега и дальновидного политика и в то же время чернит многих видных работников партийного подполья и командиров партизанских подразделений. Причем он применяет своеобразный прием — дает оценки поступкам и действиям людей от имени лиц, имевших определенный вес в партизанском движении. В этом отношении весьма показательны беседы, которые якобы состоялись между И. П. Ганенко и Титковым и между Титковым и Гиль-Родионовым. Приведем некоторые примеры.

«— Ну, Гиля я у тебя отберу, — вдруг говорит Иван Петрович (Ганенко. — *К. Д.*). — Отберу и аэродром и передам его Роману Наумовичу Мачульскому (командиру соединения. — *К. Д.*). Пока Гиль и аэродром у тебя (т. е. у Титкова.— *К. Д.*), Мачульский не будет иметь ровным счетом никакого веса.

Известие поразило меня.

— Тогда я удерживать района не буду! Нельзя же ставить в одно положение нашу бригаду и тех партизан, которые сидят в лесах. У нас каждый день бои, а они спрятались за наши спины. И не пойму — для чего перебрасывать Гиля в другой район? Мы же хотим с ним попробовать освободить Вилейскую область!» (№ 5, стр. 95).

«— Я не хочу отрываться от вашей бригады, — говорил мне (т. е. Титкову.— *К. Д.*). Гиль. — Мои солдаты привыкли действовать с партизанами. Боюсь, как бы

те бригады не подвели. Они же никогда не вели развернутых боев. Я знаю — мои солдаты пойдут в огонь и в воду, но я хотел бы иметь надежное прикрытие.

Должен сказать, что Гиль в своих опасениях как в воду глядел. Случилось как раз то, чего он боялся.

Дней через пять, выполняя приказ, Гиль начал наступление на Зембин... Но в этот момент случилось самое страшное. На выручку гарнизона немцы бросили из Борисова и Смалевич целых два полка с танками. Бригады Лопатина и Турунова, не предупредив никого, отступили, и войска Гиля сами оказались запертыми в городе. Только мужество солдат спасло бригаду Гиля от полного разгрома» (там же, стр. 96—97).

Оставим на совести автора то, что сказал ему Гиль-Родионов «с глазу на глаз». Мы же, работники штаба соединения, хорошо помним, что полковник Гиль-Родионов весьма благожелательно отнесся к решению о передислокации его бригады из Бегомльского в Плещеницкий район. Что касается «самого страшного», которое «случилось» в Зембине, то о нем лучше всего спросить у партизан-родионовцев. В «Истории 1-й Антифашистской партизанской бригады» отмечается, что партизанские бригады «Дяди Коли» (командир П. Г. Лопатин) и «Смерть фашизму» (командир В. Ф. Турунов), прикрывавшие подразделение Гиль-Родионова со стороны Борисова, начали отход с разрешения присутствовавших на Зембинской операции представителя ЦШПД И. П. Ганенко и командира соединения Р. Н. Мачульского. Когда же было получено сообщение о появлении механизированных немецких частей, отряды бригады Гиль-Родионова организованно отступили в лесной массив и скрылись в нем [19], а не «оказались запертыми в городе», как утверждает И. Титков.

Полковника В. В. Гиль-Родионова нет в живых и, пользуясь этим обстоятельством, И. Титков вкладывает в его уста одно из своих самых возмутительных измышлений по поводу взаимодействия в боевой обстановке партизанских бригад.

«Гилю не дает покоя мысль создать в тылу противника армию из партизанских отрядов и бригад, — пишет И. Титков. — По его расчетам у нас здесь без малого сто тысяч вооруженных партизан. Но как они дерутся? В партизанском движении преобладает местничество. Одного бьют, другой сидит и ждет своей очереди.

— Разве не так было, когда я в свое время наступал против вашей бригады?— спрашивает Гиль. — Один раз мне пришлось подслушать телефонный разговор, который вы вели с Дубровским. Потом он разговаривал с Мельниковым. И знаете, что сказал Мельников? «Трофеи Железняка (то бишь Титкова. — *К. Д.*) хорошо бы не упустить. Но влазить в самое пекло не буду, пусть Железняк выпутывается сам, как хочет. Кто его заставлял удерживать район?..» Представляете теперь? Вот вам и взаимодействие. Нет, надо все перестраивать на военный лад» (там же, стр. 97).

Насколько нам известно, полковник Гиль-Родионов, который был хорошо осведомлен о структуре партизанских подразделений и порядке их подчинения штабам соединений, наиболее отвечавшим специфике борьбы в тылу врага, никогда не ратовал за создание «армии» из партизанских отрядов и бригад и перестройку последних на военный лад. Что касается упоминаемого автором телефонного разговора между комбригами Дубровским и Мельниковым, то такого вообще никогда не было. Бывший командир бригады Дубова Герой Советского Союза Ф. Ф. Дубровский не помнит случая, чтобы командир бригады имени Чапаева В. В. Мельников когда-либо беседовал с ним о «дележе трофеев» Титкова или упрекал последнего за то, что его бригада удерживала Бегомльский район. По заявлению Ф. Ф. Дубровского, бригада имени Чапаева, входившая в состав Полоцко-Лепельского партизанского соединения, дислоцировалась в 60—70 км от Бегомля, с бригадой «Железняка» в боевой обстановке не взаимодействовала и, естественно, не могла проявлять «интереса» к ее трофеям.

И. Титков в разделе «Перелетные птицы» утверждает, что «немцы с целью вылавливания советских патриотов в самом Минске и его окрестностях организовали три ложных антипартизанских подпольных организации: подпольный Военный совет, штаб партизанской дивизии им. Чапаева и белорусскую молодежную организацию» (№ 4, стр. 80). Здесь правильно только то, что немецкие оккупанты действительно

[19] ПАИИП, ф. 3500, оп. 4, д. 171, ч. II, л. 12.

летом 1943 года пытались создать так называемый «Союз белорусской молодежи», но из этой затеи у них ничего не получилось. Что касается Военного совета партизанского движения, то на основании только одного факта проникновения в его ряды нескольких вражеских лазутчиков вовсе не следует, что он был подставной организацией.

Деятельность Минского партийного подполья в годы Великой Отечественной войны, в том числе и Военного совета партизанского движения, уже изучена Институтом истории партии при ЦК КПБ и Институтом истории Академии наук БССР, и материалы этого изучения по решению бюро ЦК КП Белоруссии опубликованы пять лет тому назад [20]. Приведем кратко основные факты.

Оказавшись в оккупированном гитлеровцами Минске, многие командиры и бойцы Красной Армии, в числе которых были и раненые, нашли убежище у местных жителей и вскоре включились в активную борьбу с врагом. В сентябре 1941 года группа коммунистов из числа бывших военнослужащих создала в Минске подпольный Военный совет партизанского движения для организации и руководства партизанским движением в ближайших к городу районах. Военный совет установил тесные контакты с Минским подпольным городским комитетом партии и под его руководством проводил большую работу, непрерывно направляя из города в партизанские отряды по различным каналам пополнение личного и командного состава, оружие, боеприпасы, медикаменты, пропагандистский материал, теплые вещи. В марте 1942 года немецко-фашистская контрразведка нанесла серьезный удар по минскому партийному подполью, в результате которого большинство членов городского партийного комитета было арестовано, а Военный совет был полностью разгромлен.

Странным выглядит также и выпад И. Титкова против штаба партизанской дивизии имени Чапаева, создание и роспуск которой происходили у него на глазах. Партизанская дивизия имени Чапаева, как известно, была создана осенью 1942 года в районе озера Палик В. С. Пыжиковым («Стариком») без учета особенностей вооруженной борьбы в тылу противника. В декабре 1942 года Центральный штаб партизанского движения признал нецелесообразным существование такого громоздкого и немобильного партизанского соединения, как дивизия, и принял решение расформировать ее [21].

И. Титков неправильно освещает деятельность секретаря Бегомльского подпольного райкома КПБ и комиссара партизанской бригады «Железняк» С. С. Манковича. Последнего он представляет ограниченным и недальновидным политическим руководителем, который, якобы заботясь только о том, чтобы вовремя принести обильные жертвы Бахусу, не вникал в боевую деятельность партизанской бригады, а в вопросах тактики партизанской борьбы проявлял полнейшее невежество.

«Манкович долгое время считал, что главное в партизанской войне — это не иметь больших потерь. Поэтому он был ярым противником того, чтобы партизаны удерживали территорию. На кой она черт? Живи себе в лесу и время от времени выходи на дорогу и постреливай. А так только противника дразнить. Уж пятую карательную экспедицию затевают немцы против нас, тогда как в других районах тишь да благодать — ни одной экспедиции не было...» (№ 5, стр. 78).

Более того, И. Титков совершенно безосновательно заявляет, что Манкович якобы был сторонником физического уничтожения солдат и офицеров националистических формирований и противником проведения работы по разложению 1-й Русской национальной бригады, а когда дело дошло до переговоров и встречи с подполковником Гиль-Родионовым, самоустранился от участия в них, в результате чего о переходе родионовцев на сторону партизан узнал только на седьмой день после переворота в бригаде (№ 4, стр. 74, 76, 80, 83, 84; № 5, стр. 78, 79).

Нет, не таким знали Степана Степановича Манковича трудящиеся Бегомльского района и партизаны-железняковцы. Не таким знали его и мы, работники партийного подполья и штаба соединения. Будучи оставленным на подпольной работе в тылу врага, секретарь Бегомльского райкома КПБ С. С. Манкович проявил себя талантливым организатором партизанского дви-

[20] О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Минск, Государственное издательство БССР, 1961, стр. 13—15, 49—50.

[21] ПАИИП, ф. 4087, оп. 1, д. 1, л. 31.

жения. К концу августа 1941 года он лично встретился со всеми секретарями колхозных партийных организаций и провел партийные собрания по вопросу организации партизанского отряда. Вскоре был создан партизанский отряд «Железняк», на базе которого к моменту прибытия Титкова в октябре 1942 года в тылу противника сформировалась партизанская бригада под тем же названием. Секретарь подпольного райкома партии Манкович стал одновременно и комиссаром бригады «Железняк» и совмещал эти должности вплоть до соединения с частями Красной Армии. Находясь на нелегальном положении и ежедневно подвергая себя смертельной опасности, он совершал длительные переходы от села к селу и с беззаветной самоотверженностью сколачивал вокруг себя партийный и беспартийный актив, а став комиссаром партизанского отряда и затем бригады «Железняк», с такой же беззаветной самоотверженностью водил партизан в бой с ненавистным врагом. Возглавляемый Манковичем подпольный райком партии совместно с командованием бригады провел большую работу по разложению националистических формирований противника, что было отмечено ЦК КПБ в постановлении от 26 августа 1943 года. За образцовое выполнение правительственного задания в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и особые заслуги в развитии партизанского движения на территории Белоруссии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 января 1944 года Степану Степановичу Манковичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза [22].

В эпилоге своих записок И. Титков решил сообщить читателям о судьбе командира 1-й Антифашистской партизанской бригады полковника В. В. Гиль-Родионова. «В одном из сражений, — пишет он,— Гиль получил тяжелое ранение. Его принесли в партизанскую землянку. Кругом гремел бой. Гиль попросил оставить ему пистолет. Боясь попасть в плен, он застрелился» (№ 5, стр. 98). Это очередной вымысел автора. Гиль-Родионов при прорыве вражеской блокады был тяжело ранен осколками разорвавшейся под ногами мины и 14 мая 1944 года умер [23].

Стремление во что бы то ни стало изобразить себя общепризнанным руководителем партизанского движения в Белоруссии привело И. Титкова к несерьезному заявлению о том, что по его предложению Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования рассмотрел вопрос о реорганизации партизанского движения в северо-восточных районах Минской области и принял решение создать три партизанские группировки: одну — в районе Полоцка и Ушач, вторую — в районе Борисова и третью — в Вилейской области (№ 5, стр. 94). ЦШПД и ЦК КПБ в самом деле приняли летом 1943 года решение объединить в некоторых районах Белоруссии партизанские бригады и отряды в соединения, но отнюдь не по предложению И. Титкова.

Автор допускает непомерные преувеличения и прямо-таки впадает в гигантоманию, когда пишет о боевой деятельности бригады «Железняк», ее вооружении и численности личного состава. Обстановку в немецко-фашистском тылу в районе Бегомля он представил так, будто только благодаря дислокации здесь данного партизанского подразделения нападение гитлеровцев на партизан и мирных жителей вообще исключалось и последним чужды были тревоги военного времени. И. Титков утверждает, например, что все шестнадцать отрядов бригады были выдвинуты к Борисову, Минску, Молодечно, Вилейке, Будславлю, Докшицам, где расположились немецко-фашистские гарнизоны, что только в семи отрядах насчитывалось четыре тысячи бойцов, а в первом отряде (командир Г. Е. Опоненко) было даже 700 бойцов и что бригада имела 300 человек автоматчиков, конный отряд в 400 сабель и артиллерийский дивизион из шести орудий (№ 4, стр. 72, 76, 81; № 5, стр. 93), общая же численность бригады достигала девяти-десяти тысяч человек. Бригаде «Железняк» сопутствовали, оказывается, только одни победы, да еще какие! Однажды, рассказывает автор, командир артиллерийского дивизиона Г. А. Корниец дерзким налетом захватил у немцев склад с боеприпасами и из-под самого носа эсэсовской дивизии ухитрился вывезти 500 подвод снарядов, за что был награжден орденом Красной Звезды (№ 4, стр. 76).

---

[22] ПАИИП, ф. 4, оп. 3, д. 1245, л. 148; ф. 3500, оп. 9, д. 1265, л. 7.

[23] Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 171, лл. 255—256.

Примечательно, что многое из того, о чем сообщает о бригаде И. Титков в воспоминаниях, опровергается документами военного времени, под которыми стоит его же подпись. Например, по состоянию на 25 сентября 1943 года в бригаде было не шестнадцать, а семь отрядов, шесть из которых дислоцировались в Бегомльском районе и один — в Мядельском. Районом действия всех отрядов была железная дорога Молодечно — Полоцк и местечки Докшицы, Плещеницы и Долгиново. В районе Борисова, Минска и Вилейки бригада не действовала. В тех же материалах, между прочим, сообщается, что личный состав бригады на 20 июля 1943 года насчитывал всего 1380 человек, в первом отряде числилось только 196 человек, а о 300 автоматчиках, конном отряде в 400 сабель и артиллерийском дивизионе даже и упоминания нет [24]. Ничего не говорится также и о захвате склада с боеприпасами и вывозе «из-под самого носа эсэсовской дивизии» снарядов на 500 подводах ни в боевой характеристике на командира пятого отряда Корнийца, ни в представлении его командованием бригады к награждению орденом Красной Звезды [25].

Нет надобности останавливаться на всех извращениях событий и измышлениях, содержащихся в воспоминаниях И. Титкова. Приведенного вполне достаточно, чтобы составить представление об их достоверности и познавательной ценности. Начав с небольших отступлений от истины на первых страницах своих воспоминаний, И. Титков в погоне за саморекламой и дешевой популярностью дошел в последующих разделах до фальсификации.

Кандидат исторических наук,
бывший заместитель командира
Борисовско-Бегомльского
партизанского соединения
К. Доморад

[24] ПАИИП, ф. 3500, оп. 4, д. 134, лл. 88, 102.

[25] Там же, ф. 3500, оп. 8, д. 121, лл. 236—254; оп. 15, д. 37, л. 142.

О некоторых неточностях в очерках по истории Карелии

(Отклик читателя)

КАРЕЛЬСКОЕ книжное издательство выпустило в конце 1964 года второй том очерков о Карелии, охватывающий советский период развития этого края [1]. Я не берусь писать о всей книге в целом. Остановлюсь лишь на седьмой главе — «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945)».

Обстоятельно ознакомившись с освещением военных действий в Карелии, я, как участник Великой Отечественной войны на Карельском фронте, хотел бы сделать некоторые замечания. Прежде всего вызывает возражение описание боев на ухтинском и кестеньгском направлениях. Так автор пишет: «Ожесточенные бои развернулись на Ухтинском и Кестеньгском направлениях. Здесь противник стремился во что бы то ни стало захватить железнодорожные станции Лоухи и Кемь, перерезать Кировскую железную дорогу, изолировав таким образом Мурманск и Мурманскую область от всей страны. Для усиления своих войск немецко-финское командование перебросило сюда бригаду СС «Норвегия». К ноябрю врагу удалось захватить с. Кестеньгу и подойти к Ухте». (стр. 352).

Говорить как бы мимоходом вместе о совершенно разных и изолированных друг от друга направлениях — ухтинском и кестеньгском нельзя. Расстояние между этими направлениями по железной дороге 167 км. Пространство между шоссейными дорогами, идущими от Лоухи к Кестеньге и от Кеми к Ухте, непроходимо для войск и современной техники. Не было здесь никаких рокад, позволяющих перебрасывать войска с одного направления на другое. В начале войны на ухтинском направлении было два полка 54-й дивизии, а на кестеньгском — один полк 104-й ди-

[1] Очерки по истории Карелии. Том II. Петрозаводск, Карельское кн. изд., 1964.

визии. Сражались они изолированно, не имея возможности помочь друг другу.

В ходе первых боев части 54-й дивизии подготовили хороший рубеж обороны по реке Кис-Кис (10 км западнее Ухты) и 25 июля противник тут был остановлен. До сентября 1944 года (3 года и 2 месяца) линия фронта здесь была неизменной. За все это время финны не сделали уже ни одной попытки возобновить наступление. Ухтинское направление было самым спокойным в течение всей войны.

Совершенно иначе проходили военные операции на кестеньгском направлении. По дороге от Кусамо на Софьянгу и дальше на Кестеньгу наступала с самого начала войны немецкая дивизия СС «Норд» (а не бригада «Норвегия», прибывшая якобы поздней, как пишет автор). Кестеньгу противник занял не к ноябрю, а в августе 1941 года. В середине августа 1941 года бои шли уже в 34 километрах от ст. Лоухи. Затем сюда была переброшена из Архангельска 88-я стрелковая дивизия (ставшая к концу 1941 года 23-й гвардейской). Противник был остановлен и даже на 6—8 км отброшен на запад к Кестеньге. В октябре немцы возобновили наступление и бешено рвались к ст. Лоухи. Весь октябрь и первую половину ноября здесь шли упорные кровопролитные бои [2]. Весной 1942 года здесь несколько недель снова шли упорные бои. Не потеряв надежды прорваться к ст. Лоухи, немцы неоднократно пытались возобновить наступление и в 1943 году.

Положение на кестеньгском направлении в течение всей войны было очень напряженным, и командование фронта всегда держало на нем одну, иногда даже две дивизии из своего резерва. Вот почему нельзя смешивать эти два направления и оценивать их одинаково, как это делает автор седьмой главы.

Требует уточнений и следующее положение автора: «На войска, наступавшие севернее Онежского озера, возлагался прорыв обороны врага в районе Медвежьегорска, а затем развитие наступления вдоль железной дороги на Петрозаводск, навстречу продвигавшимся от Свири войскам...» (стр. 391). Прежде всего войска 32-й армии должны были прорвать оборону противника не у Медвежьегорска, а у Повенца, что 25 км восточнее. Все основные силы 32-й армии, а не часть, как сказано в книге, по плану должны были продвигаться от Повенца на запад в общем направлении на Поросозеро. На юг вдоль дороги от Медвежьегорска к Кондопоге двигался один 1070-й полк 313-й дивизии под командованием подполковника Пильщикова. От Кондопоги по плану наступления он повернул на запад на Спасскую Губу. Но уже в ходе наступления 28 июня 1944 года один батальон этого полка повел наступление от Кондопоги на Петрозаводск.

В сентябре 1944 года, сказано в книге, «немецко-фашистское командование было вынуждено поспешно отвести свои части с кестеньгского и кандалакшского направлений...». В это время немецкие части отходили не только с этих направлений, но и с ухтинского.

На стр. 390 читаем: «Сухопутные войска противника на фронте от Ледовитого океана до Финского залива насчитывали свыше полумиллиона человек и поддерживались военно-морскими силами Германии, базировавшимися в Северной Норвегии, и финскими военно-морскими соединениями, находившимися в Финском заливе, на Ладожском и Онежском озерах».

Военно-морские силы Германии действительно базировались в фиордах Северной Норвегии. Финские военно-морские соединения действительно находились в Финском заливе. Но как они попали в Ладожское, а тем более в Онежское озеро? Ладожское озеро перед войной, как и сейчас, являлось внутренним озером нашей страны. Значит перед войной там не было и не могло быть не только ни одного финского военного корабля, но даже простой лодки. Наши военные флотилии в Онежском и Ладожском озерах во время наступления поддерживали сухопутные войска огнем и высаживали десанты, но они не встретили на этих озерах крупных военно-морских сил противника.

Неточно сказано, что «линия Карельского фронта с осени 1941 года до лета 1944 года в основном оставалась неизмен-

---

[2] Кроме дивизии СС в октябре 1941 года немцы перебросили сюда 169-ю дивизию, три батальона танков и полк тяжелой артиллерии. Из всех этих частей был создан корпус СС. Кроме немецких частей сюда же в конце октября были переброшены два финских полка из 3-го финского корпуса, подчиненного командующему немецкой армией «Норвегия» Фолькенгорсту, и два отдельных егерских батальона финнов для охраны флангов.

ной» (стр. 389). Финны взяли Медвежьегорск 5 декабря 1941 года и 7 декабря Повенец. Правильнее сказать, что линия фронта стабилизировалась с 8 декабря 1941 года, а не с осени.

Среди дивизий, удостоенных за участие в освобождении столицы республики наименования «Петрозаводских», автор называет дивизию, якобы сформированную «в грозные дни 1941 года на территории Карелии» (стр. 396). Петрозаводск освобождали части наступавшей с юга от Свири 386-й и наступавшей с севера от Медвежьегорска 313-й дивизий. Обе эти дивизии получили наименование «Петрозаводских», но формировались они не в Карелии, а на Урале.

В заключение несколько замечаний по указателю имен и важнейшим датам. На стр. 565 написано: «Варламов Н. Г. — сержант, 27-й гвардейской дивизии, Карельского фронта...». Но на Карельском фронте сражались 10-я и 23-я гвардейские дивизии, а 27-й не было.

Не совсем точно указано, что «Прокконен П. С. — с 1941 по 1956 г. председатель Совета Министров республики, затем председатель Президиума Верховного Совета КАССР» (стр. 583). На самом деле Прокконен был председателем Совета Министров с июля 1940 по июль 1947 года; с июля 1947 по июнь 1950 года этот пост занимал В. М. Виролайнен, затем опять Прокконен.

В перечне главнейших дат истории Советской Армии указано, что Карельский фронт был образован 11 августа 1941 года, тогда как Карельский фронт был создан 23 августа 1941 года [3].

Хотелось бы, чтобы автор седьмой главы обратил внимание на замеченные недочеты и избежал их в дальнейшей работе над данной темой.

Генерал-майор запаса,
бывший член Военного совета
Карельского фронта ***Г. Куприянов***

[3] Архив МО, оп. 2970, д. 20, л. 236.

КО ВСЕМ ВЕТЕРАНАМ, КО ВСЕМ ВОИНАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Дорогие товарищи!

Приближается 50-летие Ленинградского военного округа, рожденного Великим Октябрем. К этому юбилею готовится книга, в которой должна быть отражена героическая история округа с момента его образования до наших дней.

Авторский коллектив обращается к защитникам Петрограда—Ленинграда, к участникам боевых действий на Севере и Северо-Западе нашей Родины в годы гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн, к генералам, офицерам, сержантам, солдатам, ко всем товарищам, служившим в округе и проходящим службу в настоящее время, с просьбой прислать свои воспоминания, документы, фотографии и другие материалы по истории Ленинградского военного округа.

Наш адрес: **Ленинград, Д-55, штаб ЛенВО — авторскому коллективу по написанию истории округа.**

СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ТРУДЯЩИЕСЯ МОСКВЫ НА ЗАЩИТЕ РОДНОГО ГОРОДА

ЧЕТВЕРТЬ века назад на подступах к столице Советского государства разыгралось одно из грандиознейших сражений второй мировой войны — Московская битва. Затаив дыхание, весь мир следил за ее исходом. В ожесточенных боях на подступах к Москве были разгромлены крупные немецко-фашистские силы. В результате контрнаступления Советской Армии гитлеровцы повернули вспять. Всему миру стало ясно, что план «молниеносной» войны фашистской Германии против СССР провалился.

Победа под Москвой оказалась возможной вследствие необычайно высокого морального духа наших воинов, всего советского народа. Героизм был присущ советским людям, защищавшим столицу. Их бесстрашие и храбрость войдут в века, воодушевляя на подвиги грядущие поколения.

Неоценимую помощь защитникам столицы оказали трудящиеся Москвы, которые сделали все для победы над врагом и за короткий срок превратили столицу в военный лагерь, неприступный бастион, мощный арсенал фронта.

Главная задача состояла в том, чтобы преградить путь к столице наземным силам врага. Успешное разрешение этой задачи зависело не только от военного мастерства и мужества советских воинов, но и от наличия необходимых оборонительных сооружений на подступах к городу. По зову Московской партийной организации тысячи москвичей отправились на строительство оборонительных рубежей. Работы велись в любую погоду, под ударами авиации и артиллерийско-минометным обстрелом врага. Люди трудились круглые сутки.

Армия жителей Москвы, участвовавших в строительстве оборонительных рубежей на подступах к столице, насчитывала 500 тыс. человек, из них три четверти женщин [1]. Значительный вклад в подготовку столицы к обороне внесли московские юноши и девушки, более 200 тысяч которых было занято на оборонительных работах [2]. В результате общих усилий трудящихся столицы и Московской области, резервных частей Советской Армии, частей Московского ополчения, а также трудящихся других городов и областей на дальних подступах к столице были созданы Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж и Можайская линия обороны.

Строились оборонительные рубежи и на ближних подступах к Москве. Особенно много сил вложили москвичи в строительство Подольской и Кунцевской линий обороны. В их создании участвовало более 250 тыс. жителей Москвы и Московской области [3]. Кроме того, москвичи создали оборонительную линию вдоль северных и восточных окраин столицы, наиболее важные узлы сопротивления которых располагались в районе Химкинского и Клязьминского водохранилищ, Люберец и Царицынских прудов.

На Подольской и Кунцевской линиях обороны руками москвичей было построено 3826 артиллерийских и 3755 пулеметных дотов и дзотов, вырыт 361 км противотанковых рвов, сделаны 336 км эскарпов и контрэскарпов, 105 км надолб, 611 км проволочных заграждений [4].

Оборонительные рубежи создавались не только на подступах к Москве, но и в самом городе. Он был разделен на два боевых сектора — северный и южный. Каждый из них имел три кольца обороны: первый — вдоль Окружной дороги, второй — по Садовому кольцу, третий — по Бульварному кольцу. За короткий срок город покрылся густой сетью огневых точек, противотанковых препятствий, баррикад и других оборонительных сооружений. Протяженность противотанковых пре-

---

[1] МПА, ф. 3, оп. 52, д. 73, л. 16—18.
[2] Андреев П., Буков К. Подвиг города-героя. М., 1965, стр. 78.
[3] МПА, ф. 3, оп. 52, д. 115, л. 1.
[4] Там же.

пятствий, возведенных в городе, достигла 113 км, а противопехотных — 46 км. В городе было оборудовано 1400 огневых точек. На наиболее важных направлениях установлено 24 тыс. металлических противотанковых ежей [5].

В общей сложности на оборонительных рубежах, прикрывавших Москву, трудящиеся столицы и области вырыли 676 км противотанковых рвов, 445 км эскарпов и контрэскарпов, сделали 380 км противотанковых надолб, построили более 30 тыс. огневых точек, в том числе дотов и дзотов всех видов, и установили свыше 1300 км проволочных заграждений [6]. В лесах Подмосковья было устроено 1528 км лесных завалов [7]. Москва была превращена в военную крепость.

Жители Москвы и области, создавая оборонительные сооружения, проявляли подлинный героизм. Большинство выполняли по две и три дневные нормы. Много труда и мастерства вложили в это общенародное дело рабочие и работницы 2-го Московского подшипникового завода, насосного завода имени М. И. Калинина, Кожкомбината, Автокузовного завода, железнодорожники первого отделения Киевской железной дороги, сотрудники больницы имени В. Г. Короленко, студенты Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Института механизации и электрификации сельского хозяйства и многих других предприятий, учреждений и вузов столицы.

Стремясь как можно эффективнее помочь Советской Армии, москвичи, руководимые Московской партийной организацией, развернули огромную работу по формированию народного ополчения. Чтобы защитить страну, столицу, свой дом и родную семью, на бой с врагом поднялись рабочие и служащие, ученые и студенты, мужчины и женщины, юноши и девушки. Москва неутомимо собирала силы, чтобы отразить нашествие гитлеровских варваров. Оставляя любимую работу, люди шли на сборные пункты военкоматов, чтобы заявить о своей готовности добровольно отправиться на фронт. Это замечательное патриотическое движение молниеносно охватило весь город.

Настроения и чувства москвичей, вступавших в ряды народного ополчения, ярко выразили в своей клятве рабочие и служащие Московского тормозного завода: «Вставая в ряды ополчения, мы клянемся стойко и самоотверженно сражаться до окончательного разгрома врага. Клянемся не щадить сил своих и жизни для достижения цели. Клянемся не сложить оружия до тех пор, пока хотя бы один интервент будет топтать политую нашим трудовым потом советскую землю» [8].

Под знамена народного ополчения вставали лучшие люди столицы. Одним из первых в него вступил, например, мастер завода «Пролетарский труд» А. Фомин, у которого уже сражались на фронте два сына и три брата. В народное ополчение записались старый партизан М. Казаков, чьи три сына сражались на фронте, рабочие 1-й ситценабивной фабрики — отец, два сына и дочь Болотины, старый коммунист Г. Мигай, сражавшийся в годы гражданской войны против немецких оккупантов в Белоруссии, и многие другие. Поток добровольцев был настолько велик, что уже на пятый день с момента начала записи в народное ополчение от трудящихся Москвы поступило 168 470 заявлений с просьбой направить их на фронт [9].

По решению Московского комитета партии в Москве было создано 12 дивизий народного ополчения. Они формировались в Ленинском, Сталинском, Куйбышевском, Фрунзенском, Дзержинском, Бауманском, Краснопресненском, Кировском, Ростокинском, Москворецком, Ленинградском, Киевском районах столицы. Значительное пополнение в дивизии народного ополчения Москвы дали Ленинский, Коммунистический, Кировский, Красногорский, Подольский и другие районы Московской области. Всего дивизии народного ополчения насчитывали около 120 тыс. человек [10]. Это был серьезный резерв советских войск, героически оборонявшихся на западном стратегическом направлении.

Огромную работу по формированию дивизий народного ополчения, боевой и политической подготовке их личного со-

---

[5] Архив МО СССР, ф. 135, оп. 717170, д. 7, л. 147.
[6] Андреев П., Буков К. Указ, соч., стр. 78.
[7] МПА, ф. 3, оп. 52, д. 115, л. 2.
[8] «Московский большевик», 1941, 6 июля.
[9] МПА, ф. 3, оп. 52, д 73, л. 1.
[10] Андреев П., Буков К. Указ. соч., стр. 45.

Московские ополченцы

става провели штаб Московского военного округа, военные отделы Московского комитета партии и райкомов партии, а также военные академии, находившиеся в то время в Москве. Наиболее энергичное участие в формировании дивизий народного ополчения и укомплектовании их командными кадрами приняла Военная академия имени М. В. Фрунзе, которая уже 2 июля 1941 года направила в их ряды на должности командиров и начальников штабов дивизий, командиров полков и начальников штабов полков 36 своих лучших профессоров, преподавателей, а также большое количество слушателей. Среди них были генералы Н. Пронин, Б. Бобров, В. Вашкевич, Н. Дреер, полковники Г. Первенцев, В. Вепрэ, Ф. Шмелев, А. Шундеев, А. Семенов и другие.

При формировании дивизий народного ополчения пришлось преодолеть большие трудности. Одной из них был чрезвычайно разнообразный профессиональный и возрастной состав пополнения. Некоторые дивизии состояли, например, преимущественно из рабочих, другие — из представителей советской интеллигенции. В одних дивизиях были люди молодые, в других — главным образом пожилые. Все это крайне затрудняло комплектование боевых подразделений и частей народного ополчения. Серьезные трудности встретились и в решении проблемы обеспечения обмундированием, снаряжением, транспортом, вооружением. Военное ведомство не смогло сразу принять дивизии народного ополчения на все виды довольствия, и этим пришлось заниматься партийным и советским организациям. Они изыскивали все необходимое для своей дивизии на местах. Так, например, Бауманский район выделил для своей дивизии 26 легковых и 44 грузовых автомобиля, 15 мотоциклов, 50 походных кухонь, 800 шинелей, 2000 пар сапог и ботинок [11]. Подобным же образом на первых порах снабжались и другие дивизии народного ополчения. Конечно, этого было недостаточно, чтобы удовлетворить возникшие потребности. Но и то, что выделялось районами, способствовало ускорению их комплектования.

Тогда же, в июле 1941 года, была проведена большая работа по формированию истребительных батальонов. Буквально за несколько дней под руководством Московской партийной организации для обеспечения безопасности столицы было создано 25 истребительных батальонов, в которые добровольно вступило 18 тыс. москвичей. Позже, в октябре 1941 года, по призыву Московской партийной организации было создано 25 коммунистических батальонов, которые имели в своем составе около 10 тыс. человек [12]. На базе истребительных и коммунистических батальонов были сформированы 3-я Московская коммунистическая дивизия, 4-я и 5-я Московские стрелковые дивизии, а за счет очередного призыва в армию была укомплектована 2-я Московская стрелковая дивизия. Таким образом, москвичи дали фронту дополнительно четыре дивизии, насчитывавшие свыше 43 тыс. бойцов и командиров [13].

Сражаясь за Родину, ополченцы столицы проявили себя мужественными воинами. Так, в районе Вязьмы, взаимодействуя с другими частями Западного фрон-

---

[11] МПА, ф. 3, оп. 52, д. 85, л. 2.
[12] Архив МО, ф. 135, оп. 717170, д. 7, л. 187.
[13] Андреев П., Буков К. Указ. соч., стр. 93.

Наташа Ковшова

Маша Поливанова

та, отважно дрались бойцы и командиры 1-й дивизии народного ополчения [14]. Многие воины этой дивизии пали в неравном бою, но свой долг выполнили с честью. Бесстрашно дрался с врагом ополченец дивизии И. И. Резниченко. Когда началась Великая Отечественная война, за его плечами уже был богатый опыт защиты Родины. В годы первой русской революции Ивану Ивановичу довелось сражаться на баррикадах Красной Пресни, а затем, в гражданскую войну, он воевал в партизанских отрядах Сибири. Теперь, несмотря на то что ему уж перевалило за седьмой десяток, он вновь взял винтовку, чтобы бить врага. Вспоминая об участии в боях этого славного патриота, политрук роты связи дивизии Н. Шполянский пишет: «Колоритная, богатырская фигура Резниченко, его мужественное лицо, обрамленное большой седой бородой деда-мороза, задорно развевавшейся на ветру, невольно бросались всем в глаза. Глядя на старика, бодро шагавшего в рядах дивизии, казалось, что ожил и сошел с картины Васнецова один из древних русских богатырей» [15].

Олицетворением мужества воинов 3-й Московской коммунистической дивизии [16] является героический подвиг юных москвичек Наташи Ковшовой и Маши Поливановой, которые до последнего дыхания сражались с врагами и пали смертью храбрых. За мужество в борьбе с немецкими захватчиками Наташе Ковшовой и Маше Поливановой было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

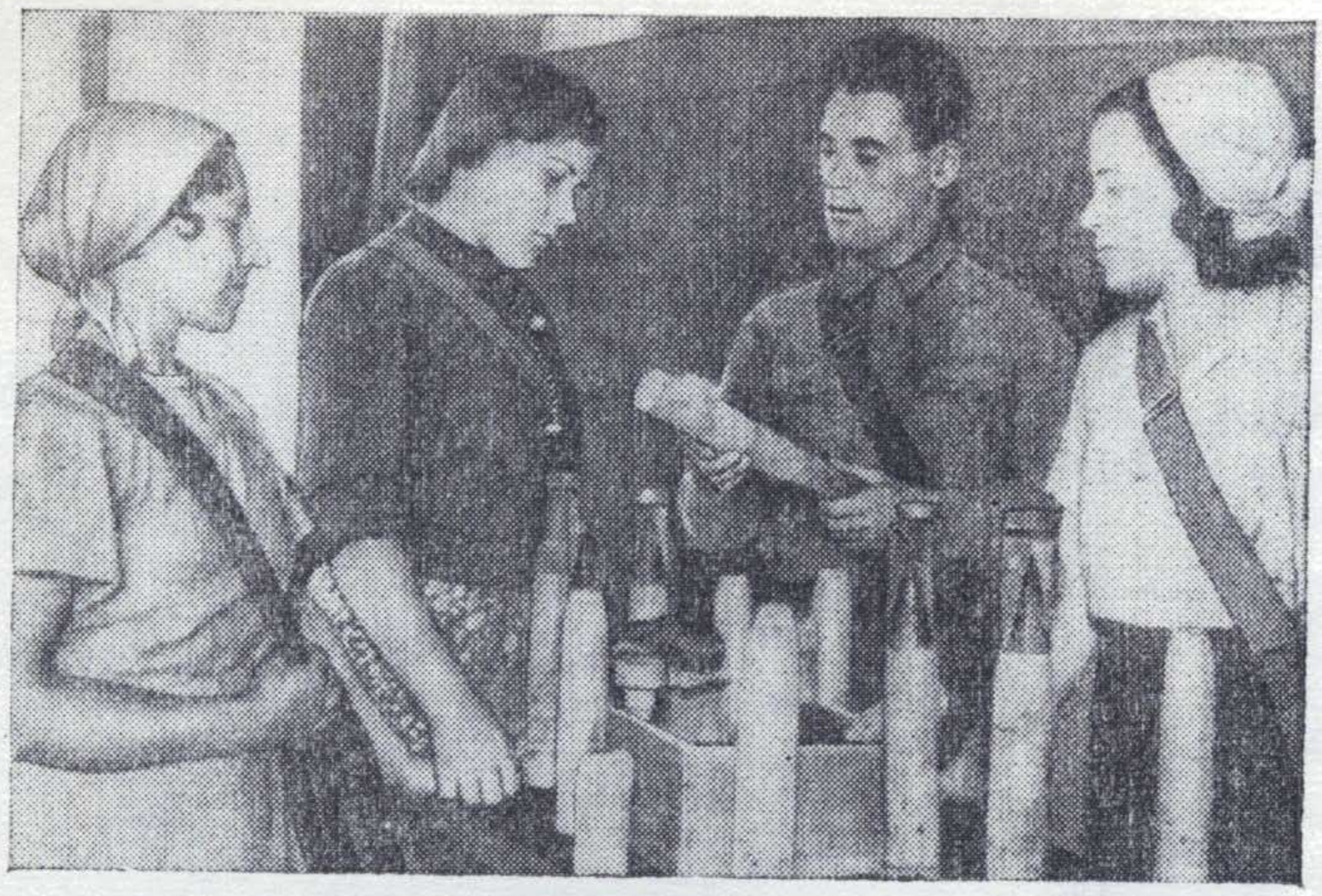
Трудящиеся Москвы приняли самое активное участие в противовоздушной обороне родного города. По призыву Московского комитета партии на службу в войска ПВО ушли несколько тысяч москвичей. Жители столицы оказывали войскам ПВО большую помощь в строительстве аэродромов и огневых позиций для орудий и пулеметов. Рабочие завода «Каучук» и фабрики «Красная Роза» срочно изготовили для войск ПВО аэростаты воздушного заграждения. Немало боевой техники и специального снаряжения дали и рабочие других предприятий.

Особенно велика роль трудящихся Москвы в создании подразделений местной противовоздушной обороны города. На их долю выпал нелегкий труд дежурить при налетах вражеской авиации на чердаках и крышах зданий, чтобы уберечь дома и промышленные предприятия от пожаров

[14] На основании директивы Генерального штаба от 12 сентября 1941 года 1-я дивизия народного ополчения Ленинского района была преобразована в 60-ю стрелковую дивизию.

[15] Народное ополчение Москвы. М., «Московский рабочий», 1961, стр. 164.

[16] В соответствии с директивой Генерального штаба от 22 января 1942 года 3-я Московская коммунистическая дивизия была преобразована в 130-ю стрелковую дивизию Советской Армии.

Активисты МПВО завода им. Войкова у затушенных ими зажигательных бомб (июль 1941 года)

во время бомбардировок. Группы и отряды местной противовоздушной обороны начали организовываться в Москве с первых дней войны. За короткий срок только при домоуправлениях возникло 3600 групп самозащиты, насчитывавших 81 600 человек [17]. В столице было сформировано 12 736 пожарных команд, в действиях которых первоначально принимало участие 205 200 человек [18]. Кроме того, был сформирован комсомольско-молодежный полк противопожарной обороны общей численностью около 5000 бойцов. Бойцы этого полка — молодые рабочие, служащие, студенты, школьники старших классов — лишь в течение первого военного лета потушили 18 000 зажигательных бомб. Для ликвидации последствий воздушных бомбардировок врага было создано 6 специализированных полков и более 20 батальонов и рот. Всего же в частях и подразделениях местной противовоздушной обороны Москвы насчитывалось более 600 тыс. человек [19].

Самоотверженно выполняли патриотический долг бойцы группы самозащиты Московского городского пединститута имени В. П. Потемкина — преподаватели Н. П. Никитин, М. В. Шихова, В. П. Кальянов, Г. К. Тушинский, А. М. Порубиновский и студенты Николай Жильцов, Александр Липаев, Иван Алексеев, Вера Квятковская, Евгения Сигаева, Антонина Корнеева, Олимпиада Ширяева и другие, защищая Москву от вражеских зажигательных бомб.

Успешно справлялись с огнем и другие команды МПВО. Бесстрашно, например, тушили зажигательные бомбы врага жильцы 99-го домоуправления Кировского района, руководимые управляющим домами Т. Я. Голубевой. Команда МПВО этого домоуправления всегда своевременно ликвидировала очаги пожара, сама Голубева только за десять дней, с 22 июля по 1 августа, потушила 66 зажигательных авиабомб [20].

Не зная устали, оберегали Москву бойцы комсомольско-молодежного противопожарного взвода Свердловского района столицы, руководимого Борисом Мироновым. В конце июля нескольким фашистским самолетам удалось прорваться к Москве. Гитлеровские летчики высыпали на город сотни зажигательных бомб. Возникли пожары. Героически борясь с огнем, бойцы взвода ликвидировали шесть пожаров.

Сотни тысяч трудящихся днем и ночью несли боевую вахту по охране промышленных предприятий, учреждений и других важных объектов. Например, на заводе «Серп и молот» все рабочие являлись бойцами МПВО. Активно действовали бойцы МПВО завода «Динамо». Враг сбросил на завод около 1200 зажигательных авиабомб, но благодаря оперативным мерам заводской команды МПВО почти все авиабомбы противника были уничтожены. Героически действовали команды МПВО завода «Красный пролетарий», Сокольнического вагоностроительного завода имени Владимира Ильича и других предприятий Москвы. Созданная в столице самоотверженным трудом москвичей система местной противовоздушной обороны явилась серьезной

[17] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 53, лл. 16–18.
[18] Там же, д. 1755(11), л. 135.
[19] Андреев П., Буков К. Указ. соч., стр. 66.
[20] «Московский большевик», 1941, 1 августа.

опорой в борьбе с последствиями налетов авиации неприятеля.

В период отражения натиска гитлеровских полчищ на столицу московские рабочие предпринимали неимоверные усилия для обеспечения фронта оружием и материальными средствами. Многие столичные предприятия эвакуировали на Восток страны, а оставшиеся в столице фабрики и заводы перевели на работу по военному графику. Труд в тылу стал таким же средством победы над врагом, как и бой на фронте. Спеша заменить ушедших в армию, к станкам встали старики, женщины и подростки.

На предприятиях столицы было развернуто производство различных видов боевой техники и вооружения. Особенно быстро наладили производство автоматов, пулеметов, минометов. Лишь войска Московской зоны обороны только за три месяца, с 15 ноября 1941 года по 15 февраля 1942 года, получили от столичной промышленности 9 300 автоматов и 2 118 минометов [21].

На нужды фронта работали не только крупные промышленные предприятия союзного и республиканского значения, но и мелкие, в том числе и промысловые артели местной промышленности. Они в большом количестве производили различное вооружение и боеприпасы. Если в 1941 году военная продукция в валовом производстве местной промышленности составляла около 24 процентов, то в 1942 году ее удельный вес составлял более 40 процентов [22].

Трудящиеся столицы, преодолевая тяготы и лишения войны, мужественно несли трудовую вахту. Об огромном трудовом подъеме москвичей свидетельствует пример рабочих «Красного пролетария», которые тотчас же после начала войны объявили себя мобилизованными. Выполняя специальные заказы фронта, механик И. В. Талыкин, мастер И. В. Кузнецов, слесарь П. И. Павлов и многие другие неделями не покидали заводских цехов. Коллектив завода тридцать два раза завоевывал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, которое после войны осталось на вечное хранение на заводе.

Орденов и медалей СССР за отличное выполнение фронтовых заказов были удостоены десятки тысяч москвичей. Свыше одного миллиона москвичей награждены медалями «За оборону Москвы»[23].

Значительным вкладом трудящихся Москвы в победу над врагом являлось производство различного вооружения на средства, поступающие от москвичей. Так, трудящиеся Дзержинского района на собранные деньги построили танковую колонну «Дзержинец», железнодорожники Московского железнодорожного узла построили 7 бронепоездов, домохозяйки Свердловского района собрали деньги на покупку звена самолетов «Советская патриотка», артисты Малого театра подарили советским летчикам звено самолетов «Малый театр». Более 3 млн. рублей собрали на танковую колонну «Московский осоавиахимовец» осоавиахимовцы столицы. За годы войны москвичи внесли в фонд обороны страны 2 млрд. 618 млн. рублей.

Москва была крупным центром подготовки военных специалистов. Их готовили военные академии и училища, школы и курсы Всевобуча, различные спортивные организации. Только организациями Осоавиахима в 1941 году в Москве было подготовлено 149 576 стрелков первой степени, 43 362 стрелка второй степени, 1 900 снайперов [24].

Большую помощь фронту оказывали москвичи, собирая и отправляя для советских воинов теплые вещи и подарки. Лишь в течение первого года войны они собрали 1 270 367 теплых вещей. В разгар Московской битвы, зимой 1941/42 года, москвичи отправили воинам Западного фронта 221 тыс. подарков [25].

Чтобы помочь фронту, москвичи не жалели не только своих сил и средств, но и своей крови. Широкий размах получило донорское движение. К середине ноября 1942 года в Москве уже было 170 тыс. доноров [26]. Их кровь помогла спасти жизнь сотням тысяч фронтовиков.

Фронту помогали не только взрослые, но и юные патриоты Москвы. Более 20 тыс. учащихся старших классов сооружали оборонительные укрепления вокруг города, а 28 тыс. учащихся старших клас-

[21] Архив МО, ф. 135, оп. 717170, д. 7, л. 317.
[22] МПА, ф. 3, оп. 66, д. 38, л. 1.
[23] Цыганков В. П. Героическая Москва. М., Воениздат. 1960, стр. 179.
[24] МПА, ф. 4, оп. 46, д. 4, л. 18.
[25] Там же.
[26] «Московский большевик», 1942, 15 ноября.

сов пошли работать на заводы и фабрики, заменив рабочих, ушедших на фронт [27]. Десятки тысяч школьников участвовали в сборе металлолома и средств на вооружение для Советской Армии.

Таких примеров массового героизма и самопожертвования, какие проявили жители Москвы при защите своего родного города, не знала дотоле история человечества. На полях сражений под Москвой во всю ширь проявились высокие качества советского человека — его неиссякаемая любовь к социалистической Родине, несгибаемая стойкость и мужество перед лицом врага, умение вести борьбу во имя светлых идеалов в самых сложных условиях. Пройдут века, но память о выдающейся победе советского народа и его армии в битве под Москвой будет жить вечно.

Кандидат исторических наук
А. Колесник,
кандидат исторических наук
А. Синицын

[27] МПА, ф. 635, оп. 3, д. 14, л. 36.

Е. А. БЕРЕНС

(К 90-летию со дня рождения)

ПОЧЕТНОЕ место в деле создания и укрепления молодого Советского Военно-Морского Флота принадлежит Е. А. Беренсу, одному «из тех честных беспартийных специалистов, которые безоговорочно примкнули к революции и отдали свои богатые знания и опыт на служение трудящимся»[1].

Евгений Андреевич Беренс [2] родился 30 октября (11 ноября) 1876 года в небогатой дворянской семье потомственных моряков в Тбилиси. В 1895 году закончил Морской кадетский корпус. В должности старшего штурмана крейсера «Варяг» участвовал в героическом сражении при Чемульпо (январь 1904 года). За мужество и находчивость, проявленные в этом бою, был награжден орденом Георгия 4-й степени. В 1908 году в качестве старшего офицера броненосца «Цесаревич» Беренс находился в Мессине (Сицилия), где отличился при оказании помощи пострадавшим от землетрясения.

Опытный и образованный офицер, знавший несколько иностранных языков, с широким научным кругозором, Беренс вскоре был привлечен к преподавательской деятельности: ему поручили вести курс военно-морской истории в Морском кадетском корпусе, читал он лекции и в Академии Генерального штаба. Вплоть до Февральской революции находился на военно-дипломатической работе: был военно-морским атташе в Германии, Голландии и Италии [3].

После возвращения в Россию капитан 1 ранга Беренс возглавил статистический, позже иностранный отделы Морского генерального штаба. В период между Февралем и Октябрем Беренс пытался представить несколько проектов реорганизации Генмора, но не получил никакой поддержки ни в Морском министерстве, ни со стороны Временного правительства, занятого борьбой с надвигавшейся революцией. После победы Октября его избирают начальником Морского генерального штаба. В этой должности Беренс был утвержден Советским правительством [4].

Почти полтора года (с ноября 1917 по апрель 1919 г.) он находился на этом

[1] «Известия ВЦИК», 1928, 8 апреля.

[2] См. о нем: некролог В. Е. Егорьева, опубликованный в «Морском сборнике», 1928, № 4, стр. 3—7; сб. Пять лет Красного Флота. П-д, 1922, стр. 207; некролог в «Известиях ВЦИК», 1928, 8 апреля; «Красный флот», 1928, № 7, стр. 38—39; «Советский флот», 1960, 12 августа.

[3] ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 247. Послужные списки Е. А. Беренса за 1906—1915 гг.; там же, ф. р-1, оп. 3, д. 2119, л. 82. Справка о Е. А. Беренсе.

[4] ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 3, д .2119, л. 82 об.

ответственном и важном посту. Трудна и многообразна была его работа, протекавшая в сложной политической и военной обстановке. Комиссар Генмора балтийский моряк С. П. Лукашевич отметил в своем дневнике за 1918 год, что многие офицеры Генмора саботировали и срывали мероприятия Советского правительства, поэтому ему и Беренсу стоило большого труда обеспечить выполнение правительственных заданий [5].

Позже, во время войны с белополяками в 1920 году, Е. А. Беренс подписал воззвание ко «Всем военным морякам, где бы они ни находились». В этом воззвании говорилось: «Обращаемся ко всем морякам, всякого звания, чина и положения, где бы они ни находились, за пределами Советской России, и в особенности к морякам Черноморского флота, с искренним и горячим призывом. Забыть рознь, происшедшую за последние годы, и соединиться с нами для спасения русского народа и его земли. Теперь не время рассчитывать на интервенцию и искать выхода во всяких других средствах. Пора признать, что русский народ всем ходом последних лет показал, как он хочет жить и за что борется»[6].

Генмор, возглавляемый Беренсом, вел огромную военно-организационную работу, обеспечивал оперативное руководство действиями флотов и флотилий на фронтах гражданской войны, ведал комплектованием и вооружением боевых кораблей и матросских отрядов. Он готовил материалы по демобилизации личного состава дореволюционного флота, ведал составлением оперативных планов обороны морских рубежей, разрабатывал проекты организации и штатов различных флотских учреждений и штабов. Ряд ответственнейших заданий Советского правительства и лично В. И. Ленина, выполненных флотом в 1918 году, связан с именем Е. А. Беренса. Генмором были подготовлены основные положения Гангутского соглашения с Германией, устанавливавшие демаркационную линию и режим плавания кораблей в Балтийском море. В невероятно тяжелых условиях и суровой метеорологической обстановке весной 1918 года по планам, разработанным Генмором, был совершен исторический Ледовый поход кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт и Петроград. Было спасено почти 250 кораблей различных рангов — основное ядро Балтийского флота.

Серьезное внимание Генмор и его начальник уделяли мерам по обороне Петрограда с моря. Вскоре после Ледового похода Беренс совместно с комиссаром Генмора приехал в Кронштадт, где провел совещание с представителями командования Балтийского флота. Охарактеризовав военно-политическую обстановку в стране, и в частности на Балтике, Беренс определил основные задачи флота в обороне Петрограда. Он подчеркнул, что полагаться на Брестский мир нельзя, угроза нападения со стороны кайзеровской Германии не снята. Поэтому надо принять срочные меры для укрепления боеготовности флота. Начальник Генмора и его комиссар безуспешно пытались убедить тогдашнего командующего Балтфлотом Щастного в необходимости выполнения директив Советского правительства. Однако Щастный, связанный с контрреволюционным подпольем [7], пытался доказать, что выполнить эти директивы невозможно, и предъявил ультимативные требования: отменить выборность командного состава, провести полную демобилизацию команд всех кораблей, усилить карательные меры против матросов и т. п.[8].

Не меньшее значение имело участие Е. А. Беренса в проведении в жизнь ленинской директивы об уничтожении кораблей Черноморского флота в июне 1918 года. Еще в мае по поручению Совета Народных Комиссаров Беренс составил доклад о политической, экономической и военной обстановке в Черноморском бассейне в связи с оккупацией немцами юга Украины и захватом Крыма. В докладе говорилось: «...уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверно полностью или в части попадут в руки Германии и Турции»[9]. Это был единственно правильный в той обстановке вывод. На

---

[5] ЦГАВМФ, ф. р-402, оп. 2, д. 70, лл. 27 об, 47, 124.
[6] «Красный флот», 1928, № 7, стр. 39.
[7] Щастный вскоре был арестован и по приговору Ревтрибунала ВЦИК расстрелян.
[8] ЦГАВМФ, ф. р-402, оп. 2, д. 70, лл. 59—62. Протокольная запись.
[9] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Сб. документов и материалов. Киев, 1963, стр. 139.

этом докладе В. И. Ленин написал: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»[10]. Беренс принял все меры, чтобы ленинская директива была выполнена. Он держал связь с Высшим военным советом, с Наркоминделом[11], с командованием Черноморского флота. В телеграмме командующему флотом Е. А. Беренс предупреждал, что препятствующие уничтожению судов «будут покрыты позором всей страной и революцией, как малодушные и предатели»[12].

В апреле 1919 года скоропостижно скончался командующий морскими силами Республики В. М. Альтфатер. Его преемником стал Е. А. Беренс. На этом посту он развернул кипучую деятельность. Летом 1919 года флоты и флотилии были выделены из фронтов и подчинены непосредственно командующему, который теперь являлся помощником главкома по морской части[13]. Этим значительно расширялись функции и права командующего морскими силами. По инициативе Беренса укреплялись и создавались новые озерные и речные флотилии, число которых к концу 1919 года достигло почти двадцати. Флотилии оказывали существенную помощь частям Красной Армии. Позже, на совещании командующих флотилиями, Беренс говорил: «Каждому из нас, конечно, приятнее плавать на море, чем на реке, но есть обстоятельства, которые доказывают последнее, а именно приходится плавать на реке, пока не завоюем моря». И далее он подчеркивал: «Как бы флотилии ни были малы, все-таки их роль довольно большая»[14].

В августе 1919 года Беренс вместе с работниками штаба отправился на Волгу, чтобы оказать практическую помощь командованию Волжской флотилии, участвовавшей в боях за Царицын. Тепло писала с фронта о Беренсе известная советская писательница Л. М. Рейснер: «Революция заставила Беренса, теоретика и сибарита, засучить кружевные манжеты и собственными руками рыть могилу своему мертвому прошлому и своему побежденному классу. Беренс вооружает корабли против реставрации и верит, вопреки всяким догмам, что его маленькие флотилии, нагруженные до краев мужеством и жаждой жертв, могут и должны победить. После падения нашего Царицына Беренс сидит у себя в каюте, и глаза у него становятся такими же, как у всех стариков, в одну ночь потерявших сына»[15].

Итоги боевой деятельности флота за два года гражданской войны были подведены на съезде командующих флотилиями, состоявшемся под председательством Беренса в начале 1920 года. Выступивший на съезде Беренс отметил, что флот сыграл важную роль в защите Советской республики и оказал действенную помощь Красной Армии в боях с белогвардейцами и интервентами. Он определил основные задачи флота на ближайшее будущее, обратив особое внимание на необходимость усиления боевых средств Волжско-Каспийской флотилии, которой предстоит борьба за полное овладение бассейном Каспийского моря. Командующий остановился на вопросе о нехватке командных кадров[16], призвав смелее выдвигать из рядовых моряков новых командиров «путем воспитания и практики». Съезд обсудил ряд организационных и принципиальных вопросов[17].

Предельно загруженный практической работой, Беренс по-прежнему живо интересовался военно-дипломатическими вопросами, международными отношениями Советской страны с соседними государствами, тщательно следил за развитием военно-морского дела за границей. Вскоре Советскому правительству опять понадобились его разносторонние знания и опыт многолетней дипломатической слу-

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 81.

[11] См. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, стр. 142, 161.

[12] Там же, стр. 150.

[13] ЦГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 453, л. 21. Приказ Реввоенсовета Республики № 945 от 5 июня 1919 года.

[14] ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 3, д. 450, л. 152. Протоколы съезда.

[15] Рейснер Л. Избранные произведения. М., 1965, стр. 60.

[16] При создании Советского Военно-Морского Флота особенно остро встал вопрос о кадрах командного состава. В отличие от армии в дореволюционном флоте морские офицеры почти сплошь были выходцами из господствующих классов. (ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 3, дд. 122—125, 129—132, 147—152, 165—171). Классовый состав морских офицеров определил их позицию в революции и гражданской войне. Только сравнительно незначительная часть морских офицеров сразу и безоговорочно стала на сторону революции.

[17] ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 3, д. 449, лл. 3—4 об; там же, д. 450, лл. 150—151, 288—291. Протоколы съезда.

жбы: в 1920 году начиналась полоса мирных переговоров с капиталистическими странами. В феврале 1920 года Беренс назначается уполномоченным при Реввоенсовете Республики по особо важным поручениям, военно-морским экспертом по переговорам с иностранными государствами. Все лето и осень 1920 года он состоял морским представителем в делегации по мирным переговорам с Финляндией в Юрьеве (Тарту)[18].

Так же успешно выполнял Беренс и другие дипломатические поручения. За сравнительно короткий срок — два года — он участвовал в работе трех международных конференций — Генуэзской, Лозаннской и Римской. Е. А. Беренс собрал огромный материал по флоту для международной экономической Генуэзской конференции (1922 год), на которой он присутствовал в составе советской делегации в качестве военно-морского эксперта. Этот материал советские дипломаты использовали при обсуждении «русского вопроса», когда представители империалистических держав потребовали возмещения «убытков», понесенных иностранцами в результате революции и гражданской войны.

Деятельное участие он принял в Лозаннской конференции (1922—1923 гг.), обсуждавшей условия мирного договора с Турцией и вопрос о режиме Черноморских проливов.

Особенно значительную роль играл Беренс на Римской конференции (1924 год) по ограничению военно-морских вооружений. На этой конференции Советскому Союзу было предложено сократить флот до 6 линкоров с тоннажем в три раза меньшим того, что был во флоте в 1921 году. Тогда представитель Советских Военно-морских сил Беренс выступил с протестом против такого ограничения и потребовал, чтобы на четырех морских театрах Республики осталась хотя бы половина указанного тоннажа. При этом он настаивал на возвращении из Бизерты русских кораблей, уведенных туда белогвардейцами из Крыма и интернированных французским правительством, закрытии для военных судов прохода через проливы Бельт и Зунд и пересмотре Лозаннского договора в целях воспрещения следования военных кораблей через Босфор и Дарданеллы.

С осени 1923 года Беренс назначается морским экспертом при советском полпредстве в Англии, а с марта 1924 года утверждается там военно-морским атташе[19]. После признания Францией СССР (1925 г.) по совместительству являлся военно-морским атташе и в этой стране.

Подробные и интересные донесения Беренса из Англии и Франции за 1923—1926 годы содержат богатейший материал по истории международных отношений в этот период и безусловно свидетельствуют, что его дипломатическая деятельность во многом способствовала укреплению взаимопонимания и нормализации отношений между этими странами и Советским Союзом[20].

Е. А. Беренс занимался научной работой, много переводил. Некоторые его статьи представляли известный научный интерес[21]. Его перу принадлежат переводы мемуаров Тирпица, Грооса и Черчилля[22].

Осенью 1927 года Е. А. Беренс поехал в Женеву в качестве морского эксперта на 4-ю сессию Комиссии Лиги Наций по подготовке конференции по разоружению[23]. Эта поездка была последней.

7 апреля 1928 года Е. А. Беренс умер в Москве[24].

Научный сотрудник Ленинградского отделения института истории АН СССР ***В. Петраш***

---

[18] ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 3, дд. 773, 776 и 777.

[19] При утверждении Е. А. Беренса военно-морским атташе в Англии произошел любопытный инцидент. По согласованию Реввоенсовета с НКИД решено было присвоить Беренсу воинскую категорию старшего флагмана, что соответствовало чину вице-адмирала, в то время как среди аккредитованных тогда в Англии атташе других держав не было офицера чином старше капитана 1 ранга. Считая свое положение в этих условиях не совсем удобным, Беренс просил несколько «снизить» его в чине. Тогда он был «разжалован» в флагманы, т. е. контр-адмиралы.

[20] См. ЦГАВМФ, ф. р-1, оп. 3, дд. 2108, 2109, 2119, 2874, 2875.

[21] Программа судостроения в Англии. — «Морской сборник», 1925, № 11; Высшее английское морское командование в мировой войне в оценке Черчилля. — «Морской сборник», 1928, № 4 и № 5.

[22] Тирпиц А. Воспоминания. «Морской сборник», 1920, № 6—9. Гроос. Война на море, 1914—1918. Т. I. П-д, 1921. Беренс также перевел третий том «Мирового кризиса» У. Черчилля.

[23] См. «Красный флот», 1928, № 7, стр. 38.

[24] В Советской военной энциклопедии год смерти его указан не точно (1929) — см. т. 2, стр. 378.

Книги по истории войн и военного искусства

История военного искусства. Под общ. ред. А. А. Строкова. М., Воениздат, 1966, 655 стр., с илл. (Б-ка офицера).

История войн и военного искусства России

Гвинчидзе О. **Братья Грузиновы.** Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1965, 112 стр., с илл. (АН Груз. ССР). Освещаются события, связанные с судьбой гвардейских офицеров Евграфа и Петра Грузиновых, казненных в годы царствования Павла I по обвинению в государственной измене.

Иванов К. И. **Усадьба «Ботик» — месторождение русского военного флота.** Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд., 1966, 27 стр., с илл.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Авт.: И. И. Смирнов и др. М. — Л., «Наука», 1966, 328 стр., с илл. (АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории).

Островский Б. **Лазарев.** М., «Мол. гвардия», 1966, 176 стр. (Жизнь замечат. людей).

Чичерин А. **Дневник. 1812—1813.** Перевод с франц. Предисл. Л. Г. Бескровного. М., «Наука», 1966, 280 стр., с илл. (АН СССР, Ин-т истории). Автор — участник Отечественной войны 1812 года.

Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР (1918—1920 гг.)

Апрелков А. В. **Под боевыми знаменами.** Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1965, 85 стр., с илл. О героической борьбе трудящихся Южного Урала против атамана Дутова (январь — июнь 1918 г.).

Байкалов К. К. **Воспоминания.** Якутск, Якуткнигоиздат, 1966, 135 стр., с илл. Воспоминания о гражданской войне в Сибири.

В походах и боях. Под общ. ред. и с предисл. Л. К. Положенцева. Ташкент, «Узбекистан», 1965, 230 стр. Воспоминания ветеранов—воспитанников Ташкентского общевойскового командного училища им. В. И. Ленина, принимавших участие в борьбе за установление Советской власти в Туркестане.

Вечно живое пламя. Сборник. Хабаровское кн. изд., 1965, 311 стр. Воспоминания участниц гражданской войны на Дальнем Востоке.

Дженчураев Д. Д. **По следам басмачей.** 2-е испр. изд. Фрунзе, «Кыргыстан», 1966, 208 стр.

Дунаевский А. **По следам Гая.** Ереван, «Айастан», 1966, 125 стр.

Душенькин В. **От солдата до маршала.** Изд. 3-е, доп. и испр. М., Политиздат, 1966, 224 стр., с илл. О жизни и боевом пути В. К. Блюхера.

А. Избышев, С. Шварц, Д. Карбышев. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1965, 122 стр., с илл. (Жизнь — подвиг). Очерки о А. И. Избышеве — организаторе партизанского движения в тылу колчаковцев. С. А. Шварце — участнике борьбы за власть Советов в Сибири и генерале Д. М. Карбышеве — коммунисте, ученом, патриоте.

История внешней политики СССР. 1917—1966. В 2-х ч. Под ред. Б. Н. Пономарева и др. Авт.: А. В. Березкин и др. М., «Наука», 1966, 478 стр. (АН СССР, Ин-т истории).

Кондратьев Н. **Человек долга.** М., Политиздат, 1966, 112 стр., с илл. (Герои и подвиги). Очерк о жизни и деятельности героя гражданской войны А. Э. Даумана.

Лебедев И. **В огне рожденные, в боях закаленные.** М., Воениздат, 1966, 270 стр. О том, как складывались и развивались боевые традиции Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Мальцев М. и Курчин Г. **Первый советский, первый боевой.** М., Воениздат, 1965, 199 стр., с илл. О первом советском и первом боевом ордене — ордене Красного Знамени.

Майоров Б. Г. **Великая перемена.** Элиста, Калмиздат, 1965, 88 стр. Об участии калмыков в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне.

Октябрь и гражданская война в СССР. М., «Наука», 1966, 526 стр. (АН СССР, Ин-т истории). Сборник статей к 70-летию академика И. И. Минца.

Пашуков В. Ф. **Марийский край в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).** Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1965, 180 стр.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. Сост.: Т. Ф. Абраменко и др. Т. 1. М., «Наука», 1966, 584 стр., с илл. (АН СССР, Ин-т истории; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Слобожан И. **Александр Раков.** Л., Лениздат, 1965, 221 стр. О революционере-большевике, комиссаре Петроградской Отдельной бригады.

Церетели М. В. **Народный герой Нестор Каландаришвили.** Воспоминания соратника. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1965, 143 стр. О командире партизанского отряда в Сибири в период гражданской войны.

Эйхе Г. Х. **Опрокинутый тыл.** М., Воениздат, 1966, 384 стр.

Великая Отечественная война Советского Союза и вторая мировая война (1939—1945 гг.)

Алтай в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Барнаул, Алтайское кн. изд., 1965, 455 стр., с илл.

Андрющенко Н. К. **Легенда о мужестве.** Минск, «Беларусь», 1966, 103 стр. О боевом пути разведчицы Н. Богдановой в годы Великой Отечественной войны.

Афанасьев И. **Дом солдатской славы.** 2-е доп. изд. Волгоград, Нижне-Волжское кн. изд., 1966, 176 стр., с илл. Воспоминания участника обороны дома Павлова в Сталинграде.

Афанасьев Н. **Подвиг первых ракетчиков.** 2-е изд. Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1965, 182 стр., с илл. О батарее реактивной артиллерии капитана И. А. Флерова.

Борзунов С. **Берег левый, берег правый...** М., ДОСААФ, 1966, 160 стр. Записки фронтового корреспондента.

Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. В 3-х кн. (Вступит. слово И. Х. Баграмяна). Кн. 1. Авт.: П. Д. Гриценко и др. Рига, «Лиесма», 1966, 369 стр.

Вельц Г. **Солдаты, которых предали.** Записки бывшего офицера вермахта. Перевод с нем. Предисл. Г. Ф. Заставенко. М., «Мысль», 1965, 359 стр., с илл.

Виноградов И. **Они не пропали без вести.** М., ДОСААФ, 1965, 80 стр. О героизме защитников Кингисеппского укрепленного района.

Воскобойников Э. А. и Яковлев В. М. **Организаторская и идеологическая работа Коммунистической партии Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.).** Ташкент, «Узбекистан», 1966, 182 стр.

Герои Советского Союза — кустанайцы. В кн.: Вечно живые. (К 50-летию Великого Октября). Памятка. Кустанай, 1965, стр. 5—56.

Герои Советского Союза — могильчане. Минск, «Полымя», 1965, 172 стр.

Громов В. **Поединок.** М., Воениздат, 1966, 47 стр. (Рассказывают фронтовики).

Дороги, которыми шел солдат. Сост.: В. Денисов и Г. Чолак. Кишинев, «Картя молдовеняскэ», 1966, 227 стр. Очерки о подвигах солдат и офицеров — участников Великой Отечественной войны.

Дубинский А. М. **Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке.** (Из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны). М., «Мысль», 1966, 593 стр.

Ермолаев В. и Марков С. **Матрос с лидера «Минск».** Горький, Волго-Вятское кн. изд., 1966, 199 стр., с илл. (Рассказы о героическом). О подвиге Героя Советского Союза краснофлотца Е. Никонова.

Захаренко А. **Сказ о 60 отважных.** Минск, «Беларусь», 1965, 183 стр. О партизанах-подпольщиках, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Игнатов П. **Записки партизана.** Кн. 2. Подполье Краснодара. Кн. 3. Голубая линия. Краснодар, Кн. изд., 1965, 439 стр., с илл.

Камалов Х. Х. **Морская пехота в боях за Родину (1941—1945 гг.).** М., Воениздат, 1966, 216 стр., с илл.

Киргизия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. Сост.: В. В. Санников и В. Н. Сешенков. Фрунзе, «Кыргыстан», 1965, 583 стр. (Ин-т истории партии при ЦК КП Киргизии).

Корольков Ю. **Человек, для которого не было тайн** (Рихард Зорге). М., Политиздат, 1966, 238 стр.

Криченивкер Е. М. **Солдатская слава.** Улан-Удэ, Бурятское кн. изд., 1966, 119 стр., с илл. О подвигах воинов Бурятии в годы Великой Отечественной войны.

Крушинский А. **Взрывы над Днестром.** М., Политиздат, 1966, 136 стр., с илл. (Герои и подвиги). О К. С. Заслонове.

Курганов М. **В лицо смерти.** М., Политиздат, 1966, 128 стр., с илл. О зверствах, совершенных фашистами в Каунасском девятом форту.

Ларенок А. П. и Ширяев В. Н. **Люди из песни.** Ростов-на-Дону, Кн. изд., 1966, 111 стр., с илл. О героях-черноморцах, участниках войны — П. Потере и Ц. Кунникове.

Легендарная Балтика. Калининград, Кн. изд., 1965, 128 стр., с илл. Очерки о моряках-балтийцах, участниках Великой Отечественной войны.

Лелюшенко Д. Д. **Заря победы.** М., Воениздат, 1966, 142 стр., с илл. (Военные мемуары). Воспоминания о битве за Москву (1941 г.).

Лисочкин И. **Солдаты незримого фронта.** Л., Лениздат, 1965, 208 стр. О чекистах-разведчиках.

Литвинова Л. **Летят сквозь годы.** М., Воениздат, 1965, 182 стр., с илл. (Герои-современники). О жизни и подвиге летчиков Героев Советского Союза Т. Макаровой и В. Белик.

Литературное наследство. Том 78. В двух книгах. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. первая. М., «Наука», 1966, 639 стр.

Магид А. **Гвардейский Таманский авиационный полк.** М., ДОСААФ, 1966, 351 стр.

Мальков Д. К. **Сквозь дым и пламя.** М., Воениздат, 1966, 192 стр. Боевой путь 12-й гвардейской Пинской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

Мень Г. **История одного подвига.** М., ДОСААФ, 1965, 62 стр. Очерк о Герое Советского Союза летчике А. К. Горовце.

Минеев Н. Ф. **Первая победа.** М., Воениздат, 1966, 95 стр., с илл. (Герои и подвиги). О летчике-истребителе, герое Великой Отечественной войны А. В. Чиркове.

Мироненко М. **Под гвардейским знаменем.** Ставрополь, Кн. изд., 1965, 223 стр. О боевом пути казаков-доваторцев.

На дорогах войны. Очерки. Сост.: И. Д. Диденко. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1965, 331 стр., с илл. (Южноуральцы в боях за Родину).

Нежинский В. **От Кавказа до Берлина.** Фронтовые были. Ставрополь, Кн. изд., 1965, 143 стр., с илл.

Никольский А. **Огонь в лицо.** М., Воениздат, 1966, 104 стр., с илл. (Герои и подвиги). Освещается боевой путь Героя Советского Союза летчика К. В. Новоселова.

Никольский Н. **Ценою жизни.** М., Политиздат, 1966, 95 стр., с илл. (Герои и подвиги). О подвигах советских танкистов П. Рака, А. Петряева и А. Данилова.

О друзьях-товарищах. Сост.: Т. К. Некрасов. М., «Московский рабочий», 1966, 191 стр. Сборник воспоминаний бойцов и командиров 3-й Московской стрелковой дивизии.

Партизаны-казахстанцы. Перевод с казах. Сост. К. Кайсенов. Алма-Ата, «Жазушы», 1965, 227 стр., с илл.

Пером и штыком. Очерки. Перевод с узбекского. Ташкент, «Узбекистан», 1965, 116 стр., с илл. О журналистах Узбекистана, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Прусаков В. **Неподкупные сердца.** Воронеж, Центрально-Черноземное кн. изд., 1965, 189 стр. Очерки истории партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны.

Пушкаш А. И. **Венгрия в годы второй мировой войны.** М., «Наука», 1966, 527 стр. (АН СССР, Ин-т истории. Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах).

Родимцев А. И. **На берегах Мансанареса и Волги.** Петрозаводск, Карельское кн. изд., 1966, 276 стр., с илл. В первой части рассказывается о гражданской войне в Испании, во второй — о боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Рыбалко Н. **Броня и пламя.** Донецк, «Донбасс», 1966, 26 стр., с илл. Очерк о Герое Советского Союза танкисте Е. Лысенко.

Северокавказцы в боях за Родину. Краткий военно-исторический очерк о боевом пути Северо-Кавказского военного округа. Предисл. И. Плиева, М., Воениздат, 1966, 268 стр., с илл.

Соловьев В. К. **Под Наро-Фоминском.** М., Воениздат, 1966, 192 стр., с илл. (Военные мемуары).

Стамбеков К. Е. **Героизм воинов Казахстанских 72-й и 73-й гвардейских дивизий в боях за Днепр.** В кн.: Общественные науки. Вып. VII. Алма-Ата, 1965, стр. 189—202.

Старчак И. Г. **С неба — в бой.** М., Воениздат, 1965, 183 стр., с илл. (Военные мемуары). О действиях воздушнодесантного отряда в годы Великой Отечественной войны.

Тамонов Ф. И. **Ратный подвиг Москвы.** К 25-летию битвы под Москвой в 1941 г. М., «Знание», 1966, 32 стр.

Телегин Ф. И. **Военно-экономическая подготовка фашистской Германии к войне против СССР.** Краснодар, Кн.изд.,1966, 152 стр.

Терекова Е. **Пять золотых звезд.** Дочецк, «Донбасс», 1966, 36 стр. О Героях Советского Союза, учившихся в школе № 8 гор. Славянска.

Томичи в боях за Родину. Указатель литературы. Томск, Западно-Сибирское кн. изд., Томское отделение, 1965, 44 стр.

Трудящиеся Дона — фронту. Ростовское кн. изд., 1965, 88 стр. (Документы рассказывают).

Трухановский В. Г. **Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945).** М., «Наука», 1965, 638 стр. (АН СССР, Ин-т истории. Вторая мировая война в исследованиях и воспоминаниях).

Трухановский В. Г. **Советский Союз и путь антигитлеровской коалиции к Потсдаму.** В кн: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966, стр. 484—501.

Ултургашев С. П. **Пирятинская Краснознаменная.** Абакан, Красноярское кн. изд., 1966, 106 стр., с илл. (Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории).

Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Под ред. Р. Я. Малиновского. М., «Наука», 1966, 350 стр. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

Фриснер Г. **Проигранные сражения.** Сокр. пер. с нем. М., Воениздат, 1966, 239 стр.

Хатукаев А. Т. **Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии.** Нальчик, Кабардино-Балкарское кн. изд., 1965, 107 стр., с илл.

Чечелашвили О. **На стальных крыльях.** Записки летчика. Перевод с груз. Тбилиси. «Литература да хеловнеба», 1965, 261 стр., с илл.

Шатров Е. **Подвиг во тьме.** Предисл. А. Ф. Федорова. М., Политиздат, 1966, 197 стр., с илл. (Герои и подвиги). О Герое Советского Союза Я. П. Батюке.

Шинкаренко Ф. И. **Небо родное.** Предисл. А. А. Новикова. Калининград, Кн. изд., 1965, 128 стр. О летчиках — участниках Великой Отечественной войны.

Юденков А. Ф. **За огненной чертой.** М., Воениздат, 1966, 269 стр. (Военные мемуары). О партизанском движении на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны.

Яковлев Н. Н. **Франклин Рузвельт — человек и политик.** М., «Международные отношения», 1965, 480 стр.

Яковлева Т. И., Шебек Н. В. и Войтенко С. М. **Сапун-гора.** Путеводитель. Изд. 2-е, переработ. Симферополь, «Крым», 1966, 103 стр., с илл.

История войн и военного искусства зарубежных стран

Бачо Я. **Что происходило за кулисами...** Сокр. перевод с венгерск. М., «Международные отношения», 1965, 359 стр. О подготовке фашистами гражданской войны в Испании, об аншлюссе Австрии, вторжении германских войск в Чехословакию, Польшу и другие страны и др.

Бородин Б. А. **Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне.** 1937—1941. М., «Мысль», 1965, 200 стр.

Доронин Б. Г. **Китайские источники по истории крестьянской войны в Китае 1627—1646 гг.** В кн.: Вопросы истории стран Азии. Л., Изд. Ленинградского университета, 1965, стр. 36—53.

Козлов Н. Г. **В небе Китая.** Воспоминания летчика. М., «Наука», 1966, 54 стр.

Лебедев Н. И. **Падение диктатуры Антонеску.** М., «Междун. отношения», 1966, 479 стр.

Лудшвейг Е. Ф. **Турция в годы первой мировой войны. 1914—1918 гг.** Военно-политический очерк. М., Изд. Московского университета, 1966, 386 стр.

Новичев А. Д. **Вторжение французов в Египет и франко-турецкая война 1798—1802 гг.** В кн.: Вопросы истории стран Азии. Л., Изд. Ленинградского университета, 1965, стр. 95—122.

Смолин Г. Я. **Из истории крестьянского восстания 993—997 гг. под руководством Ван Сяо-бо, Ли Шуня и Чжан Юя.** В кн.: Вопросы истории стран Азии. Л., Изд. Ленинградского университета, 1965, стр. 16—25.

Статьи по военной истории в советских исторических журналах

Документы о следствии над Е. И. Пугачевым (Подготовил к печати Р. В. Овчинников). «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 111—126; № 5, стр. 107—121; № 7, стр. 92—109.

Задонский Н. А. **Опальные годы генерала Ермолова.** «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 215—218.

Смирнов И. И. **Из истории восстания Болотникова.** «История СССР», 1966, № 3, стр. 67—78.

* * *

Блюмфельд О. А. **Р. И. Берзин — революционер, командарм, публицист.** «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 205—207.

Блюмфельд О. А. **Военно-революционный комитет при Ставке.** «История СССР», 1966, № 2, стр. 131—142.

Донков И. П. **Организация разгрома антоновщины.** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, стр. 59—71.

Казаков А. Я. **Руководство ЦК РКП(б) деятельностью сибирских большевиков в тылу белогвардейцев (1918—1920 гг.).** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, стр. 49—58.

Куртов Д. И. **Герои борьбы за власть Советов** (Сведения о воинах и частях Красной Армии, награжденных в годы гражданской войны). «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, стр. 97—98.

Мосолов И. Е. **В. И. Ленин и авиация.** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4, стр. 92—96.

Ткачук А. Г. **Військово-революційні комітети на Південно-Західному та Румунському фронтах** (жовтень 1917 р. — лютий 1918 р.). «Укр. історичний журнал», 1966, № 5, стр. 65—81.

Шурыгин А. П. **Дальбюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны (1920—1922 гг.).** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8, стр. 55—62.

* * *

Абрамов В. В. **Оборона Аджимушкайских каменоломен (май — октябрь 1942 г.).** «История СССР», 1966, № 3, стр. 130—134.

Акулов М. Р. **Борьба рабочих Сибири за развитие военного производства в 1941—1942 гг.** «История СССР», 1966, № 3, стр. 27—47.

Андреев П. П. **Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне.** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, стр. 72—85.

Ауэрбах Т. Д. **Операция «Вишневая косточка».** (Эпизод из истории гитлеровского «чудо-оружия»). «Новая и новейшая история», 1966, № 4, стр. 149—153.

Ванєєв Г. І. **Подвиги комуністів у боях за Севастополь.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 91—96.

Васильев А. Ф. **Советский тыл в Великой Отечественной войне.** «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 138—147. Обзор литературы.

Дятленко М. Д. **Україна, рік 1941...** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 116—122.

Кириченко С. М. **Участь партійних організацій України в створенні оборонних рубежів у перший період Великої Вітчизняної війни.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 64—71.

Клоков В. **Друга світова війна і полівіння суспільної свідомості.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 16—26.

Коновалов В. А. **Мурманская партийная организация в период обороны Заполярья (июнь 1941 г. — октябрь 1944 г.).** «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, стр. 72—80.

Матійко М. М. **Вклад учених Радянської України у воєнну промисловість в період Великої Вітчизняної війни** (1941—1945 рр.) «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 59—63.

Некрич А. М. **В лабиринтах тайной войны.** «Новая и новейшая история», 1966, № 3, стр. 107—114. Начало см. в № 1 за 1966 г.

Печоркин В. К. **Новые зарубежные работы о Сталинградской битве.** «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 176—184.

Фомин В. Т. **Из истории подготовки немецко-фашистской агрессии против СССР.** «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 77—87.

Хлякін А. П. **Про створення бойовых резервів партизанських загонів.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 72—77.

Цимбал Є. І. **Про Чорноморський транспортний флот на початку Великої Вітчизняної війны.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 86—91.

Честмир Аморт. **Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР.** (По материалам секретного архива Генриха Гиммлера). «История СССР», 1966, № 2, стр. 163—188.

Шамко К. И. **Героїні битви за Дніпро.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 3, стр. 102—106.

Яковенко М. М. **Залізничники України на початку Великої Вітчизняної війни.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 2, стр. 96—99.

Якубовський І. Г. **Героїчні бої Радянськоі Армії на території України в червні—жовтні 1941 р.** «Укр. історичний журнал», 1966, № 6, стр. 3—15.

* * *

Виноградов К. Б., Писарев Ю. А. **Главные направления внешней политики Австро-Венгрии.** «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 86—101.

Вольфсон С. В. **Макартур и угроза мировой войны в 1950—1951 гг.** «Новая и новейшая история», 1966, № 2, стр. 65—74.

Гарибальди Дж. **Освободительная война и революция 1859—1860 гг.** (Подготовил к печати В. Е. Невлер). «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 78—95. Начало см. «Вопросы истории», 1966, № 1 и 3.

Гинцберг Л. И. **О предыстории установления гитлеровской диктатуры.** «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 180—189.

Евзеров Р. Я. **Роза Люксембург — против германского милитаризма накануне первой мировой войны.** «Новая и новейшая история», 1966, № 2, стр. 95—105.

Зак Л. А. **Западные державы и германский вопрос на Венском конгрессе.** «Новая и новейшая история», 1966, № 3, стр. 95—107.

Красильников А. Н. **Военно-политические доктрины правящих кругов Англии после второй мировой войны.** «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 62—76.

Кузнецов Н. Г. **С испанскими моряками против фашизма.** «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 91—106; № 6, стр. 102—116.

Трухановский В. Г. **Уинстон Черчилль.** «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 130—148; № 6, стр. 117—137; № 7, стр. 119—138.

Штаерман Е. М. **Проблема падения Римской республики в советской историографии.** «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 83—93.

ХРОНИКА — факты — НАХОДКИ

В «Военно - историческом журнале» № 5 за 1966 год было опубликовано сообщение В. Миллера «Из истории приказа № 1 Петроградского Совета». В нем рассматривался вопрос: был ли в каком-либо варианте этого приказа, сыгравшего громадную роль в деле демократизации русской армии в 1917 году, пункт о выборности командного состава. Основываясь на архивных документах и литературе, автор доказал, что такой пункт был не в приказе, а в листовке межрайонцев. По воспоминаниям Н. Суханова и А. Шляпникова, все экземпляры этой листовки подлежали уничтожению. Но, видимо, она все же получила какое-то распространение, так как экземпляр ее случайно нашел кандидат военных наук полковник запаса **А. Г. Кавтарадзе** (Москва). Она была вложена в одну из старых книг, приобретенных им у букиниста. Узнав из сообщения В. Миллера, что листовка вообще не сохранилась, он передал этот экземпляр в Центральный государственный военно - исторический архив. Фоторепродукция документа публикуется.

А. Г. Кавтарадзе обратил внимание и на другое место в сообщении В. И. Миллера: «Есть еще одно неясное упоминание у А. Г. Шляпникова о том, что в приказе № 1 было восемь разделов, в то время как опубликованный текст имел только семь пунктов». («Военно-исторический журнал», 1966, № 5, стр. 109.)

При сравнении текста приказа, опубликованного Шляпниковым (восемь пунктов), с текстом этого приказа в «Известиях Петроградского Совета» (семь пунктов) нетрудно заметить, что они полностью совпадают. Разница состоит лишь в том, что в «Известиях Петроградского Совета» предпоследний и последний абзацы приказа объединены под одним, 7-м номером, в то время как в книге А. Шляпникова «Семнадцатый год» каждый из указанных абзацев имел свой номер (7-й и 8-й). Можно предположить, что при печатании приказа либо были сознательно объединены близкие по содержанию предпоследний и последний абзацы, либо цифра «8» перед последним абзацем была пропущена в результате технического недосмотра. Во всяком случае, в большинстве работ текст приказа № 1 содержит

Пролетарiи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ!

Свершилось! Возстали Вы, подъяремные, закабаленные... крестьяне и рабочіе возстали, и с трескомъ и позором рухнуло самодержавное правительство.

Солдаты! Долго терпѣл народ, долго страдал крестьянскій люд, отданный во власть помѣщиков, земских начальников, становых и всей шайки слуг царскаго самодержавія. В то время, как казна, монастыри и помѣщики захватили всю землю, в то время, как паны-дворяне с жиру объсились высасывая народную кровь, — многомилліонное крестьянство пухло от голода: курицу некуда выгнать обезземеленному мужику!

Братья солдаты! Что нужно Вам крестьянам-хлѣборобам? Что нужно Вам рабочим? **Вся земля и вся воля**—вот что нам нужно! На напрасно ли вы лили свою кровь. Вот уж два дня, как Петроград во власти солдат и рабочих, два дня, как распущенная Государственная Дума выбрала временный комитет и назвала его временным правительством: не до сих пор вы не слышали ни от Родзянки, ни от Милюкова ни одного слова о том, будетъ ли отнята земля у помѣщиков и передана народу.—Надежда плохая!

Солдаты! будьте на сторожѣ, чтобы паны-дворяне не обманули народ!

Идите в Думѣ, спросите у нея: будет ли земля народу, будет ли воля, будет ли мир?

Солдаты! почему Дума не говорит об этом? Нужно с корнем вырвать самодержавный произвол. Если мы не доведем дѣла до конца, если не будет созвана Учредительное Собраніе, въ которое посылали бы своих депутатов ВСѢ крестьяне и ВСѢ рабочіе, а не как в нынѣшней Думѣ, кто побогаче да посановитѣе, то погибнет народное дѣло!

Для того, чтобы вас не обманули дворяне и офицеры-эта романовская шайка возьмите власть в свои руки. Выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте Ротные Комитеты для завѣдыванія продовольствіем. Всѣ офицеры должны быть под контролем этих Ротных Комитетов

Принимайте к себѣ только тѣх офицеров, которых вы знаете, как друзей народа.

Подчиняйтесь только делегатам, посланным от Совѣта Рабочих и Солдатских Депутатовъ

Солдаты! теперь, когда вы возстали и побѣдили, к Вам приходят вмѣстѣ с друзьями, так же и бывшіе враги—офицеры, которые называют себя вашими друзьями.

Солдаты! лисій хвост нам страшнѣе волчьяго зуба!

Ваш вѣрный друг и брат только рабочіе и крестьяне! Тѣснѣе связывайтесь съ ними! Посылайте своих делегатов-представителей в Совѣт Рабочих и Солдатских Депутатов, за которым уже в одном Петербургѣ стоит 250.000 рабочих. Ваши представители и рабочіе депутаты должны стать Временным Революціонным Правительством народа и от него Вы получите и землю и волю!

Солдаты! услышьте наш голос! Требуйте у Думы, чтобы она отвѣтила Вам,—теперь же: будет ли отнята земля у помѣщиков, казны и монастырей? Будет ли она передана крестьянам? Будет ли дана вся воля народу? Будет ли созвано Учредительное Собраніе? Не теряйте времени!

Солдаты! Толкуйте об этом по ротам, по батальонам! Устраивайте митинги! Выбирайте из своей среды командиров и представителей въ Совѣт Рабочих и Солдатских Депутатов.

Всю землю—крестьянам!

Всю волю—народу!

Да здравствует Совѣт Рабочих и Солдатских Депутатов!

Да здравствует Временное Революціонное Правительство!

Петербургскій Междурайонный Комитет Российской Соціал-Демократической Рабочей Партіи и Партія Соціалистов-Революціонеров.

1 марта, 1917 г.

семь пунктов и лишь в некоторых — восемь пунктов. (Например. Эйдеман Р. и Меликов В. Армия в 1917 году. М.—Л., 1927, стр. 39 — 40).

У пенсионерки И. В. Благовещенской (Москва) хранится выписка из составленного колчаковцами обвинительного заключения по делу ее отца полковника старой армии В. Я. Благовещенского. В нем говорится: «Хотя полковник Благовещенский поступил на службу к советским властям уже в то

В. Я. Благовещенский

время, когда власть Временного правительства на всем пространстве России фактически не существовала (в январе 1918 года), однако он не мог не знать, что власть большевиков была властью незаконной, самочинной, не признанной ни страной, ни союзными с Россией государствами, властью, против которой боролись люди порядка, в частности офицерская организация. И полковник Благовещенский, как присягавший Временному правительству, сознавал, что, поступая на службу к большевикам, он нарушает присягу, а своим интеллектуальным трудом — составлением для красной армии воинских уставов — способствовал как организации красной армии, так и укреплению власти большевиков, опиравшихся на красную армию... Продолжая оставаться на службе у большевиков после заключения Брестского мира, полковник Благовещенский сознательно перешел на сторону врагов союзных с Россией государств, и если допустить, что полковник Благовещенский не имел цели благоприятствовать своей службой неприятелю, то во всяком случае он должен был сознавать, что его служебная деятельность как укрепляющая советскую власть будет безусловно полезной врагу...» Далее следуют статьи, по которым обвиняется В. Я. Благовещенский.

Полковник Благовещенский, о котором идет речь в этом документе, родился 25 февраля 1874 года в Полоцке, Витебской губернии, в семье священника. В 1902 году по окончании Александровской военно-юридической академии он был направлен в 26-ю артиллерийскую бригаду. В мае 1908 года Благовещенский назначается военным следователем Омского военного округа, а в июне 1911 года—помощником военного прокурора при Иркутском военно-окружном суде. С 1912 года он юрисконсульт при совете Иркутского военного округа. В этой должности его и застала Октябрьская революция.

Сразу же после установления Советской власти в Сибири В. Я. Благовещенский поступил на службу рабоче-крестьянской республике. До мая 1918 года он работал в Иркутском военном комиссариате и участвовал в составлении уставов для местных частей Красной Армии. В мае Иркутский Совет рабочих и крестьянских депутатов избрал его народным судьей.

Когда в Сибири восторжествовала контрреволюция, Благовещенского арестовали, предали военному суду, разжаловали и приговорили к расстрелу. Однако приговор не был приведен в исполнение. Расстрел заменили отправкой на передовые позиции. Но в декабре 1919 года Благовещенский бежал из белой армии.

С восстановлением Советской власти в Сибири он вернулся в Красную Армию. 4 мая 1920 года его зачислили преподавателем на 6-е пехотные Сибирские курсы в Иркутске, а осенью того же года перевели в Бийск на 1-е кавалерийские Сибирские курсы. Он преподавал русский язык, литературу, математику, политграмоту. 23 июня 1921 года В. Я. Благовещенский скоропостижно скончался.

В настоящее время в рядах Советской Армии служит его внук, коммунист, капитан Иван Петрович Богданов — участник Великой Отечественной войны.

Сведения о жизни и деятельности В. Я. Благовещенского представил в редакцию научный сотрудник Центрального государственного военно-исторического архива **Л. Б. Леонидов** (Москва).

В сообщении В. Черемных «Комдив Е. С. Казанский» («Военно-исторический журнал», 1966, № 1) для характеристики боеспособности курсантских частей Северной группы войск во время Кронштадтского мятежа (1921 год) приводилась выдержка из политсводки: «Боеспособность — средняя, политическая подготовка — ниже среднего. Дисциплина — слабая. Весь комсостав беспартийный».

Полковник в отставке **А. Н. Румынский** (Ленинград) не согласился с этой оценкой, о чем написал в редакцию. При более тщательном изучении документов выяснилось, что цитированная сводка относилась к 5 марта и речь в ней шла о курсантах полковых школ, а не командных курсов. О героизме последних, проявленном при штурме Кронштадтской крепости 17 марта, свидетельствуют приказ Реввоенсовета Республики о награждении Почетным революционным Красным знаменем 3-й Смоленской пехотной школы, 31-х Смоленских, 5-х Петергофских, 2-х Московских и 6-х Петроградских пехотных курсов (см. Боевые подвиги частей Красной Армии, М., Воениздат, 1957, стр. 133) и документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Советской Армии.

В представлении к награде 6-х Петроградских курсов говорилось: «17 марта, в день штурма фортов и крепости, неся огромные потери, 6-е курсы, выполняя полученное ими задание, под ураганным артогнем противника, прорвались, минуя форты, в Кронштадт... 17 марта смоленцы были брошены в голове сил, штурмующих форты: ни взрыв фугасов у форта № 6, ни стрельба в упор картечью не могли убить в них наступательного порыва; неся громадные потери, теряя ежеминутно лучших бойцов, скрывающихся подо льдом от взрыва двенадцатидюймовых снарядов, преодолевая полыньи льда, курсанты-смоленцы бросаются на форт № 6, 5, 4, и после двухчасового штурма форты в наших руках» (ЦГАСА, ф. 25123, оп. 1, д. 1, лл. 44, 45). В очерке боевых действий левого боевого участка Северной группы, в который входили сводные полки курсантов Смоленских, Витебских, Петроградских и других курсов, отмечалось геройское поведение курсантов в бою: «Утомленные, мокрые, голодные, но упоенные достигнутым успехом и приобретенным убеждением, что перед их натиском фортам не устоять, курсанты шли под неослабным огнем всех видов как на параде, с полным пренебрежением к смерти...

Верность коммунистическим идеалам, твердость сознания революционного долга сделали свое дело, дали возможность выполнить, собственно говоря, невыполнимую задачу: овладеть неприступными твердынями девяти фортов и частью крепости, уничтожив в них вдвое превосходящего численно и упорно обороняющегося противника» (ЦГАСА, ф. 387, оп. 1, д. 17, лл. 16, 17).

М. И. Чижиков

В Очакове и Одессе есть улица, которая носит имя Макара Ивановича Чижикова — одного из организаторов Красной гвардии в Одессе. Бывший одесский красногвардеец, ныне персональный пенсионер, **Л. М. Малинов** (Москва) собрал биографические сведения о М. И. Чижикове. Он родился в 1894 году в Слободе, на окраине Очакова. Окончил городское училище. Служа матросом на паруснике, познакомился с портовыми рабочими и приобщился к революционной деятельности. По поручению социал-демократической организации М. И. Чижиков перевозил запрещенные книжки, листовки и другую нелегальную литературу. В начале 1916 года он поступил токарем на Одесский судоремонтный завод и связался с местной социал-демократической организацией.

После Февральской революции Чижиков активно участвовал в создании Совета рабочих депутатов. А когда при Совете была организована секция общественной безопасности (городская милиция), Чижиков стал во главе ее. В апреле 1917 года рабочая милиция Одессы была реорганизована в Красную гвардию и рабочие избрали Чижикова ее начальником. В декабре 1917 года Красная гвардия отразила нападение гайдамаков на ее штаб, захватив у них две бронемашины и несколько пулеметов. Успешные бои с гайдамаками вели красногвардейцы и в январе 1918 года. Советская власть победила. Но в марте украинские буржуазные националисты получили поддержку со стороны немецких оккупантов. Одессу пришлось оставить. По заданию партии Чижиков возвращается в город, живет на нелегальном положении. В начале 1919 года, после победы над белогвардейцами и англо-французскими интервентами, пришедшими на смену германским, М. И. Чижиков был назначен комиссаром Очаковского укрепленного района и крепости. Отступая в составе Южной группы войск 12-й армии на север, после того, как деникинцы в августе 1919 года заняли Одессу, Чижиков участвовал в боях у станции Попельня, под Белой Церковью. Под Фастовом он был ранен, но остался жив. Вскоре, заболев тифом, скончался в Житомире.

Революционная деятельность Александра Михайловича Петрова, одного из организаторов Матросской централки, освещена во многих книгах (см. Пономарев И. И. Герои «Потемкина». М., Воениздат, 1955; Судьбы героев. Мурманское книжное издательство, 1961; Лычев И. Потемкинцы. М., Воениздат, 1965; Письма славы и бессмертия. М., Госполитиздат, 1964 и др.).

А. М. Петров

Историк-краевед **В. Хохлов** (Москва) обнаружил в сведениях об А. М. Петрове ряд неточностей. Так, в Большой советской энциклопедии (изд. 2-е, т. 38, стр. 594) неправильно указано отчество Петрова — «Иванович» вместо «Михайлович». Там же сказано, что он родился в 1880 году в Саратовской губернии. На самом же деле Петров родился 13 марта 1882 года в Казани. Уточнить эти данные позволяет паспорт отца А. М. Петрова, сохранившийся у его племянницы Н. А. Стопани, которая живет в Москве.

По сведениям Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота, А. М. Петров 29 октября 1903 года был призван на военную службу 3-м призывным участком Казанского уездного по воинской повинности присутствия, 17 декабря того же года был зачислен на службу в 37-й флотский экипаж, с 3 апреля 1904 года числился матросом 2 статьи (ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 24, лл. 24—25).

На стр. 149 книги «Герои «Потемкина» И. И. Пономарев пишет: «11 ноября младший брат Александра Петрова, матрос, во время предпринятой командованием попытки разогнать матросский митинг ранил контр-адмирала Писаревского и пристрелил штабс-капитана Штейна». По заявлению Н. А. Стопани и по паспортам родителей А. М. Петрова, хранящимся у нее, у Александра Петрова был только один брат, Алексей, работавший провизором аптеки и никогда не служивший на флоте. Он умер на Кавказе в 1920 году.

В книге «Северокавказцы в боях за Родину» (М., Воениздат, 1966) на стр. 127 есть такое место, относящееся к февралю 1921 года: «Бойцы частей 9-й, 18-й стрелковых и 12-й кавалерийской дивизий, плохо одетые, преодолевая снежные заносы и метели, штурмовали Сурамский перевал и стремительно преследовали врага. Во время обходного движения к Сурамскому тоннелю, спасая его от взрыва, массовый героизм проявили бойцы и командиры 154-го Краснознаменного полка 18-й стрелковой дивизии. Революционный героизм и преданность Советской власти воспитали в бойцах умелой и последовательной работой командир полка В. М. Карпов и комиссар С. М. Соколов». На самом деле комиссаром 154-го стрелкового полка был не С. М. Соколов, а Фрол Павлович **Евстафеев**, живущий в Архангельске. Он и указал на эту неточность.

Ф. П. Евстафеев

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР, 1918 год

1 августа. В «Правде» и «Известиях» опубликовано обращение В. И. Ленина и Г. В. Чичерина «К трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии», в котором вскрыта роль империалистов Антанты в организации интервенции против Советской России и указано, что «спасение русской революции составляет общий интерес пролетариев всех стран».

— В письме П. А. Кобозеву, К. Х. Данишевскому, К. А. Мехоношину, Ф. Ф. Раскольникову В. И. Ленин указал: «Сейчас **вся** судьба революции стоит на о д н о й карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань—Урал—Самара.

Все зависит от этого».

2 августа. Совет Народных Комиссаров принял постановление «Ассигновать в распоряжение Народного комиссариата по морским делам двадцать пять миллионов рублей на формирование и операции Волжской военной флотилии».

— Из Петрограда на Волгу по Мариинской водной системе отправлен дивизион миноносцев Балтийского флота.

— Английские интервенты высадили десант и захватили Архангельск. В городе произошел контрреволюционный переворот и было сформировано «правительство» во главе с Н. В. Чайковским.

— Австрийские войска заняли Азов.

3 августа. Наркомвоен упразднил созданные им 29 июня бюро по снабжению войск Восточного фронта и Северо-Кавказского военного округа и образовал Центральную комиссию по боевому снабжению Красной Армии.

— Во Владивостоке высадился новый английский десант.

4 августа.

— На Северный фронт прибыл 2-й экспедиционный отряд Балтийского флота.

— Высший военный совет образовал из войск, действовавших в районе Ливны, Купянск, Камышин, Южный участок отрядов завесы (просуществовал до 11 сентября 1918 года). В о е н н ы й р у к о в о д и т е л ь В. В. Чернавин (4 августа — 11 сентября 1918). В о е н н ы е к о м и с с а р ы: Л. Н. Александри (5 августа — 11 сентября 1918), В. А. Трифонов (12 августа — 11 сентября 1918), Н. П. Крюков-Ангарский (25 августа — 11 сентября 1918).

5 августа. Кавалерийский полк под командованием Б. М. Думенко освободил окруженные белоказаками в слободе Большая Мартыновка краснопартизанские отряды общей численностью 5 тыс. человек, державшие оборону в течение 35 суток.

— Интервенты захватили станцию Обозерскую.

6 августа. Высший военный совет образовал Северо-Восточный участок завесы (командующий М. С. Кедров).

— В Котласе организована Нижне-Двинская бригада, которую возглавил П. Ф. Виноградов. Кроме сухопутных сил в ее состав входил отряд вооруженных судов.

7 августа. Чехословацкие и белогвардейские войска заняли Казань.

11 августа. Приказом Наркомвоена войска, действовавшие против чехословацких мятежников и белогвардейцев в районе Казани, объединены в 5-ю армию Восточного фронта, с 19 октября 1920 года — 5-я отдельная армия и Восточно-Сибирский военный округ (просуществовала до 6 сентября 1922 года). Командующие: П. А. Славен (14 августа — 20 октября 1918), Ж. К. Блюмберг (20 октября 1918 — 5 апреля 1919), М. Н. Тухачевский (5 апреля — 25 ноября 1919), Г. Х. Эйхе (25 ноября 1919 — 21 января 1920), М. С. Матиясевич (8 февраля 1920 — 27 августа 1921), И. П. Уборевич (27 августа 1921 — 24 августа 1922), К. А. Чайковский (24 августа — 6 сентября 1922). Члены РВС: А. П. Розенгольц (14 августа — 15 ноября 1918), Б. Д. Михайлов (25 января — 4 апреля 1919), И. И. Межлаук (7 сентября — 24 октября 1918), В. М. Смирнов (26 сентября 1918 — 6 апреля 1919), И. С. Кизильштейн (15 ноября 1918 — 19 января 1919), И. Н. Смирнов (31 марта 1919 — 8 мая 1920), А. П. Розенгольц (4 апреля — 3 июля 1919), Н. П. Теплов (27 июня — 1 августа 1919), К. И. Грюнштейн (4 августа 1919 — 9 июня 1920), Б. П. Позерн (3 февраля — 5 декабря 1920), Н. К. Гончаров (23 февраля — 8 сентября 1920), К. А. Петерсон (10 декабря 1920 — 5 января 1921), Б. З. Шумяцкий (5 января 1920 — 6 сентября 1922), К. И. Грюнштейн (25 января — 21 сентября 1921), В. М. Мулин (25 сентября 1921 — 6 сентября 1922).

— В ночь на 11 августа боевые суда Нижне-Двинской бригады под командованием П. Ф. Виноградова в устье реки Ваги нанесли поражение отряду судов противника. На донесении об этом бое В. И. Ленин написал: «В печать. Крупная победа над англичанами и белогвардейской сволочью».

— Красногвардейские отряды Грозного вели тяжелые бои с окружившими город белогвардейскими войсками.

— Войска Красной Армии разгромили белогвардейские части под Чарджуем.

12 августа. Английские войска перешли границу у станции Артык, в 100 километрах восточнее Асхабада, начав военную интервенцию в Закаспийской области.

13 августа. Наркомвоен образовал при Всероссийском главном штабе Военно-историческую комиссию по описанию войны 1914—1918 гг.

14 августа. В Красноборске из моряков-беломорцев создан отряд, послуживший основой для создания Северо-Двинской речной военной флотилии (командующий К. И. Пронский). С 17 августа в его состав были включены суда, находившиеся под командованием П. Ф. Виноградова.

19 августа. Совет Народных Комиссаров принял декрет «Об объединении всех вооруженных сил Республики в ведении Народного комиссариата по военным делам».

20 августа. На северном участке Царицынского фронта советские войска перешли в наступление.

— Войска Красной Армии освободили крепость Кушку от белогвардейской блокады.

22 августа. Советские войска котельниковской группы наголову разбили белогвардейские части, отбросили их за Дон и освободили станцию Жутово, станицы Нагавскую, Верхне-Курмоярскую и Потемкинскую.

23 августа. В. И. Ленин в телеграмме старшему командиру и комиссару дивизиона миноносцев, вышедшего 2 августа из Петрограда, приказал «самым

срочным порядком закончить погрузку орудий, снарядов и угля и незамедлительно следовать в Нижний».

— Войска центрального участка Царицынского фронта под командованием Н. А. Худякова перешли в наступление.

26 августа. Части белогвардейцев и белочехов заняли Читу.

27 августа. Всероссийский главный штаб образовал комиссии для пересмотра старого Устава полевой службы (председатель — А. Е. Гутор), Пулеметного устава и Наставления для обучения стрельбе из винтовок и револьверов (председатель — Н. М. Филатов), Строевого пехотного устава (председатель — В. И. Николаев). Комиссиям предписано закончить работу в месячный срок.

29 августа. Приказом по флоту и морскому ведомству объявлено «Временное положение о правах и обязанностях военных моряков и внутреннем распорядке на кораблях и в военно-морских частях», фактически явившееся первым Корабельным уставом и Уставом внутренней службы Красного Флота.

— Советские войска, оборонявшиеся на ижевско-воткинском направлении, отошли вниз по Каме к пристани Елабуга.

— Войска центрального участка Царицынского фронта освободили Красноярскую (Россошинскую) и станцию Карповка.

2 сентября. ВЦИК принял постановление об учреждении Революционного Военного Совета Республики. Председателем РВСР назначен Л. Д. Троцкий, членами РВСР — К. Х. Данишевский, П. А. Кобозев, К. А. Мехоношин, Ф. Ф. Раскольников, А. П. Розенгольц, И. Н. Смирнов, В. М. Альтфатер (с 12 октября). Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики назначен И. И. Вацетис.

— ВЦИК объявил Советскую республику военным лагерем.

6 сентября. Наступавшие в районе Казани войска Восточного фронта с боями продвинулись вперед.

— На Царицынском фронте очищен от белоказаков весь левый берег Дона, заняты станции Калач и Ляпичев.

— На Волжской военной флотилии организован первый в Красном Флоте политический отдел (заведующим политотделом назначен Х. Малков).

7 сентября. Части 5-й армии и отряд моряков Волжской военной флотилии заняли Верхний Услон.

— Главные силы Волжской военной флотилии начали поход вверх по Каме. Отряд судов под командованием Сабурова вышел вниз по Волге к Симбирску для поддержки действовавших там войск 1-й и 5-й армий.

10 сентября. Приказом Реввоенсовета Республики войска Северо-Восточного участка завесы преобразованы в 6-ю армию, с 13 февраля 1919 года — 6-я отдельная армия (просуществовала до 10 апреля 1920 года). Командующие: В. М. Гиттис (10 сентября — 22 ноября 1918), А. А. Самойло (22 ноября 1918 — 2 мая 1919), В. П. Глаголев (2—25 мая 1919), А. А. Самойло (25 мая 1919 — 10 апреля 1920). Члены РВС: Н. Н. Кузьмин (10 сентября 1918 — 20 апреля 1919), И. К. Наумов (10—27 сентября 1918), А. М. Орехов (27 сентября 1918 — 31 марта 1920), И. К. Наумов (20 апреля — 19 октября 1919), М. К. Ветошкин (10 мая 1919 — 6 января 1920), Г. С. Биткер (4 августа — 15 декабря 1919), Н. Н. Кузьмин (19 декабря 1919 — 7 апреля 1920).

— Войска 2-й и 5-й армий Восточного фронта и моряки Волжской военной флотилии освободили Казань.

11 сентября. В. И. Ленин посылает телеграмму в Казань с приветствием войскам Красной Армии, освободившим город. В другой телеграмме (от 22 сентября) В. И. Ленин указывал, что взятие Казани ознаменовало «перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным, победоносным действиям».

— Реввоенсовет Республики утвердил фронтовую организацию. Были образованы:

Северный фронт (просуществовал до 13 февраля 1919 года). Командующие: Д. П. Парский (11 сентября — 26 ноября 1918), Д. Н. Надежный (26 ноября 1918 — 13 февраля 1919). Члены РВС: Л. М. Глезаров (30 сентября — 8 декабря 1918), Е. М. Пятницкий (30 сентября 1918 — 5 ноября 1919), Тупин (14 декабря 1918 — 24 января 1919), А. Я. Семашко (21 января — 13 февраля 1919).

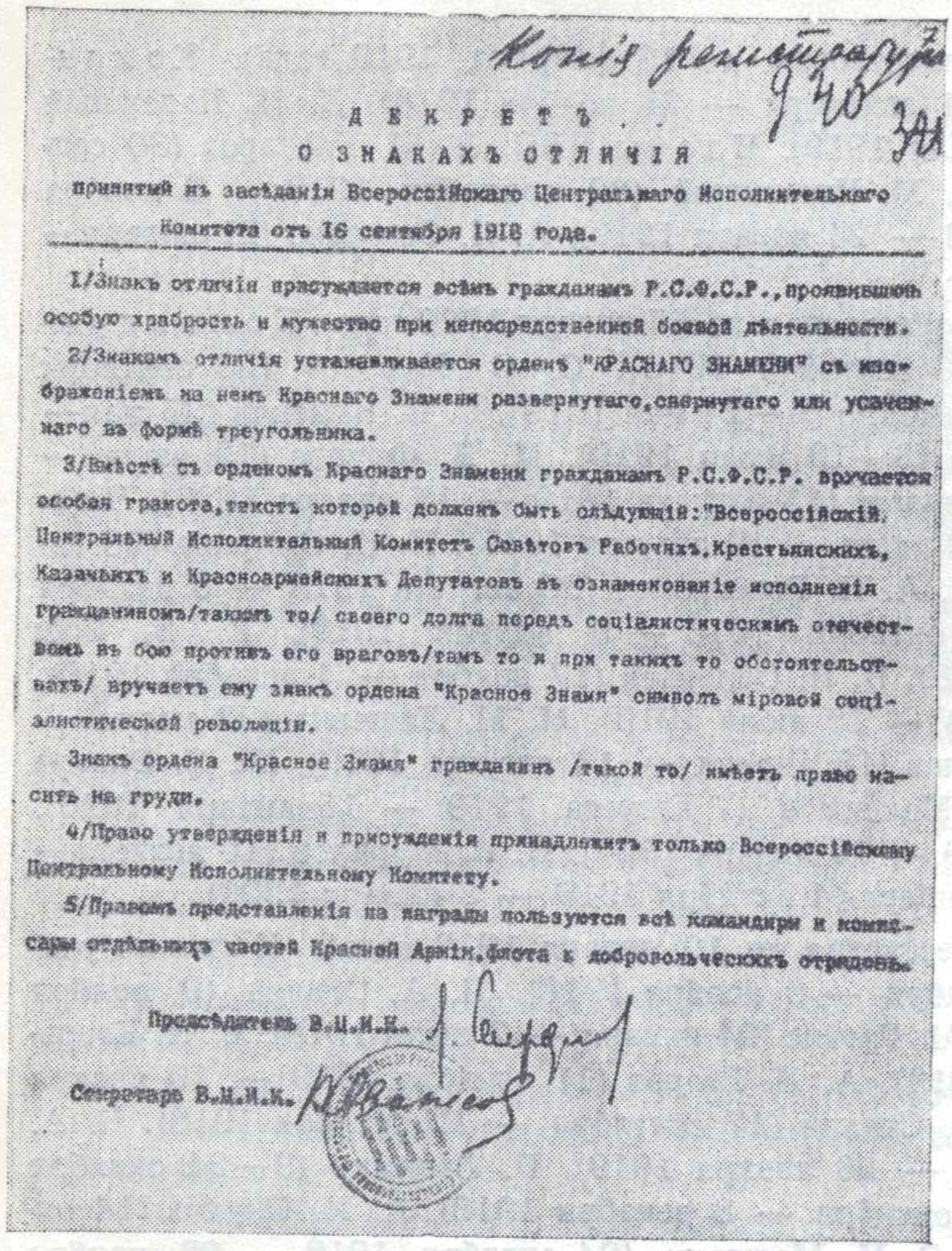
Восточный фронт * (просуществовал до 15 января 1920 года). Командующие: И. И. Вацетис (11—28 сентября 1918), С. С. Каменев (28 сентября 1918 — 9 мая 1919), А. А. Самойло (9—25 мая 1919), С. С. Каменев (25 мая — 8 июля 1919), П. П. Лебедев (8—19 июля 1919), М. В. Фрунзе (19 июля — 15 августа 1919), В. А. Ольдерогге (15 августа 1919 — 15 января 1920). Члены РВС: К. А. Мехоношин (9 июля — 19 августа 1918), И. Н. Смирнов (28 августа 1918 — 1 апреля 1919), А. П. Розенгольц (28 августа 1918 — 6 декабря 1919), И. Т. Смилга (28 октября 1918 — 9 апреля 1919), Е. Б. Бош (12 октября — 5 декабря 1918), В. И. Соловьев (17 ноября — 4 декабря 1918), С. И. Гусев (10 декабря 1918 — 15 июня 1919), М. М. Лашевич (23 марта — 11 августа 1919), К. К. Юренев (16 апреля — 14 августа 1919), Ш. З. Элиава (4—15 августа 1919), К. Г. Максимов (7 августа 1919 — 15 января 1920), Б. П. Позерн (11 августа 1919 — 15 января 1920), Н. И. Муралов (19 августа — 28 ноября 1919), П. К. Штернберг (4 октября 1919 — 3 января 1920).

Южный фронт (просуществовал до 10 января 1920 года). Командующие: П. П. Сытин (11 сентября — 9 ноября 1918), П. А. Славен (9 ноября 1918 — 24 января 1919), В. М. Гиттис (24 января — 7 июля 1919), В. Н. Егорьев (7 июля — 11 октября 1919), А. И. Егоров (11 октября 1919 — 10 января 1920). Члены РВС: И. В. Сталин (17 сентября — 12 октября 1918), К. А. Мехоношин (3 октября 1918 — 26 января 1919), П. Лазимир (9—24 октября 1918), А. Г. Шляпников (20 октября — 8 декабря 1918), А. И. Окулов (14 октября — 18 декабря 1918), В. И. Межлаук (24 октября 1918 — 23 ноября 1919), Б. В. Легран (10 ноября — 18 декабря 1918), Г. Я. Сокольников (1 декабря 1918 — 6 октября 1919), И. И. Ходоровский (17 января — 5 июля 1919), А. Л. Колегаев (24 января — 15 июня 1919), К. А. Мехоношин (15 июня — 13 июля 1919), М. К. Владимиров (19 июня — 6 декабря 1919), А. И. Окулов (21 июня — 27 августа 1919), А. И. Егоров (9 июля — 11 октября 1919), М. М. Лашевич (11 августа — 15 октября 1919), И. В. Сталин (3 октября 1919 — 10 января 1920), Р. И. Берзин (26 декабря 1919 — 10 января 1920).

— Реввоенсовет Республики переименовал Западный участок отрядов завесы в Западный район обороны. Начальник — А. Е. Снесарев (25 сентября — 15 ноября 1918). Члены РВС: А. М. Пыжев (25 сентября — 15 ноября 1918), И. Я. Алибегов (13 октября — 15 ноября 1918).

— Реввоенсовет Республики образовал из войск Междуозерного и Мурманского районов 7-ю армию Северного фронта, с 19 февраля 1919 года — Западного фронта (просуществовала до 10 мая 1921 года). Командующие: Е. А. Искрицкий (1—28 ноября 1918), Е. М. Голубинцев (28 ноября — 5 декабря 1918), Н. В. Хенриксон (5 декабря 1918 — 27 января 1919), А. К. Ремизов (27 января — 1 июля 1919), М. С. Матиясевич (1 июля — 26 сентября 1919), С. Д. Харламов (26 сентября — 17 октября 1919), Д. Н. Надежный (17 октября — 17 ноября 1919), С. И. Одинцов (17 ноября 1919 — 30 июля 1920), М. М. Лашевич (31 июля — 25 августа 1920), В. Н. Зарубаев (25 сентября 1920 — 5 марта 1921), М. Н. Тухачевский (5—19 марта 1921), Д. Н. Авров (19 марта — 13 мая 1921). Члены РВС: М. О. Розен (1 ноября 1918 — 21 января 1919), С. П. Нацаренус (19 ноября — 3 декабря 1918), С. П. Восков (19 ноября 1918 — 29 марта 1919), Б. П. Позерн (9 декабря 1918 — 5 мая 1919), И. И. Лепсе (30 ян-

* До этого существовал противочехословацкий фронт, который в литературе также именуется Восточным. Приказом Совета Народных Комиссаров от 13 июня 1918 года был учрежден Реввоенсовет для руководства всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа и опирающейся на него помещичьей и буржуазной контрреволюции. (См. Декреты Советской власти, т. II, М., Госполитиздат, 1959, стр. 429).

ДЕКРЕТЪ
О ЗНАКАХЪ ОТЛИЧІЯ

принятый изъ засѣданія Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета отъ 16 сентября 1918 года.

1/Знакъ отличія присуждается всѣмъ гражданамъ Р.С.Ф.С.Р., проявившимъ особую храбрость и мужество при непосредственной боевой дѣятельности.

2/Знакомъ отличія устанавливается орденъ "КРАСНАГО ЗНАМЕНИ" съ изображеніемъ на немъ Краснаго Знамени развернутаго, свернутаго или усѣченнаго въ формѣ треугольника.

3/Имѣетъ съ орденомъ Краснаго Знамени гражданамъ Р.С.Ф.С.Р. вручается особая грамота, текстъ которой долженъ быть слѣдующій: "Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ, Казачьихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ въ ознаменованіе исполненія гражданиномъ/такимъ то/ своего долга передъ соціалистическимъ отечествомъ въ бою противъ его враговъ/тамъ то и при такихъ то обстоятельствахъ/ вручаетъ ему знакъ ордена "Красное Знамя" символъ мірового соціалистической революціи.

Знакъ ордена "Красное Знамя" гражданинъ /такой то/ имѣетъ право носить на груди.

4/Право утвержденія и присужденія принадлежитъ только Всероссійскому Центральному Исполнительному Комитету.

5/Правомъ представленія на награды пользуется всѣ командиры и комиссары отдѣльныхъ частей Красной Арміи, флота и добровольческихъ отрядовъ.

Председатель В.Ц.И.К.

Секретарь В.Ц.И.К.

Декрет о знаках отличия, принятый на заседании ВЦИК 16 сентября 1918 года.

варя — 28 июня 1919), В. С. Шатов (11 февраля 1919 — 15 января 1921), М. М. Харитонов (24 мая — 22 июня 1919), И. И. Межлаук (25 мая — 28 июня 1919), А. П. Розенгольц (28 июня — 30 сентября 1919), Г. Е. Зиновьев (14 июля — 26 ноября 1919), Н. И. Подвойский (6 октября — 17 декабря 1919), И. В. Козловский (5 октября — 17 ноября 1919), М. М. Лашевич (23 октября 1919 — 25 августа 1920), С. П. Медведев (22 декабря 1919 — 29 января 1920), Г. И. Евдокимов (25 августа 1920 — 10 мая 1921), Б. А. Семенов (25 августа 1920 — 10 мая 1921), Д. Н. Авров (10 октября 1920 — 19 марта 1921).

12 сентября. Войска 1-й армии Восточного фронта освободили Симбирск.

— Войска 4-й армии освободили Вольск.

16 сентября. Декретом Совета Народных Комиссаров «О знаках отличия» учрежден орден Красного Знамени для «присуждения проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности».

17 сентября. Войска Таманской армии соединились с главными силами северо-кавказских советских войск в станице Дондуковской (Кубань).

20 сентября. Войска Таманской армии освободили от деникинцев Армавир.

22 сентября. Реввоенсовет Республики учредил Полевое управление авиации и воздухоплавания при штабе главнокомандующего.

— Всеукраинский центральный военно-революционный комитет отдал приказ о сведении украинских повстанческих отрядов в нейтральной полосе в две дивизии: 1-ю (командир Н. Г. Крапивянский) и 2-ю (командир В. Х. Ауссем).

25 сентября. Приказом Наркомвоена № 893 при Всероссийском бюро военных комиссаров учреждены курсы для подготовки военных комиссаров.

— Совет Народных Комиссаров принял декрет «О мобилизации речного флота Республики».

26 сентября. Реввоенсовет Республики предписал из войск Воронежского участка Южной завесы образовать 8-ю армию Южного, с 10 января 1920 года — Юго-Восточного, с 16 января 1920 года — Кавказского фронтов (просуществовала до 20 марта 1920 года). Командующие: В. В. Чернавин (26 сентября — 1 декабря 1918), В. М. Гиттис (1 декабря 1918 — 24 января 1919), М. Н. Тухачевский (24 января — 15 марта 1919), Т. С. Хвесин (15 марта — 8 мая 1919), В. В. Любимов (8 мая — 2 июля 1919), А. И. Ратайский (3 июля — 16 октября 1919), Г. Я. Сокольников (16 октября 1919 — 20 марта 1920). Члены РВС: И. Э. Якир (8 октября 1918 — 1 июля 1919), Л. Н. Александри (3 октября 1918 — 28 января 1919), К. А. Александров (4 октября — 4 ноября 1919), Г. Д. Базилевич (29 октября 1918 — июнь 1919), Я. И. Весник (7 ноября

1918 — 28 августа 1919), А. П. Розенгольц (7 декабря 1918 — 18 марта 1919), П. И. Баранов (7 апреля — 6 мая 1919), И. В. Косиор (24 апреля — 4 ноября 1919), В. А. Барышников (9 июня — октябрь 1919), Г. И. Теодорович (19 июня — 17 ноября 1919), В. Х. Ауссем (26 июня — 4 октября 1919).

— Войска Южного фронта освободили Павловск.

28 сентября. Приказом Реввоенсовета Южного фронта из войск поворинского и балашовского направлений образована 9-я армия Южного, с 27 сентября 1919 г.—Юго-Восточного, с 16 января 1920 г.—Кавказского фронтов (просуществовала до 27 мая 1921 года). Командующие: А. И. Егоров (28 сентября—24 ноября 1918), П. Е. Княгницкий (25 ноября 1918 — 6 июня 1919), Н. Д. Всеволодов (6—16 июня 1919), А. К. Степин (16 июня 1919 — 9 февраля 1920), А. Душкевич (9—29 февраля 1920), И. П. Уборевич (1 марта — 5 апреля 1920), М. И. Василенко (5 апреля — 19 июля 1920), М. К. Левандовский (19 июля — 5 октября 1920), В. Н. Чернышев (5 октября — 21 ноября 1920), М. К. Левандовский (21 ноября 1920 — 30 марта 1921), В. Н. Чернышев (30 марта — 22 апреля 1921), М. К. Левандовский (22 апреля — 27 мая 1921). Члены РВС: П. В. Дашкевич (10 октября 1918 — 28 апреля 1919), П. Е. Княгницкий (2—25 ноября 1918), В. А. Барышников (11 ноября 1918 — 9 июня 1919), Г. Я. Сокольников (2 декабря 1918 — 7 февраля 1919), И. И. Ходоровский (16 апреля — 27 августа 1919), Б. Д. Михайлов (25 мая — 14 августа 1919), А. М. Пыжев (14 июня — 16 сентября 1919), Н. А. Анисимов (12 июля 1919 — 24 января 1920), Д. Г. Перчихин (10 августа — 6 октября 1919), В. В. Кураев (29 августа — 9 ноября 1919), А. Г. Белобородов (11 октября 1919 — 2 июля 1920), А. М. Лидэ (10 марта — 8 июля 1920), С. А. Ануфчин (2 июля — 24 августа 1920), Я. В. Полуян (25 июля — 27 августа 1920). С. А. Баландин (22 июня — август 1920), А. М. Дьяконов (20—31 августа 1920), И. В. Косиор (27 августа — 3 октября 1920), М. С. Эпштейн (13 октября 1920 — 9 мая 1921), М. А. Алексинский (9—27 мая 1921).

30 сентября. ВЦИК принял постановление о передаче всех прав и личного состава Наркомвоена Реввоенсовету Республики.

Военно-исторические даты

Легендарная ледовая трасса

(К 25-летию «Дороги жизни»)

В первой половине сентября 1941 года немецко-фашистские войска, перехватив сухопутные коммуникации, связывавшие Ленинград со страной, парализовали движение судов по Ладожскому озеру. Ленинград с почти 3-миллионным населением оказался блокированным. Для жителей и защитников города наступили трагические дни. Войска испытывали острый недостаток в вооружении и боеприпасах. В городе не было света, воды, топлива, из-за отсутствия сырья не работали фабрики и заводы. Единственным продуктом питания стал хлеб, содержавший в себе 65—70 проц. различных малосъедобных примесей [1]. Нормы выдачи его сократились до 250 г для рабочих, 125 г для детей и других категорий, до 500 г для личного состава войск первой линии и 300 г для войск тыловых частей. В городе начался голод, муки которого усиливались холодом.

Оценив создавшуюся обстановку, Военный совет Ленинградского фронта 3 ноября принял решение с началом ледостава на Ладожском озере построить военно-автомобильную дорогу. Она должна была проходить через Ваганово, Осиновец, Коккорево, затем по льду Ладожского озера до Кобоны и далее на Заборье.

Прокладка дороги была объявлена ударной стройкой. За короткий срок строители пробили через болота, лесные чащи, заснеженные сопки подъездные пути к Ладожскому озеру. Со всех концов страны к Ленинграду шли грузы, которые скапливались на восточном берегу озера. Чтобы перебросить их в Ленинград, нужна была дорога по льду Ладоги.

Ледовую трассу решено было проложить в южной, наиболее узкой части озера, через Шлиссельбургскую губу. Длина участка пути, который соединил бы Вагановский спуск и Осиновец с Кобоной, определялась в 30—32 км.

17 ноября командование фронта после аэрофоторазведки организовало пешую разведку трассы дороги, чтобы определить пригодность льда для движения автотранспорта. Группа, возглавляемая воентехником 2 ранга А. Н. Стафеевым, исследовала толщину льда в районах, прилегающих к Осиновец и Коккорево, другая группа во главе с воентехником 2 ранга В. А. Соколовым разведала маршрут от Коккорево через острова Клочья на Кобону [2].

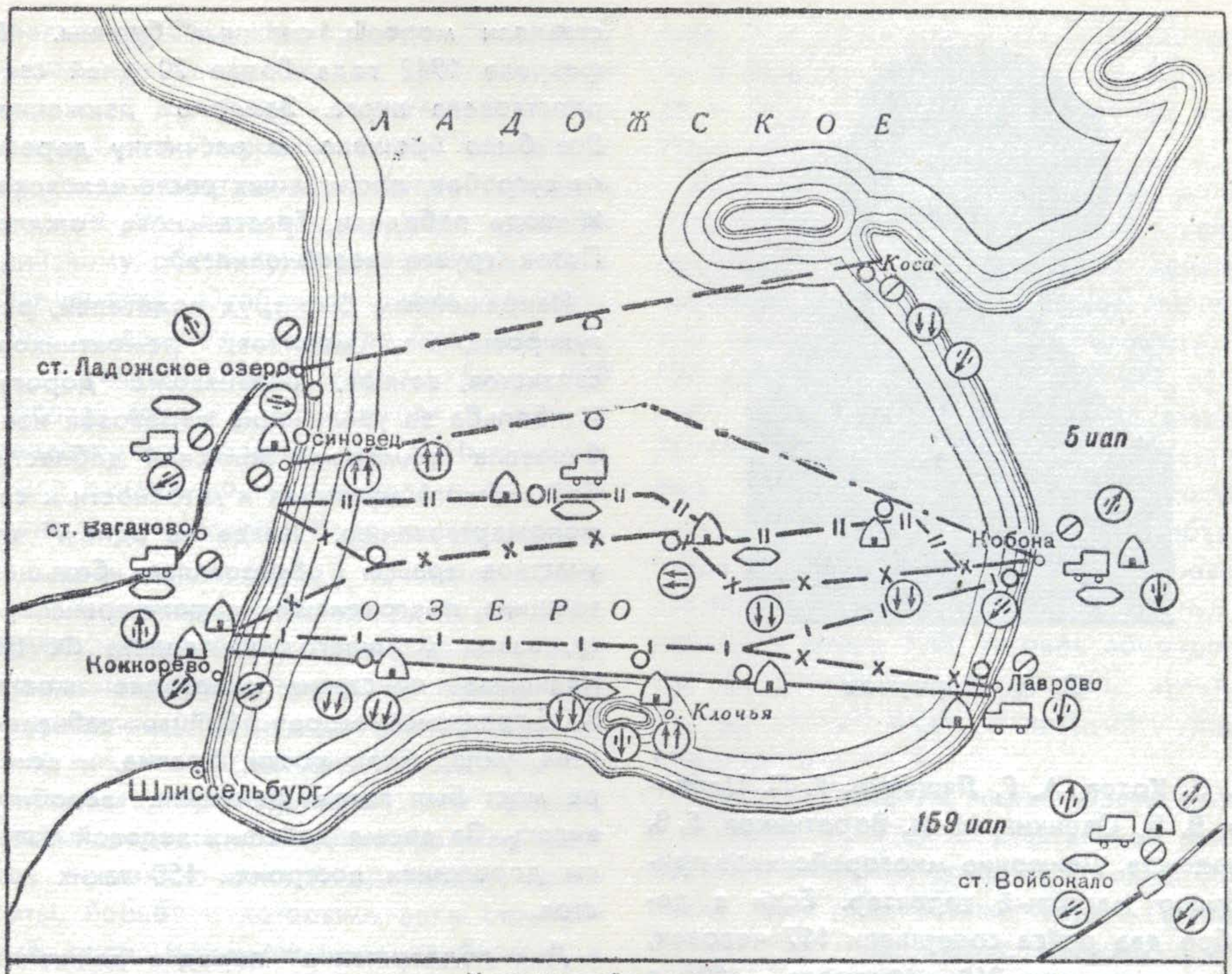
После детального обсуждения вопроса об использовании ледовой трассы Военный совет Ленинградского фронта решил автомобильные перевозки начать с 25 ноября. Но уже 21 числа в город было доставлено несколько тонн продовольствия на санях, а вечером 22 ноября первая колонна в 60 автомашин из батальона майора В. А. Порчунова вышла с западного берега озера за грузами для Ленинграда [3]. На следующий день Ленинград получил 33 тонны муки. Так начала действовать ледовая трасса, получившая символическое название—«Дорога жизни». Руководили перевозками начальник дороги генерал-майор интендантской службы А. М. Шилов, комиссар дороги бригадный комиссар И. В. Шикин, начальник политотдела дороги старший батальонный комиссар М. Д. Орловский и начальник ледового участка дороги капитан 2 ранга М. А. Нефедов [4].

Усиленными темпами шло совершенствование трассы: прокладывались новые маршруты, появились пути специального назначения для перевозки продовольствия, боеприпасов, угля, для транзитных грузов. Вначале темп перевозок был низким и количество перевозимых грузов далеко не обеспечивало потребности города. С 23 по 30 ноября в Ленинград было завезено около 800 т муки, что состав-

---

[1] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 15, лл. 47—48.

[2] Архив МО, ф. 217, оп. 7770, д. 6, лл. 12—25.
[3] Там же, д. 5, лл. 20—25.
[4] Там же, оп. 1234, д. 318, лл. 25—27.

Примерная схема маршрутов ледовой трассы зимой 1941/42 года

ляло при голодной норме менее двухсуточной потребности [5].

В декабре грузооборот стал возрастать. 22 декабря в Ленинград доставили 700 т, 23 числа — 800 т грузов. Это дало возможность увеличить норму хлебного пайка рабочим на 100 г, остальным категориям на 75 г в день [6]. Но план завоза грузов, определенный Военным советом фронта, все еще не выполнялся.

Областной и городской комитеты партии принимали все возможные меры для улучшения работы дороги. С этой целью 5 января 1942 года секретарь ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии А. А. Жданов обратился со специальным письмом к работникам ледовой трассы. В нем говорилось, что дорога работает плохо и не выполняет плана перевозок, что героические защитники города Ленина вправе требовать от дорожников самоотверженной работы. «Ваших трудов, — говорилось в письме, — Родина и Ленинград не забудут никогда» [7].

Этот призыв нашел живой отклик у тружеников дороги. Именно в эти дни зародилось патриотическое движение многорейсников. Инициаторами его были коммунисты и комсомольцы. Одним из первых водителей, который начал делать два рейса в сутки, был коммунист Е. Ф. Васильев. Его примеру последовали

[5] Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. М., Воениздат, 1958, стр. 124.
[6] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 11, л. 91.
[7] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, лл. 94—95, 205—207.

В. А. Порчунов

М. С. Косов, А. Г. Лященко, Г. П. Царенко, В. П. Овечкин, Н. И. Воротников, Г. В. Варламов. Движение многорейсников приобрело массовый характер. Если в декабре два рейса совершали 117 человек, то в январе уже 268, в феврале — 503, в марте — 513; в апреле число многорейсников возросло до 554 человек. В практику вошло создание комсомольских эшелонов в составе 6 — 10 машин каждый, которые также делали два-три рейса. Начальником первого комсомольского эшелона был И. К. Кудельский. В апреле на трассе действовало 50 таких эшелонов [8].

Непрерывно стал возрастать и темп перевозок. В январе в Ленинград завозилось в сутки уже 1700 т различных грузов. Это обстоятельство позволило вторично увеличить норму выдачи хлеба рабочим, детям, иждивенцам на 50 г, а служащим на 100 г в день. В феврале уже доставлялось более 3000 т грузов, в марте свыше 3800 т, в апреле 4000 т с лишним. 75 проц. грузов приходилось на долю продовольствия и фуража [9].

Нелегок был труд людей ледовой трассы. Не проходило дня, чтобы на трассе не случилось несчастья: то вражеские бомбы и снаряды разворотят лед и движение застопорится, то коварная Ладога заморозит или поглотит кого-либо в своих холодных водах.

Много хлопот труженикам трассы доставляли морозы, снежные бураны. В феврале 1942 года более 20 дней свирепствовала пурга. Замерло движение. Все было брошено на расчистку дороги от сугробов, достигавших роста человека. И люди победили. Трасса снова ожила. Поток грузов возобновился.

Напряженным был труд водителей, регулировщиков, медиков, ремонтников, связистов, воинов, охранявших дорогу. Их борьба за увеличение перевозок изобиловала примерами воинской доблести, беззаветного мужества и готовности к самопожертвованию. Когда на одном из участков трассы образовалась большая трещина, преградившая дорогу транспорту, взвод младшего лейтенанта Ф. Ш. Клиншова приступил к наводке моста. В 35-градусный мороз бойцы забивали сваи, укладывали доски, бревна, и вскоре мост был готов. Движение возобновилось. За время действия ледовой трассы дорожники построили 150 таких мостов.

Для поддержания порядка движения на ледовой трассе было создано 75 регулировочных постов и несколько специальных команд. Дорожники, ремонтники, грейдеристы, регулировщики несли круглосуточное дежурство, расчищали дорогу от торосов и сугробов. Почти все дороги на трассе подвергались снегоочистке. Дорожники построили около 300 км объездов [10].

Героически трудились ремонтники машин. Решением Военного совета фронта на обоих берегах были созданы авторемонтные мастерские, а на трассе — пункты технической помощи. Сильно изношенный автопарк не мог полностью обеспечить перевозки. Машины часто выходили из строя, не хватало квалифицированных рабочих, запасных частей, оборудования. И тем не менее за зиму 1941/42 года было отремонтировано несколько тысяч машин [11].

Очень трудной была работа у медиков. На трассе были поставлены санитарные палатки, в которых оказывалась медицинская помощь пострадавшим, здесь же люди получали пищу, обогревались. Воен-

---

[8] Архив МО, ф. 217, оп. 1250, д. 481, л. 348; оп. 1234, д. 301, л. 15; оп. 505473, д. 1, л. 205.
[9] Там же, оп. 487957, д. 15, лл. 47—48, 224.
[10] ЛПА, ф. И-43, оп. 3, ед. хр. 16, л. 14.
[11] Архив МО, ф. 217, оп. 7770, д. 4, лл. 1—5, 20—26; оп. 1234, д. 314, лл. 214—226; д. 318, лл. 6—15.

фельдшер Ольга Николаевна Писаренко бессменно находилась на трассе с первых дней до конца ее деятельности. Палатка О. Н. Писаренко была поставлена на 7-м километре — наиболее опасном участке. Он часто подвергался артиллерийскому обстрелу и авиационной бомбардировке. Особенно трудно приходилось тогда, когда на озере бушевала пурга и свирепствовали морозы. Более 100 человек спасла она от смерти. В один из авиационных налетов Ольга Николаевна была ранена, но не покинула поста, продолжая оказывать помощь товарищам.

Тысячи машин день и ночь шли по ледяным дорогам. В Ленинград везли муку, крупу, сахар, масло, табак, бензин, боеприпасы и другие грузы. Из города эвакуировалось нетрудоспособное население, вывозилось ценное оборудование и имущество. Враг прилагал все усилия, чтобы прервать коммуникацию. Над трассой постоянно висели вражеские самолеты, борьбу с которыми вели стрелковые части, расположенные на берегах и на трассе, зенитные, авиационные части противовоздушной обороны Ленинградского фронта, Войск ПВО страны и Краснознаменного Балтийского флота. Трассу прикрывало 218 орудий зенитной артиллерии, 59 счетверенных пулеметных установок, 83 прожектора, четыре истребительных авиационных полка [12].

В воздушных боях над Ладогой в этот тяжелый период отличились летчики майор Л. Г. Белоусов и капитан А. Ю. Байсултанов, удостоенные звания Героя Советского Союза, а также капитан П. И. Пилютин, лейтенант П. П. Кожанов, младшие лейтенанты В. И. Петров, Е. П. Воронцов, Г. А. Жидов и многие другие.

В конце марта 1942 года лед стал заметно слабеть: уменьшилась его толщина, появились трещины, начал разрушаться береговой припай. Но перевозки не прекращались. Лишь 15 апреля с трассы были сняты автобусы, 19 числа прекратили движение по льду автоцистерны. Военный совет Ленинградского фронта принял решение прекратить движение по ледовой трассе с 12 часов 21 апреля. Но еще 23 и 24 апреля дорожники доставили в Ленинград на санках и вручную 65 т лука. С 25 апреля движение через Ладогу было прекращено [13].

Ледовая трасса сыграла важную роль в сохранении жизни сотен тысяч ленинградцев и обеспечении боевых действий советских войск. Особо важное значение она имела в первую зиму блокады. За 157 дней (с 19.11.41 г. по 24.4.42 г.) по ней в Ленинград было доставлено 361 109 т различных грузов, осуществлен ряд оперативных перевозок, составлявших около 20 проц. общего объема перевозок. Из города было эвакуировано 514 069 ленинградцев (детей, больных и других) и около 3700 вагонов оборудования демонтированных заводов, культурных ценностей, медицинского оборудования и имущества [14].

Массовый героизм людей трассы вошел в историю Великой Отечественной войны как одна из самых ярких ее страниц. Оценивая их героический труд, «Правда» 9 мая 1942 года писала: «Бойцы, командиры и политработники Ладожской магистрали проявили ясность цели, настойчивость в достижении этой цели, выдержку и мужество, смелость и стойкость — характерные качества советских людей».

Советское правительство высоко оценило трудовую и боевую доблесть работников трассы. 341 человек был награжден орденами и медалями Советского Союза [15].

Сейчас у деревни Корнево, на западном берегу Ладожского озера, установлен памятник, на котором высечено: «1941—1943. Эти грозные годы запомни. Здесь проходила дорога жизни. Мужеством храбрых спасен Ленинград. Павшим героям бессмертная слава».

Кандидат военных наук
полковник в отставке
А. Харитонов.

[12] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 15, лл. 143—145, 169.

[13] Учитывая приобретенный опыт, зимой 1942/43 года через Ладожское озеро вновь была построена автомобильная дорога. По ней в Ленинград доставили 214 539 т различных грузов, 12368 лошадей, 1431 автомашину. Из Ленинграда было вывезено более 10 тыс. т грузов и около 90 000 человек (ЛПА, ф. И-43, оп. 3, ед. хр. 275, л. 80; Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 18, лл. 79—81, 85—86).

[14] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 15, лл. 179, 181—186; оп. 505473, д. 1, лл. 294, 303, 314, 317, 320, 332—333.

[15] Архив МО, ф. 217, оп. 487957, д. 15, лл. 246—247.

Маршал артиллерии М. Н. Чистяков

М. Н. Чистяков

В НОЯБРЕ маршалу артиллерии Михаилу Николаевичу Чистякову исполняется 70 лет. За плечами маршала — 51 год военной службы, из них более 48 лет в Советской Армии. Он прошел большой путь служения Родине: от командира артиллерийского взвода до заместителя командующего артиллерией Советской Армии [1].

В сентябре 1918 года М. Н. Чистяков был призван в Красную Армию и в должности командира артиллерийского взвода, батареи и дивизиона 21-й и 29-й стрелковых дивизий принимал участие в боевых действиях на Восточном и Западном фронтах гражданской войны.

После гражданской войны М. Н. Чистяков продолжает служить в артиллерии. Один год (с ноября 1922 по октябрь 1923 г.) он помощник начальника артиллерии дивизии, три года начартдив и командир артиллерийского полка 81-й стрелковой дивизии в Московском военном округе. В 1926 году учится на старшем отделении артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, по окончании которых в ноябре 1926 года становится помощником начальника артиллерии стрелкового корпуса. Затем полтора года (с июля 1929 по ноябрь 1930 г.) командует 116-м артиллерийским полком РГК, учится на курсах высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе. После окончания курсов в ноябре 1930 года М. Н. Чистяков назначается начальником артиллерии 2-го стрелкового корпуса, а с июня 1936 по март 1938 года работает в штабе Белорусского военного округа помощником по артиллерии у армейского инспектора. В 1936 году Михаилу Николаевичу присваивается звание — комбриг.

За 18 лет службы после гражданской войны М. Н. Чистяков неизменно аттестовался только положительно: отмечались его большие знания и опыт, инициативность, решительность, дисциплинированность, разумная и строгая требовательность к себе и подчиненным, постоянное стремление к усовершенствованию профессиональных и общественно-политических знаний. Вместе с тем подчеркивалось его умение сплотить весь личный состав для успешного решения задач боевой подготовки, справедливость и объективность в оценке действий подчиненных, способность передать другим свои знания и опыт. Будучи беспартийным, он умел правильно построить деловые взаимоотношения с партийной организацией и потому всегда пользовался ее поддержкой.

В марте 1938 года Михаила Николаевича назначают начальником курсов усовершенствования высшего комсостава артил-

---

[1] Михаил Николаевич Чистяков родился 18 ноября 1896 года в Петербурге в семье железнодорожника. Кроме отца в семье работали два старших брата, и Михаилу Николаевичу была предоставлена возможность окончить реальное училище. Получив полное среднее образование, 19-летний юноша пошел добровольно служить в армию. В 1915 году окончил семимесячный курс обучения в команде вольноопределяющихся в запасном артиллерийском дивизионе Западного фронта (г. Луга) и был направлен в артиллерийскую бригаду 19-й пехотной дивизии Юго-Западного фронта. В течение полутора лет он служит разведчиком-наблюдателем и младшим командиром, за боевые заслуги награждается георгиевскими крестами IV и III степени, в июне 1917 года получает первый офицерский чин и командует артиллерийским взводом. Весной 1918 года М. Н. Чистяков увольняется из армии и приезжает в Петроград.

лерии при Академии имени Ф. Э. Дзержинского, а в феврале 1941 года — начальником Управления боевой подготовки наземной и зенитной артиллерии Главного артиллерийского управления РККА. Здесь особенно проявились черты характера М. Н. Чистякова: тактичность и спокойное обдумывание необходимых мероприятий, настойчивое их осуществление, умение ценить чужое мнение.

В 1941 году в связи с нападением немецко-фашистских войск и продвижением их в глубь нашей страны советские соединения понесли большие потери, в том числе и в артиллерии. Потребовались титанические усилия, чтобы восполнить убыль и создать резервы. Формируемые артиллерийские части надо было укомплектовать, вооружить, в короткие сроки подготовить к ведению боевых действий. Это определяло серьезность и специфику работы Управления боевой подготовки артиллерии, возглавляемого М. Н. Чистяковым. Но уже в июле ему поручают руководство артиллерией Западного фронта, а осенью — артиллерией 34-й армии Северо-Западного фронта. В декабре 1941 года М. Н. Чистяков отзывается с фронта и вновь включается в работу подчиненного ему управления.

Мне пришлось встретиться с Михаилом Николаевичем именно в тот период, когда в канун нового, 1942 года я вступал в должность начальника штаба артиллерии Красной Армии. Личное общение с Михаилом Николаевичем показало, что с ним легко можно установить взаимопонимание и деловое взаимодействие. Он охотно делился опытом, помогал советами, внимательно относился к добытым штабом артиллерии крупицам нового опыта в оперативном и боевом управлении, своими критическими замечаниями содействовал более правильному его обобщению. Дружная совместная работа помогала также и быстрому внедрению этого опыта в боевую подготовку резервов артиллерии, готовившихся для фронта.

Осенью 1942 года Михаил Николаевич убывает в группе представителя Ставки ВГК генерала А. М. Василевского на фронты сталинградского направления. Сотрудничество с таким высокообразованным общевойсковым начальником было для М. Н. Чистякова плодотворным: рос его оперативный и стратегический кругозор. Следует отметить, что уже тогда он получал положительную оценку представителя Ставки за доклады, в которых излагал истинное положение с артиллерией того или иного фронта, ее действительную боевую деятельность и боевую готовность, что имело важное значение в общей оценке обстановки и в принятии оперативных решений. Строгий контроль, который он осуществлял с присущим ему тактом и спокойствием, умение направить работу тех или иных артиллерийских начальников на устранение недостатков и на применение наиболее эффективных способов оперативного использования артиллерии во фронтах создавали генералу М. Н. Чистякову авторитет. Особенно это ценилось потому, что нередко инспектирующие и руководящие лица проявляли излишнюю нервозность. Из обмена мнениями со многими артиллерийскими начальниками на фронтах и в армиях я понял, как высоко они ценили такт Михаила Николаевича, способность подсказать наиболее удачный вариант действий, не претендуя на «приоритет», умение направить мысль подчиненного на выполнение указаний артиллерийских начальников, участвовавших в выработке замысла и плана той или иной операции. В общем, можно без преувеличения сказать, что в каждой операции, в планировании и реализации которой он принимал участие как член группы представителя Ставки ВГК, имеется и его вклад. Деятельность М. Н. Чистякова в период Сталинградской битвы была отмечена правительственной наградой и присвоением очередного звания — генерал-лейтенант артиллерии.

В июне 1943 года генерал М. Н. Чистяков назначается заместителем командующего артиллерией по боевой подготовке, вместо погибшего в районе Сталинграда генерал-лейтенанта артиллерии В. Г. Корнилова-Другова. Начался период почти непрерывных выездов на фронты в группах представителей Ставки ВГК, возглавлявшихся А. М. Василевским и Г. К. Жуковым: в июле 1943 года — на Брянский, Центральный, Воронежский и Степной фронты, в августе — на изюм-барвенковское направление; в сентябре—октябре — на Южный фронт, затем — на 4-й и 3-й Украинские фронты.

В марте—апреле 1944 года М. Н. Чистяков с группой представителя Ставки ВГК Маршала Советского Союза А. М. Василевского выезжает на 4-й Украинский фронт и участвует в операции по освобождению Крыма. За успешную работу ему присваивается очередное воинское звание генерал-полковника артиллерии. В апреле и мае он командируется на 3-й Белорусский фронт, где принимает участие в разработке плана операции по разгрому немецко-фашистских войск в Белоруссии. На 1-м Прибалтийском фронте участвует в организации отражения контрудара немцев в районе Шауляя, на 3-м Прибалтийском — в Рижской операции. В сентябре 1944 года М. Н. Чистякову присваивается звание маршала артиллерии.

В 1944 году М. Н. Чистяков принимается в члены Коммунистической партии. Много лет он работал бок о бок с партийными организациями, взаимодействуя с ними и являясь представителем той группы беспартийных деятелей, которые давно созрели для такого шага, как вступление в партию.

Летом и осенью 1945 года М. Н. Чистяков работает в Ставке Главнокомандующего войсками Дальнего Востока Маршала Советского Союза А. М. Василевского, исполняя обязанности командующего артиллерией. В октябре 1945 года он возвращается в Москву на прежнюю должность заместителя командующего артиллерией Советской Армии. За время Великой Отечественной войны маршал М. Н. Чистяков был награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I и II степени, дважды орденом Кутузова I степени, Богдана Хмельницкого I степени и Отечественной войны I степени, а также многими медалями.

В 1947 году Михаил Николаевич избирается депутатом Верховного Совета РСФСР.

Принимая участие в обобщении опыта завершившейся войны, М. Н. Чистяков работает в составе высшей уставной комиссии, выезжает на полигонные испытания новой артиллерийской боевой техники. В 1953—1957 годах маршал артиллерии М. Н. Чистяков — заместитель командующего артиллерией Советской Армии по ВВУЗам, а затем генерал-инспектор Главной инспекции Министерства обороны. На новом месте он работает с привычной ему добросовестностью.

С глубоким уважением к плодотворной деятельности маршала артиллерии Михаила Николаевича Чистякова приносим ему искренние поздравления в связи с почетным семидесятилетием, желаем здоровья и успехов в его творческой деятельности.

Генерал-полковник артиллерии
в отставке
Ф. Самсонов.

Генерал-лейтенант войск связи Н. А. Борзов

(К 75-летию со дня рождения)

ЖИЗНЬ и деятельность генерал-лейтенанта войск связи Н. А. Борзова— старейшего связиста нашей страны, является ярким примером беззаветного служения народу и беспредельной преданности Родине [1].

Свою службу на благо советского народа Н. А. Борзов начал в декабре 1917 года, когда он добровольно вступил в ряды Красной гвардии. Был активным участником гражданской войны, в период которой многое сделал для создания, становления и укрепления первых частей связи и налаживания службы связи в Ра-

[1] Николай Александрович Борзов родился 22 ноября 1891 года в Москве в семье портного. В 1909 году он закончил Московское техническое училище и работал связистом в Управлении московских телеграфов. Всю свою последующую жизнь Николай Александрович посвятил любимому делу — связи.

В феврале 1915 года он был призван в старую русскую армию и до конца первой мировой войны проходил службу в качестве полевого телеграфного механика в штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Н. А. Борзов принимал непосредственное участие в операциях русской армии на территории Украины, Польши и Австро-Венгрии. Он был также участником наступления русских войск Юго-Западного фронта летом 1916 года.

Февральская революция 1917 года застала Николая Александровича в городе Каменец-Подольске. В марте 1917 года он был избран секретарем Центрального комитета телеграфно-телефонных техников армий Юго-Западного фронта. Затем возглавил руководство службой телеграфа Революционного комитета Юго-Западного фронта.

боче-Крестьянской Красной Армии. Как в годы гражданской войны, так и после нее Н. А. Борзов занимал самые различные посты в войсках связи: сначала работал старшим телеграфным механиком штаба 8-й и 13-й армий Южного фронта, с мая по октябрь 1920 года исполнял должность начальника связи Юго-Западного фронта. В последующее время — начальник связи Вооруженных Сил Украины и Крыма, Украинского и Московского военных округов.

В 1924 году, после окончания Военно-академических курсов высшего комсостава РККА, Н. А. Борзов, как опытный связист, назначается в центральный аппарат Народного Комиссариата Обороны. В 1929—1930 годах он возглавлял Инспекцию и Управление связи штаба РККА, после чего был направлен на руководящую работу в Военно-электротехническую академию связи, где в течение ряда лет вел напряженную работу по подготовке командных кадров для войск связи. В 1936 году ему присваивается воинское звание — комбриг.

В сентябре—октябре 1939 года комбриг Н. А. Борзов участвовал в освободительном походе в Западной Украине. «Товарищ Борзов, — писал о нем бывший начальник штаба Украинского фронта комдив Н. Ф. Ватутин, — все ответственные боевые задания выполнял точно и своевременно».

Николай Александрович являлся также участником финской кампании в составе 9-й армии. В апреле 1940 года бывший командующий 9-й армией комкор В. И. Чуйков так характеризовал комбрига Н. А. Борзова: «Отличный организатор. Непосредственно по своей инициативе разрабатывал соображения по связи как на общие, так и на частные операции 9-й армии. Совершенно правильно оценивая обстановку, всемерно помог штабу армии и отделу связи целесообразно наметить, расставить и организовать силы и средства связи по всем направлениям с учетом глубины операции и особенностей района и условий действий армии». В июне 1940 года Н. А. Борзову было присвоено воинское звание — генерал-майор войск связи.

Независимо от того, на каком участке приходилось работать Николаю Александровичу, он везде проявлял глубокое

Н. А. Борзов

знание дела, кипучую деятельность, большую инициативу и настойчивость при решении практических вопросов. И всегда он оставался при этом обаятельным человеком, замечательным товарищем, отзывчивым и уважаемым начальником.

Огромную работу Н. А. Борзов провел в годы Великой Отечественной войны. Он был активным участником ряда операций Советской Армии и оказал большую помощь в обеспечении управления войсками в различных условиях боевой обстановки.

В начале Великой Отечественной войны Н. А. Борзов был назначен начальником связи штаба главнокомандующего юго-западного направления. В самое тяжелое для нашей Родины время в декабре 1941 года Н. А. Борзов вступает в ряды Коммунистической партии. Летом 1942 года, в период отхода советских войск на юго-восток, он сначала возглавляет войска связи Юго-Западного, а затем Сталинградского фронтов. Здесь особое внимание он уделял улучшению методов использования радиосвязи для управления войсками и обеспечению командующих армиями и командиров соединений личными радиостанциями. Во время тяжелых оборонительных боев в Сталинграде Н. А. Борзов многое сделал для организации и обеспечения устойчивой связи 62-й армии. Н. А. Борзов непосредственно руководил прокладкой полевых кабельных линий через Волгу, работами по

оборудованию узла связи вспомогательного пункта управления штаба армии, а также обеспечил надежное эксплуатационное обслуживание линий связи на всех важнейших направлениях фронта.

Интересно отметить, что Н. А. Борзов руководил узлом связи, обеспечивавшим связь штабов фронтов со Ставкой. Этот узел связи сыграл важную роль во время боевых действий наших войск на Курской дуге. После этого, будучи начальником связи 2-го Белорусского фронта, он проделал огромную работу по обеспечению связи в Могилевско-Минской, Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операциях. О больших масштабах ее свидетельствует следующий пример: с начала наступательных операций войск фронта в июне 1944 года вплоть до окончания Великой Отечественной войны общая протяженность только осевых линий проводной связи штаба фронта составила около 3600 км. За это время части связи фронта построили и восстановили около 15 тыс. км постоянных линий связи, подвесили новые и восстановили без малого 107 тыс. км проводов.

За годы войны Н. А. Борзов был дважды контужен — в 1942 и 1944 годах и один раз ранен. В апреле 1945 года ему было присвоено звание генерал-лейтенанта войск связи.

Характеризуя работу генерала Н. А. Борзова за период Великой Отечественной войны, бывший начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский писал: «Весь период Великой Отечественной войны, за небольшим исключением, тов. Борзов находился в действующей армии на должностях начальника связи Юго-Западного, Сталинградского и Второго Белорусского фронтов и начальника связи в группах представителей Ставки Верховного Главнокомандования. За это время проявил себя хорошим начальником своего рода войск и умелым организатором».

Николай Александрович Борзов вел большую и многогранную работу в войсках связи и после окончания Великой Отечественной войны: работал начальником связи Северной группы войск, Советской военной администрации в Германии, длительное время в одном из управлений Генерального штаба Советских Вооруженных Сил. В послевоенных аттестациях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал армии М. С. Малинин отмечали, что тов. Борзов Н. А. является крупным, обладающим большим практическим опытом специалистом в области организации связи как в тактическо-оперативном, так и в оперативно-стратегическом звеньях. За безупречную службу в Советской Армии, умелое руководство подчиненными войсками связи Н. А. Борзов был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Кутузова, Б. Хмельницкого, Отечественной войны, Красной Звезды и многими медалями.

В 1961 году Николаю Александровичу по состоянию здоровья пришлось уволиться из рядов Советской Армии, но до самой своей кончины, последовавшей 29 августа 1965 года, он в меру сил продолжал трудиться, делясь с молодым поколением военных связистов обширным и многогранным опытом. Своей неутомимой работой он внес большой вклад в дело создания и развития войск связи Советской Армии.

Маршал войск связи ***И. Пересыпкин.***

ПОПРАВКИ

В 10-м номере журнала за 1966 год на стр. 89 под фотографиями следует читать: слева — Ф. Я. Середин, справа — Н. И. Дворников; на стр. 117, 11-я строка снизу, начало фразы читать: «В Муроме произошел...»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, К-160,
ул. Кропоткинская, 19.

Тел. К 3-00-89, К 3-53-16,
К 3-54-98, К 3-02-09, К 3-38-61.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Г. Павленко (главный редактор), **В. И. Ачкасов, Е. А. Болтин, А. Н. Грылев, П. А. Жилин, Я. Г. Зимин, В. М. Кравцов** (зам. главного редактора), **И. Е. Крупченко, В. М. Кулиш, С. С. Лотоцкий, В. Г. Позняк, В. Д. Поликарпов, А. Г. Рытов, Ф. А. Самсонов, А. А. Строков, М. И. Чередниченко.**

Технический редактор В. В. Сеферьянц

Г-37299 Сдано в набор 15.9.66 г. Подписано к печати 12.11.66 г. Цена 40 коп.
Бумага 70×108¹/₁₆ 8 печ. л. = 10,96 усл. печ. л. 12,2 авт. л. В п. л. 56000 тип. зн. Зак. 4882

Типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

70137

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫПУСКАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

КОНЕВ И. С. Сорок пятый. Серия «Военные мемуары». (Воениздат, 1966, 20 л., с илл., в перепл., с суперобложкой. Цена 91 коп.). Воспоминания Маршала Советского Союза И. С. Конева посвящены завершающим операциям Великой Отечественной войны.

НОВАК Т. Ф. Пароль знают немногие. (Авторизованный перевод с украинского. Серия «Военные мемуары». (Воениздат, 1966, 30 л. Цена 1 р. 20 к.). Герой Советского Союза Т. Ф. Новак — один из создателей и руководителей ровенского подполья раскрывает в книге многие неизвестные подробности славной борьбы советских патриотов.

КУЗНЕЦОВ Н. Г. Накануне. Серия «Военные мемуары». (Воениздат, 1966, 19 л. Цена 86 коп.).

Герой Советского Союза Н. Г. Кузнецов в своих воспоминаниях показывает, как возрождался и рос Советский Военно-Морской Флот, как мужали его люди. Читатель встретится в книге со многими государственными и военными деятелями, будет свидетелем ответственных совещаний, где решались важнейшие вопросы обороны страны накануне войны.

Книги Военного издательства можно приобрести по почте наложенным платежом, направив заказ «ВОЕННАЯ КНИГА — ПОЧТОЙ» по адресу: Алма-Ата, ул. Шевченко, 108; Ашхабад, ул. Ленина, 32/20; Владивосток, Ленинская, 18; Киев, Красноармейская, 10; Куйбышев, Куйбышевская, 91; Ленинград, Невский, 20; Львов, проспект Ленина, 35; Минск, ул. Куйбышева, 16; Москва, А-167, Красноармейская, 18-а; Новосибирск, Красный проспект, 61; Одесса, Дерибасовская, 13; Петрозаводск, ул. Гоголя, 22; Рига, Б. Смилшу, 16; Ростов-на-Дону, Буденновский, 76; Свердловск, ул. Ленина, 101; Севастополь, Б. Морская, 8; Североморск, ул. Сафонова, 14; Тбилиси, пл. Ленина, 4; Фрунзе, ул. Иваницина, 108; Хабаровск, ул. Серышева, 11; Чита, ул. Ленина, 111/а.